

НА Б ЕВОМ П О С Т У

№ 4
апрель
2002

ЖУРНАЛ ВНУТРЕННИХ ВОЙСК МВД РОССИИ

**СТРАТЕГИЧЕСКАЯ ЗАДАЧА:
МОБИЛЬНОСТЬ, ХОРОШЕЕ
ОСНАЩЕНИЕ И ПРОФЕССИОНАЛИЗМ**

МУЖЕСТВО, РОЖДЕННОЕ В БОЯХ

Стал уже традиционным торжественный прием в Центральном музее Великой Отечественной войны на Поклонной горе военнослужащих внутренних войск и сотрудников органов внутренних дел, отличившихся в ходе контртеррористической операции на Северном Кавказе, ветеранов в честь Дня защитников Отечества. В нынешнем году здесь встречали Героев Советского Союза, Героев Российской Федерации, кавалеров ордена Славы трех степеней. Гости ознакомились с экспозицией музея, возложили цветы к памятнику воину-освободителю. Память павших присутствующие почтили минутой молчания...

Фото Владимира НИКОЛАЙЧУКА

Главный редактор
УЛЬЯНОВСКИЙ В.Н.

**Редакционная
коллегия:**

АРТЮХОВ Е.А., АШУРКОВ И.А.,
БАННИКОВ А.Ю. (зам. главного
редактора — ответственный
секретарь), БЕЛЬСКИЙ В.Ю.,
ГЕРАСИМОВ В.Н.,
ДОМОЖИРОВ В.К. (зам.
главного редактора),
ЕРМАКОВ П.И., КАЗАКОВ Н.Н.,
КАРПОВ Б.В., КИСЛЫЙ Ю.П.
(зам. главного редактора),
КОЛЕСНИКОВ С.С.,
КЛОЧКОВ В.И., КУДРЯШОВ А.В.,
МАКАРОВ А.В., ЛЕВКОВИЧ В.Г.,
ОБРЕВКО В.М.,
ПАНЧЕНКОВ В.В.,
СЕНОКОСЕНКО Л.Ф.,
СВИТКО Е.В.,
ТОНКОНОГОВ В.П.,
ЮРЧЕНКО С.П.

**Художественное
оформление**
БАННИКОВ А.Ю.,
КОПЫЛОВ Э.П.

Верстка
ВИНОГРАДОВА О.К.

Корректоры
БОГДАНОВА Е.А.,
ГАВРИЛОВА Е.Ю.

На 1-й странице обложки
фото ЗЛОТНИКА И.Я.

Издается с 1958 года
УЧРЕДИТЕЛЬ —
МВД России
ИЗДАТЕЛЬ —
Главное командование
внутренних войск

Журнал зарегистрирован в
Министерстве печати и
информации Российской
Федерации.

Регистр. № 01420.

Имеет приложения:
газету «Ситуация» и сборник
учебно-методических
материалов
«Войсковой вестник»

При перепечатке материалов
ссылка на наш журнал обязательна

Редакция вправе сокращать и
литературно обрабатывать при-
нятые к публикации тексты. Ре-
дакция может публиковать ма-
териалы, не разделяя точку зре-
ния авторов. Рукописи не рецен-
зируются и не возвращаются. За
достоверность фактов, имен
собственных, неразглашение
тайны отвечают авторы публика-
ций, за достоверность рекла-
мных объявлений — рекламодате-
ли, за качество печати — ти-
пография. Переписка с читате-
лями ведется только на страни-
цах журнала.

Сдано в набор 14.02.2002
Подписано к печати 22.03.2002
Формат бумаги 84x108 1/16.
Общий тираж изданий 15 000
Печать офсетная. Усл. печ. л. 8,8.
Уч.-изд. л. 11. Зак. № 628
Индекс для индивидуальных подписчиков
— 70610
для предприятий и организаций
— 73175

Отпечатано в ФГУП Издательство и
типография газеты «Красная звезда»
123007, Москва,
Хорошевское шоссе, д. 38

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ВОЕННО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ ВНУТРЕННИХ ВОЙСК

НА Б О Е В О М П О С Т У

№ 4
апрель
2002

В номере:

ОФИЦИАЛЬНО

2 Больше реальных
результатов!

**ВЗГЛЯД НА ПРОБЛЕМУ
С. КОРНЕЕВ**
Погоны для профи **23**

ХАРАКТЕР

4 Д. КОЗЛОВ
Повесть о
настоящем
капитане

2

**ПРЕСТУПЛЕНИЕ И
НАКАЗАНИЕ**

Е. ПОСТНИКОВА
Предатели **26**

**ИЗ КАВКАЗСКОГО
БЛОКНОТА**

6 Р. КАРАПЕТЯН
Долгая дорога в
Грозный

К 200-летию МВД России
А. БОРИСОВ
Министерство
внутренних дел:
страницы истории **30**

ФРОНТОВЫЕ ЗАРИСОВКИ

8 И. ДЕНИСОВ
Русская "Буренка"
над Голливудом

4

ИМЯ В ИСТОРИИ ВОЙСК
А. КУЛИКОВ
Тяжелые звезды **33**

МУЖЕСТВО

9 А. ЛЕБЕДЕВ
Кавказские
дороги "росичей"

КНИЖНАЯ ПОЛКА
"Стресс войны"
Новое
историческое
исследование **40**

СЛУЖБА

13 Р. ИЛОЩЕНКО
Там, где рано
начинается зима

8

ЛИТЕРАТУРА
А. ДЫШЕВ
Медная роза
(повесть) **41**

БОЕВОЙ ОПЫТ

18 Ю. КИСЛЫЙ
Спецназ, который
вернется...

М. СУХАРЕВ
"Для Чечни я
сделал все, что
мог..."
(стихи) **62**

КАЛЕЙДОСКОП
Кроссворд **64**

© Журнал «На боевом посту», 2002

Адрес редакции: 111250, Москва, Красноказарменная 9 а
Телефоны для справок: 361-81-71, 361-82-57 E-mail: a_u_bannikov@mail.ru

Больше реальных результатов!

1 марта 2002 года состоялось расширенное заседание военного совета Главного командования внутренних войск МВД России.

На военном совете были рассмотрены вопросы: О состоянии морально-психологического обеспечения служебно-боевой деятельности внутренних войск МВД России и мерах по его совершенствованию; об итогах хозяйственной и финансово-экономической деятельности за прошлый год.

Во вступительном слове заместитель министра — главнокомандующий внутренними войсками генерал-полковник Вячеслав Тихомиров потребовал от должностных лиц принятия решительных мер для наведения должного порядка в войсках. «Поменьше барабанного треска о достигнутых показателях — побольше реальных результатов!» — потребовал он от руководства войск и командования округов.

В докладе по вопросу «О состоянии морально-психологического обеспечения служебно-боевой деятельности внутренних войск МВД России и мерах по его совершенствованию» заместитель главнокомандующего внутренними войсками МВД России генерал-лейтенант Станислав Кавун отметил, что ныне действующая система морально-психологического обеспечения складывалась в процессе реформирования войск, ведения боевых действий в Чеченской республике и является важнейшим видом обеспечения служебно-боевой деятельности. Практика доказала обоснованность комплексного подхода к работе с личным составом,

основные направления которого были определены приказом главнокомандующего «О морально-психологическом обеспечении служебно-боевой деятельности внутренних войск».

В условиях реформирования войск, совершенствования боевой подготовки и их организационно-штатной структуры не могли не измениться требования к морально-психологическому обеспечению, организации воинского воспитания.

Важнейшим показателем деятельности МПО является высокий моральный дух войск, массовый героизм и отвага, которые проявляют военнослужащие при выполнении боевых задач в ходе контртеррористических операций. Доказательством служит тот факт, что по состоянию на февраль 2002 года за выполнение специальных заданий на территории Северо-Кавказского региона награждено государственными наградами 7250 военнослужащих внутренних войск, в том числе 39 удостоены звания Героя Российской Федерации (26 из них посмертно).

В выступлении генерал-лейтенант Станислав Кавун отметил, что основной целью мероприятий морально-психологического обеспечения было и остается поддержание высокой воинской дисциплины и правопорядка в войсках. За последние годы показатели в этой сфере несколько стабилизи-

ровались.

Анализ динамики изменения основных показателей воинской дисциплины в предшествующие пять лет свидетельствует о том, что тенденция к снижению количества негативных показателей приобрела достаточно устойчивый характер.

Однако существуют и проблемы, которые еще не до конца решены. Одна из них — предупреждение небоевых потерь среди личного состава. С 1997 года положение дел не изменилось в лучшую сторону. Так, по уровню небоевых потерь в 2001 году войска превысили количественные показатели 1998 года. Это говорит о том, что в войсках наметились неблагоприятные тенденции.

Вторая наиболее значимая проблема — недостаточная профилактика неуставных взаимоотношений и превышений должностных полномочий, которые составляют почти четверть всех преступлений. Если на протяжении последних лет (с 1996 по 2000 год) их количество неуклонно снижалось, то в 2001 году неуставные взаимоотношения возросли на 20 процентов.

Серьезную обеспокоенность вызывает состояние воинской дисциплины в группировке войск на территории Северо-Кавказского региона. Рост негативных явлений в пунктах временной дислокации допущен в воинских частях Московского, Северо-Западного, Севе-

ро-Кавказского округов. По-прежнему большая часть негативных проявлений допускается в 46-й ОБрОН, на которую приходится 69 процентов преступлений, 31 процент происшествий и 26 процентов небоевых потерь группировки.

Оценивая состояние воинской дисциплины в целом, необходимо отметить, что уже 2-3 последних года темпы сокращения негативных проявлений в войсках замедлились. Это связано и с ухудшением качества призывного контингента и с упущениями в работе некоторых должностных лиц.

Далее заместитель главного командующего остановился на основных задачах совершенствования морально-психологического обеспечения внутренних войск.

***

Заместитель главного командующего внутренними войсками по тылу — начальник тыла генерал-майор Евгений Промов в своем выступлении отметил, что по итогам хозяйственной деятельности в 2001 году лучше работал тыл Северо-Кавказского и Уральского округов внутренних войск, Пермского и Северо-Кавказского военных институтов.

В прошедшем году в войсках особое внимание уделялось доведению положенных норм довольствия до каждого военнослужащего.

В 2001 году удалось на 80 процентов погасить задолженность по выплате денежной компенсации взамен вещевого имущества. В 2002 году планируется выдать вещевое имущество офицерскому составу, курсантам в полном объеме.

В числе затронутых вопросов был и вопрос обеспечения военнослужащих жильем. По состоянию на 1 января 2002 года во внутренних войсках на квартирном учете состоит 17233 военнослужащих, в том числе 4150 нуждается в улучшении жилищных условий и 13083 бесквартирных военнослужащих, то есть каждый третий офицер и прапорщик — бесквартирный. Работа над этой проблемой ведется. (На 1 июня 2001 года во внутренних войсках на жилищном учете состояло 17533 военнослужащих. За полугодие очередь уменьшилась на триста человек.)

Так, за 2001 год получено 1300 квартир (в 2000 году — 760). Предоставлены субсидии на приобретение жилья 157 военнослужащим на сумму 173,6 млн руб. В 2002 году планируется направить на жилищное строительство 151 млн рублей, что позволит ввести в эксплуатацию 6 жилых домов на 532 квартиры; продолжить строительство 13 жилых домов на 915 квартир общей площадью 55257 кв.м.

Подводя итоги хозяйственной деятельности внутренних войск, заместитель главного командующего внутренними войсками по тылу — начальник тыла генерал-майор Евгений Промов отметил, что за 2001 год, несмотря на дефицит финансирования, большой отрыв должностных лиц на выполнение задач в Северо-Кавказском регионе, достигнут определенный прогресс в вопросах материального обеспечения, доведения положенных норм довольствия до личного состава, его расквартирования и обустройства, содержания военных городков, обеспечения жильем семей военнослужащих.

***

“На фоне позитивных процессов, происходящих в экономическом развитии нашей страны, за последние 3 года явно просматривается положительная динамика в обеспечении финансовыми ресурсами силового компонента государства, и в том числе внутренних войск МВД России”, — подчеркнул в своем докладе начальник финансового управления ГКВВ генерал-майор Виктор Крушинский. В связи с этим произошли качественные изменения в структуре расходов на содержание войск. Растет доля расходов на боевую подготовку, материально-техническое обеспечение и техническое оснащение.

Генерал-майор Виктор Крушинский отметил, что в прошедшем году в приоритетном порядке финансировались мероприятия, проводимые войсками в Северо-Кавказском регионе. Не допущено задержек в выплате военнослужащим и гражданскому персоналу текущего денежного довольствия и заработной платы, в полном объеме обеспечены социальные и компенсационные выплаты, погаше-

на задолженность по выплатам денежного довольствия с учетом районных коэффициентов, полностью обеспечены выплаты за участие в боевых действиях согласно утвержденным приказам. Обеспечены мероприятия по реформированию внутренних войск, связанные с выплатами военнослужащим, подлежащим увольнению.

Начальник финансового управления войск заострил особое внимание на готовящихся проектах приказов министра, главнокомандующего, призванных существенно повысить денежное содержание военнослужащих. В соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 29.12.2001 № 1510. Подготовлен, издан и направлен на государственную регистрацию в Минюст России приказ министра внутренних дел Российской Федерации “О выплате военнослужащим внутренних войск МВД России ежемесячной надбавки за сложность, напряженность и специальный режим военной службы. Этим приказом командирам воинских частей, соединений и объединений разрешено устанавливать с 1.01.2002 г. подчиненным военнослужащим, проходящим военную службу по контракту, выплату названной надбавки в размере до 70 процентов от оклада по воинской должности. В связи с этим рост размера денежного довольствия военнослужащих составит от 20 до 45 процентов от оклада по воинской должности.

Закрывая заседание военного совета, главнокомандующий внутренними войсками МВД России генерал-полковник Вячеслав Тихомиров напомнил, что внутренние войска идут по пути дальнейшего реформирования, цель которого — создание компактных, мобильных, хорошо оснащенных и профессионально подготовленных формирований. “Пробраз войск 2005 года — дело сегодняшнего дня. Концептуальное понимание каждым руководителем стратегии развития войск — стратегическая задача!”

**Отдел социальных проблем
и воинского воспитания**

полного отсутствия связи и взаимодействия, неразберихи Олег вывел взвод к основным силам батальона. И только после того как отдышался от пережитого при боевом крещении и получил командирское "Добро, отдыхайте", почувствовал боль в ноге. Зацепила все же пуля-дура...

Это было его первое ранение и первый орден Мужества.

Вот почему сейчас, отдавая предварительные распоряжения на операцию, подполковник Мышак долго не раздумывал, кто пойдет впереди батальона. Уважаемый за профессионализм даже более опытными коллегами, имеющий огромный авторитет среди подчиненных, внушающий страх боевикам до такой степени, что за его голову они даже назначили персональную награду в 15 тысяч долларов, неоднократно справлявшийся с на первый взгляд невыполними задачами офицер — кто, как не он, может повести головной разведдозор?!

Недолгие приготовления, инвентарь — и взвод шагает по разру-

вушка бандитов: если бы в эту западню угодил батальон, то выйти бы смогли лишь единицы...

Первое, что Олег увидел, когда пришел в себя, — это его оторванная нога и много крови вокруг.

Одной рукой достав из разгрузки аптечку, быстро вколот промедол.

— Пулеметчику влево, на ступенях школы — группа боевиков, — снова начал руководить боем старший лейтенант Недобежкин. — Снайперу от бетонной колонны вправо два пальца, у кустов гранатометчик.

Отдавая команды, он вел огонь. Но вот опустел магазин, и вместе с этим силы начали покидать его. Последнее, что он почувствовал, было прикосновение рук, которые оторвали его от земли и понесли прочь из этого ада...

— Клиническая смерть, — еле слышным, хриплым голосом сказал хирург. — Быстрее дефибрилятор... Еще раз.

Тело дернулось от мощного разряда тока. Потом второй раз. Только

Повесть о настоящем капитане

Это случилось в последний день первой чеченской войны. Впрочем, военному человеку не дано предугадать, какой именно день подведет черту под его тяжелой ратной работой.

— Старший лейтенант Недобежкин? Легко на помине. — Командир батальона подполковник Сергей Мышак был предельно собран и краток. — Слушай меня внимательно, Олег. В головной дозор пойдешь ты со своими ребятами. Опыт, слава Богу, есть немаленький, учить не надо.

Комбат знал Недобежкина с начала кампании. Именно он и определил тогда еще молодого лейтенанта во взвод спецразведки и не ошибся. В первой же серьезной операции — во время зимнего штурма Грозного — Олег со своим взводом, попав в огненный мешок, устроенный боевиками, сумел выполнить поставленную задачу и уберечь людей. Позже, правда, все же пришлось отступить. Под непрекращающимся ни на минуту огнем бандитов, в условиях

шенному городу.

— Товарищ старший лейтенант, — обратился к командиру рядовой Константин Толмачев, — за обвалившейся стеной — школа.

Обойдя груды битого бетона, взвод уперся в здание.

— Саперы, особое внимание обратите на мусор, вполне возможно, что, уходя, бандиты оставили мины и растяжки, — сказал старший лейтенант, взобравшись на сооружение из плит, чтобы перепрыгнуть очередной завал. — Борисов, Никурдин, прикрывайте саперов с фланг...

Он не успел договорить фразу. Плита, на которой стоял Олег, быстро съехала по обломкам вниз и уперлась в землю, а буквально через секунду раздался взрыв. Одновременно со взрывом фугаса боевики открыли огонь, который отрезал разведчиков от своего раненого командира. Передвижения бойцов осложнились и тем, что по бокам прохода, по которому они шли, было обнаружено еще несколько мин. Минная подкова — излюбленная ло-

после этого заработало сердце. Уставший от бессонных ночей военный врач облегченно вытер со лба пот и сел на стул около раненого офицера.

— Удачливый. Выжить после такого...

Очнувшись от наркоза в реанимационном отделении, старший лейтенант Недобежкин попытался сразу же встать, но это почему-то не получилось. Рядом с дверью, глядя на него, стояла молодая медсестра.

— Ой, вы пришли в себя, что-нибудь хотите? — затараторила она растерянным голосом.

— А как же! Принеси мне стакан водки, сигарету и пригласи красивых девочек, — беспечно улыбнувшись, пошутил Олег.

— Первое еще куда ни шло, а вот остальное вам пока нельзя, — ответила сестра.

Первая чеченская кампания закончилась, к постоянному месту дислокации вернулась его часть, и потому госпитальная палата, в которой лежал старший лейтенант, была

полна посетителей. Часто заглядывали сюда комбат и ротный, приходили родные и друзья.

Когда уже здоровье пошло на поправку, он нашел на тумбочке клочок бумаги, как бы случайно забытый кем-то из гостей. Оказалось, женой, которая не решилась проститься с ним глаза в глаза.

Олег не стал опускаться до объяснений и подписал все нужные для развода бумаги. Получив неожиданный удар в спину, Олег впервые почувствовал себя калекой. И впервые, поддавшись безысходности, оказался в плену у глубокой депрессии, выйти из которой не помог ни один доктор. Время и пространство вроде бы слились, сжавшись до размеров больничной палаты, и потерял для Олега всякий смысл. Жизнь подчинилась некогда ненавистному ему правилу: день и ночь — сутки прочь. Раньше по несколько раз в день теребил докторов — когда выпишете? Теперь это было ему безразлично.

Таким и застал его подполковник Сергей Мышак. Однако виду не подал, что расстроен, и подчеркнуто бодро поинтересовался:

— Почему от службы отлыниваешь?

— Не смешно, — сглотнув подступивший к горлу комок, сдавленно ответил Олег.

— А ты из меня шута горохового не делай, — напускно строго парировал комбат. — Вот выписка из приказа. Ты теперь начфиз батальона... Да, чуть не забыл самое главное, — уже у двери обернулся подполковник, не сумев сдержать улыбку. — Перед разводом не забудь побриться.

И вышел. И хорошо, что вышел, потому что мужские слезы — не для чужих глаз.

«Вот ведь как две судьбы схожи, — думал подполковник Мышак, — судьба Олега и судьба всей

нашей армии. И этот молодой парень, и наша армия одинаково поданы, искалечены, обруганы, но, несмотря ни на что, стоят в строю, служат Родине».

Только потом, вернувшись в строй, Олег узнал, чего стоило Сергею Мышаку и Петру Грибу оставить его в батальоне. Сколько различных инстанций надо было пройти, чтобы получить подобное разрешение!

Жизнь вновь обрела краски и смысл. Олег женился. У него родилась дочь. Научился без палки ходить на протезе, правда, немного прихрамывая.

На вторую войну кавалер двух орденов Мужества, обладатель крапового берета капитан Недобежкин пошел начальником штаба ВОРеза батальона. Когда снова приходилось занимать оставленные по хасавюртовскому договору высоты, у многих офицеров на глаза наворачивались слезы от обиды. Ведь сколько ребят полегло здесь...

Вернувшись из очередной командировки, капитан Недобежкин узнал о формировании бригады на территории Чечни и не раздумывая написал рапорт о переводе.

Здесь ему предложили должность помощника начальника оперативного отделения. К исполнению обязанностей он приступил в этот же день.

Вечером Олег, взяв со стола сигареты, вышел перекурить, но не дойдя до курилки метров двадцать, повстречал знакомых еще по первой войне офицеров. Они остановились, завязался обычный разговор.

Шум и смех под окнами штаба привлек внимание прибывшего на проверку полковника.

— Почему курите в неподобающем месте? — резко прервал встречу друзей проверяющий. — Два часа строевой подготовки на плацу, товарищи офицеры.

Когда группа подходила к плацу, один из офицеров повернулся и подбежал к проверяющему.

— Товарищ полковник, разрешите обратиться, — сказал он. — Освободите капитана Недобежкина от строевой, у него с ногой проблема.

— Какая такая проблема?

— У него ее нет.

— Вы что, шутите?

— Никак нет, товарищ полковник.

Тот все же недоверчиво покрутил головой, потом окликнул Недобежкина:

— Товарищ капитан, подойдите ко мне...

О чем они говорили, неизвестно, но в конце разговора полковник пожал Олегу руку и сказал:

— Счастья тебе, Маресьев!

Работа в только что сформированной бригаде кипела день и ночь. Но ей капитан Недобежкин был только рад: постоянно выезжал на спецоперации, участвовал в боях с бандитами. Однажды, возвращаясь с очередной операции, БТР разведчиков, с которыми ехал и Олег, был обстрелян чеченскими сепаратистами. Взрывной волной от разорвавшегося фугаса капитана Недобежкина сбросило с брони. Перевернувшись на земле, как заправский каскадер, офицер открыл огонь по боевикам. Нападение удалось отбить.

За прошедший январь капитан Олег Недобежкин участвовал в трех боевых операциях.

На площадку аэропорта Северный, куда должна была прилететь вертушка, чтобы забрать группу журналистов и уезжающий домой ОМОН, вышел попрощаться капитан Недобежкин.

— Удачи, Олег, — выкрикнули из нашей группы.

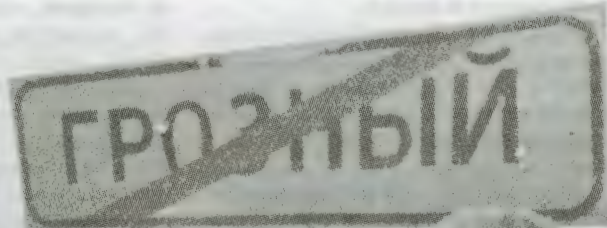
— Удача, возможно, пригодится вам, а я только в свои силы верю.

Лейтенант Денис КОЗЛОВ

Фото автора
и Александра БУТКЕВИЧА

Ребятам, прошедшим первую чеченскую, посвящается.

ДОЛГАЯ ДОРОГА В ГРОЗНЫЙ

Контрольно-пропускной пункт на дороге Моздок — Грозный. Небольшой блиндаж с печкой-буржуйкой, сделанной из стиральной машины "Рига". Траншея в полный профиль. БТР, врытый по самую башню. На бруствере стреляные гильзы от КПВТ. Здесь перекресток автомобильного шоссе и трассы, по которой идет гусеничная боевая техника. По обеим дорогам довольно интенсивное движение. Везут в Грозный боеприпасы, продовольствие, а отсюда в Моздок спешат "санитарки" с ранеными (тяжелых отправляют вертушками), ползут тяжелые тягачи с подбитой техникой. Воины внутренних войск обеспечивают движение туда и обратно.

Не одна колонна гусеничной техники пересекла асфальтовое шоссе. Место переезда превратилось в труднопроходимую колдобину, наполненную густой грязью. Наша машина оказалась одной из многих, что не смогли преодолеть этот участок шоссе. Сели на оба моста. И вот уже лебедка танкового тягача (он специально стоит на сухом месте) разматывает стальной трос, а два солдата в который раз тянут пудовую серьгу, чтобы набросить ее на буксирный крюк. Через минуту взревел дизель, и мы в считанные секунды оказались за пределами "болота".

— Спасибо, ребята, — поблагодарил наш водитель Рома, когда ма-

шина выползла на асфальт.

— Братишки, курева не найдется? — спросил механик-водитель тягача. Высокий, худой, с воспаленными глазами то ли от недосыпания, то ли от вечно дымящей печки-буржуйки. Однако шлем лихо сбит на затылок. Держит фасон. — Жратвы полно, а вот табака нет, да и с газетами перебой.

Я достал три пачки сигарет, просунул в окошко.

— О! "Ява"! Вы случаем не москвич? — улыбается он, обнажая ровный ряд чуть прокуренных зубов. — Из Новосибирска?! Далеко же вас занесло. Впрочем, все равно земляки — россияне.

Наша машина, набирая скорость, понеслась вперед, а я только сейчас понимаю, что КПП был не просто пропускным пунктом, а рубежом, который делил Россию на мирную и воюющую. Впереди была война. Была трудная солдатская работа — до седьмого пота, до кровавых ран и, к горю нашему — до смерти.

В километре от станции Червленной шоссе оказалось перегороженным обломками шпал, крупными сучьями деревьев.

— Утром этого не было, — встретился Рома и начал притормаживать.

Не сговариваясь, мои попутчики, два капитана и майор, потянулись за оружием. На лицах не страх, ско-

рее, озабоченность. Ведь так хорошо ехали, стрелка спидометра почти всю дорогу показывала девяносто. Остановились в десяти метрах от завала. По обеим сторонам дороги растут низкорослый кустарник, деревья. Кто устроил этот завал? Одно утешало — гранатометчика среди них нет. Он бы уже давно нас встретил... Неожиданно сзади послышался рев дизеля, лягз гусениц, и рядом с нами остановилась БМП федеральных войск с бойцами на броне. Какие-то мгновения она стояла, потом рванула вперед, к завалу. Крутанулась на месте — бревна и сучья полетели на обочину. Солдаты, видимо, на всякий случай ударили из автоматов по кустарнику. В ответ — тишина. Путь свободен.

Дорога пошла в гору, на перевал. Еще совсем недавно здесь шли тяжелые бои. Дудаевцы, заняв господствующие высоты, держали под контролем и дорогу, и мост. Сбить их с этих позиций было нелегкой задачей. Кровушки с обеих сторон пролилось много. Об этом до сих пор красноречиво говорят обломки вертолета, подбитые и сгоревшие танки федеральных сил. Кошмар какой-то. Конец двадцатого века. Подобное я видел только в фильмах о Великой Отечественной войне. Что случилось с этими танкистами, кто из них выжил? Рваные пробоины на броне, закопченные остовы многотонных махин

перечеркивают все основания для оптимизма. Я почему-то сразу вспомнил того парня, механика-водителя тягача. Они тоже были такими...

Едва мы перевалили через хребет, стали сгущаться сумерки. Конечно, зима на Кавказе не чета нашей, сибирской. А в этом году она вообще оказалась малоснежной, хотя морозы доходили до 20 градусов. Это очень холодно, поскольку тут высокая влажность, ветер. Поэтому было много обмороженных солдат, в основном в частях федеральных войск. Называть их так не очень удобно, поэтому мы их по старинке называем красноармейцами. Почему больше у них? Да все очень просто. Внутренние войска — это воюющие войска. За их плечами многолетний опыт горячих точек. Практически каждый солдат, прапорщик и офицер был экипирован. Словом, знали, куда ехали и что могло их ожидать. Кавказ-то он Кавказ, но... Северный.

Сейчас все это есть и у мотострелков, десантников, морских пехотинцев, у представителей других родов войск. Накоплен и определенный опыт ведения боевых действий. А в ночь с 31 декабря на 1 января, кроме храбрости и отваги, которой во все времена отличались российские солдаты, в наличии были неопытность, необстрелянность, слабые навыки в боевой подготовке. И откуда им взяться, если боевая техника: танки, корабли, самолеты — стоит на приколе из-за отсутствия горючего. Артиллеристы не проводят боевых стрельб на полигонах, потому что каждый снаряд сегодня стоит больших денег, а их, увы, нет. Причин много. О них знают все — и политики, и военные, и обыватели. Вот и получилось, что опыт, навыки, умение мастерски стрелять пришлось накалывать с кровью пополам. С большой кровью...

Когда мы спустились с перевала, было уже совсем темно. Старший машины, подполковник,

ковник, порекомендовал остановиться в хозяйстве Александрова, поскольку любое движение автомашин и боевой техники после 16 часов запрещено. Пулю или мину можно получить и от дудаевцев, и от своих.

Командир части предложил мне переночевать в командно-штабной машине. Конечно, в ней намного удобнее и теплее, чем в палатке, но я отказался, решил вместе с солдатами. Через час за мной пришел временно исполняющий обязанности командира роты Марат Муратов (командир был ранен утром в бок и эвакуирован в Моздок).

В палатке было темно и дымно. Две коптилки едва освещали сбитый из досок стол, за которым сидели несколько бойцов. Марат меня представил, реакция была никакой.

Один писал письмо, второй читал книгу, а третий что-то строгал ножом. Как потом выяснилось, делал шахматные фигурки.

— А вы газет не привезли? — неожиданно спросил тот, который писал письмо.

— Есть вчерашняя “Красная звезда” и несколько номеров “Солдата правопорядка”.

Все сразу оживились, разобрали газеты.

— Вчерашняя! Это очень свежая, учитывая, что последнюю мы читали недельной давности, — сказал Марат.

— Что они у тебя такие мрачные?

— Переживают. Утром снайпер ранил ротного. Из-за кошары стрелял, гад, метров с пятисот. Мы ее потом раздолбали в клочья. Утром покажу.

— Это у вас первая потеря?

— Если не считать кошмара у станицы, то за 20 дней — первая.

В ночь с 31 декабря на 1 января колонна внутренних войск вошла в станицу Петропавловскую. Все меры предосторожности были приняты, но в кромешной темноте проехали чуть дальше запланированного. Из засады в упор ударили гранатометы боевиков. Подбили несколько БТРов. Оглушенных, контуженых членов экипажей и солдат на броне расстреливали перекрестным огнем из автоматического оружия.

Через

несколько минут, оправившись, наши открыли ответный огонь. При этом, несмотря на кинжальный огонь, старались спасти тех, кто горел в “коробочках”. Рядовой Павел Клин, механик-водитель БТРа, зацепил тросом подбитый БТР и выдернул его из зоны обстрела. Утром мне показали этого парня: чумазый, небритый, в промасленном комбинезоне и огромных валенках, он совсем не был похож на героя. На мой вопрос, чем занимался до армии, Павел, хитро улыбаясь, ответил, что увлекался поп-музыкой, пивом с рыбой, на работу не ходил, занимался коммерцией.

— Служить шел с охотой или по принуждению?

— Нет, с какой охотой, что я, дурнее всех? Сначала хотел заскочить. Не вышло, а прятаться не стал.

— А если бы тебе сейчас сказали: “Все, Павлуха, навоевался, медаль “За отвагу” получил, топай до хаты”?

— Нет, не хочу. — Он перестал улыбаться, даже нахмурился. — Тетка за мной приезжала, уговаривала вернуться. Еле-еле отделался от нее. Заколебала.

— Но ведь она хотела как лучше.

— Мне здесь лучше, в своем экипаже. У нас ко многим родичи приезжали, уговаривали. Никто не согласился. Даже Жорка из четвертой роты, а у него два ранения. Его лично заместитель командующего уговаривал в тыл уехать. Но Жорка — мужик. Своих не бросил, “негрятя”.

— Почему “негрятя”?

— А они спят в блиндажах. Печки дымят. Вся четвертая рота черная. Их тут так и зовут — “неграми”.

— Павел, а у вас много награжденных среди солдат?

— В каждой роте есть, за Петропавловскую дали. — Он помрачнел. — Мы в ту ночь двенадцать пацанов потеряли, раненых много было. Тогда и решили — пока Грозный не возьмем, не уедем. А будем езжать, то все вместе.

Ночь прошла спокойно. Иногда где-то далеко постреливали пулеметчики да методично били 152-мм гаубицы с ближайших позиций. Обычная фронтовая ночь. Мим прервах ночь на передовой.

Старший прапорщик
Роберт КАРАПЕТАН

Фото Альберта КУДРЯШОВА,
Олега СМЕРНОВА

Некоторые фамилии изменены.

Русская "БУРЕНКА" над ГОЛЛИВУДОМ

— Выходим из охраняемой зоны. Борттехнику выключить оружие, пере-сесть за пулемет. — отдал распоряже-ние командир вертолета Ми-8 Влади-мир Стойков.

Облетая лесные массивы, вертолет набирал высоту. Эта мера предосторож-ности оказалась не напрасной. Скрывшийся за густой зеленью бое-вик (а может быть, и целая группа) от-крыл пулеметный огонь по воздушной цели, как только мы показали ему правый борт. Слава Богу, вертолет был уже вне зоны досягаемости автоматиче-ского оружия, и ни од-на пуля его не достала, но испугать все равно испу-гали.

— Командир, впереди населенный пункт, — доложил штурман Юрий Це-пов, — обходим слева.

— Добро. Хоть молодой, а голова варит, — похва-лил Цепова Владимир. — Знать, будет из тебя толк.

У людей этой нелегкой профессии возраст исчис-ляется отнюдь не годами, а количеством боевых вы-летов. У командира, к примеру, таких вылетов более шестисот. У борттехника Сергея Морозова и того больше — он воевал еще в Афгане. И потому так сни-сходительно говорить со штурманом командир, на-верное, имел право. Юра самый молодой в экипаже — воевать начал лишь в этом году.

Вертолет миновал Толстой-Юрт. И вот, сделав не-большой разворот в сторону аэропорта Северный, мы летим над горами.

— Журналист, — окликнул меня борттехник, — ты в Голливуде был?

— Нет, — ответил я, удивившись та-кому неуместному вопросу.

— Посмотри вниз. За стеклом иллюминатора на скло-не горы виднелся лес, изрытая во-ронками земля и, выложенная кам-нями гигантская надпись — "Голли-вуд".

Опешив, я даже забыл, что у меня в руках фотоаппарат. А увиденное стои-ло бы запечатлеть.

В Северном, заправив горючим "Буренку" (именно так величает свою машину экипаж), мы все отправились отдыхать, но, к сожалению, ненадолго. Поступила новая команда: вывезти раненого из района, куда "ни пехота не пройдет, ни бронепоезд не прочит-ся".

Уточнив полетное задание, прове-рив исправность механизмов вертолета, воору-жение, все расселись по своим местам.

Снова заработали лопасти, и "Буренка" устреми-лась в сторону Шали.

— Мы на месте, командир, — доложил ситуацию штурман. — Снижаемся.

Сели в указанном районе. Тотчас из ближайшей зеленки прозвучала автоматная очередь по вертоле-ту. Борттехник открыл ответный огонь из своего ав-томата. Как раз в этот момент мы увидели, как с дру-гой стороны леса медики, прикрываемые огнем раз-ведчиков, несут тяжелораненого бойца, младшего сержанта Курилова.

Меня магазин за магазином, Сергей Морозов почти до самого взлета нещадно поливал зеленку свинцом.

Уже в аэропорту борттехник излазил всю маши-ну, проверяя, не ранена ли их "Буренка". Убедив-шись, что повреждений нет, командир дал экипажу добро на отдых. Скорее всего недолгий...

— Ну что, журналист, как тебе наша "фабрика грез"? — спросил Владимир. — Лучше американско-го Голливуда? Заметь, там ведь понарошку стреля-ют, там кровь и страсти искусственные, не чета на-шим. А мы Курилова из самого настоящего ада вы-тащили.

Обратно из командировки я летел тем же бортом. Но "Голливуд", увы, больше увидеть не пришлось.

Иван ДЕНИСОВ
Фото автора

Все фамилии изменены.

КАВКАЗСКИЕ ДОРОГИ "РОСИЧЕЙ"

Вы только беллетристике
не верьте —
Всей этой философии
двойной.
Когда война — не думают
о смерти,
Пока она обходит
стороной...

Николай Панченко

— Так вы кому-нибудь рассказывали на гражданке о том, что с вами было там, в Чечне?

— Да нет, в общем-то. — Сергей на минуту задумывается. — Как-то все на ходу сталкивается с людьми, в суете нет времени для воспоминаний, да никто и не спрашивает. Знают, что я в Чечне был, ну и все. Так, скажешь что-нибудь, но без подробностей. Да, Олег?

— А из моих знакомых вообще никто не знает, что со мной случилось. Я и матери тоже всего не рассказывал. Из моих одноклассников только трое в армии отслужили. Я ведь москвич, в Измайлово вырос. Кому там будет интересно все это слушать...

— А сами часто вспоминаете те дни? Снятся бои?

— Да нет... Только если какой-нибудь фильм документальный или репортаж из Чечни по телевизору посмотришь. Тогда все это снится.

— А я долго в госпитале не мог отойти, все "воевал", — говорит Олег. — Меня на носилках несут, а мне кажется, будто я в БТРе еду, трясет, качает. Я и начинаю орать, звать кого-то. То прихожу в сознание, то опять куда-то проваливаюсь. И все время перед глазами потолок десантного отсека, из которого выбраться сам не могу, а рядом ребята лежат. Тоже раненые...

СЕРГЕЙ и Олег служили в отряде специального назначения внутренних войск "Росич". Сергей уволился, оставив за плечами, пожалуй, все самые громкие операции, в которых принимал участие его отряд в конце 1999 — начале 2000 года: в Краснопартизанском, Алхан-Кале, Катыр-Юрте, Комсомольском. Пулеметчик, награжден орденом Мужества и краповым беретом — за боевые операции. Олег тоже пулеметчик, в боевом списке все те же названия сел, кроме Ком-

сомольского. Получил тяжелое ранение в спецоперации в Катыр-Юрте в феврале 2000 года. Награжден двумя орденами Мужества, ему также вручен краповый берет.

Из справки об оперативной обстановке в группировке внутренних войск на территории Северо-Кавказского региона. На 6.00 4 января 2000 г.

"3.01.2000 г. В 10.00 южнее н.п. Алхан-Юрт, у селения Краснопартизанское, разведкой МО была обнаружена автомобильная колонна 100-й дивизии оперативного назначения ВВ МВД в составе 1 БТРа, 3 автомашин АРС, 1 автомашины ГАЗ-53, 1 автоцистерны "Урал". Вся техника сожжена.

На позицию 7-го отряда специального назначения в районе н.п. Краснопартизанское вышел сержант Гусалов (из экипажа БТР-80) с ожогами различной степени тяжести".

Сергей:

— Выехали туда неполными группами, потому что не понимали сразу, что там случилось. Подъехали к Алхан-Юрту, там стояла софринская бригада. Посовещались. Двинулись дальше. Когда стали к Краснопартизанскому подъезжать, нас обстреляли. Мы сразу спешились. До села оставалось метров 400. Мы метров на 100 подтянулись, заняли позиции, от нашей группы выслали дозор.

С дозором пошли я, гранатометчик Сила, снайпер Алмаз, зам-поспек капитан Мороз, связист Шеф и двое офицеров из софринской бригады. Мы должны были осмотреть первые дома, чтобы туда подтянулись основные силы.

Вошли в лесопосадку, с правой стороны от нее дорога. Сразу увидели технику — много машин стояло. Эта колонна смешанная была — и армейцы, и наши АРСы, БМП софринской бригады, еще какая-то техника.

Мы до середины посадки пошли. Последней в колонне стояла БМП. Когда к ней выдвинулись софринец и Алмаз, снайпер “духовский” со стороны деревни открыл огонь. Чуть Алмаза не подстрелил. В этой БМП никого не было. Рядом с ней стоял тягач, а остальные машины, что впереди, все горели, взрывались.

Мы дальше пошли. До конца посадки оставалось метров тридцать. В просветах между деревьями уже видны были первые дома. Помню, у меня мысль в голове крутилась: куда спрятаться, если стрельба начнется? Очень уж там неудобное место было. И только я подумал об этом, как со стороны села два автоматчика открыли огонь. Прямо перед нами фонтанчики от пуль запрыгали, как в кино. Мы упали за деревья и открыли ответный огонь. “Духи” из домов по нам начали долбить. До них было метров триста и отчетливо слышались их крики. Стрельба началась такая — головы не поднять. По нам и из подствольников садили, и из автоматов. Как наяву вижу: я поворачиваю голову, а метрах в пяти от меня граната из подствольника взрывается... Но мы сориентировались и тоже плотно ответили, после чего “духи” немного успокоились. А потом Сила из гранатомета жахнул, мы его в этот момент прикрыли. Больше из дома никто не стрелял.

Шеф на другую сторону дороги перебежал, а там несколько армейцев и пара местных жителей. Они лежали кто под машинами, кто в канаве возле техники — не могли носа высунуть. Когда колонна попала в засаду, армейцы успели выскочить из горящих машин. Вывели мы их оттуда, они все в шоке были, потерянные, ничего толком объяснить не могут. Глаза сумасшедшие от страха. Все солдаты...

А произошло там все очень быстро. Бараев из Грозного прорвался и в тылу нашей группировки сжег эту колонну. Много людей погибло. Из гранатометов “духи” машины в упор расстреляли. А кто из горящих машин успел выскочить — у всех контрольный выстрел в голову был, а у Валерки Ендусова ноги были прострелены. Его Олег очень хорошо знал — одного призыва были.

Нам поступила команда отходить. На следующий день туда весь отряд подтянулся, взяли все в кольцо и смотрели, чтобы боевики не вышли, там уже артиллерия работала по селу. Мы были свидетелями, как Бараев выходил на начальника артиллерии, который корректировал огонь. Давай, мол, начальник, договоримся. Но начальник артиллерии, кстати, осетин по национальности, кремень оказался. Очень грубо ответил, крайне оскорбительно для чеченца. И после этого артиллерия начала мощно долбить по селу.

А нас потом оттуда сняли. Туда много войск понагнали, а мы свое дело сделали — сумели вывести бойцов, оставшихся в живых после расстрела колонны...

Олег:

— Это под Валериком было. Отряд тогда шел по следу вырвавшихся из Грозного в конце января боевиков. Они двигались в сторону гор, заходили в села. А мы за ними шли, догоняли, давили.

Блокировали село у какой-то замерзшей речки. Встали на небольшом пятячке у подножия холма. Нам танк придан был, его чуть левее поставили. На моем посту было три человека, слева от нас — такой же пост. Вся группа отдыхала чуть в отдалении.

Все случилось ночью, около двух или трех часов. Кругом темень такая, хоть глаз выколи. Слышу — в тишине шаги осторожные. Чуть пройдут и останавливаются. По-

том тихий свист — опять идут. И снова останавливаются. Но никого не видно. Я подал сигнал Вертелецкому, наши в основной группе стали просыпаться, прибежали к нам на пост. Первым начал наш БТР стрелять. По нам “чехи” ответный огонь открыли. А их и было-то человек восемь — разведка. Напоровшись на наш пост, “духи” не растерялись, видно, матерые были. Никто из них назад не побежал, а, наоборот, выдвинулся их гранатометчик и шарахнул по нам. Трое “чехов” забралось выше нас на горку и открыли мощнейший огонь прямо по нашему посту. В течение нескольких секунд подавили нас полностью. Сначала мы стреляли, а потом пришлось пригнуться, отползти — пули прямо над головой свистели. Очень грамотно “духи” работали.

Бой шел минут 5-7, шквальный огонь велся с расстояния метров пятьдесят, не больше. Друг друга мы почти в упор расстреливали. И все в темноте. Я потом понял, почему они так яростно нас огнем поливали, хотя им ясно было, что здесь не прорваться в горы. У них сразу же раненные оказались, и чтобы утащить их в село, несколько “духов” открыли по нам мощнейший огонь, пока остальные оттягивались.

Наутро пошли мы смотреть место боя. Там столько крови... Раненых или убитых у “духов” несколько было — это точно, следы остались. Кого-то они на санках тащили, кого-то волоком. Потом по руслу замерзшему шли, здорово там наследили.

Этот ночной бой у нас как раз после Алхан-Калы случился, где мы пару дней село чистили. А уже потом был Катыр-Юрт, Гехи-Чу...

Сергей:

— Да, Алхан-Кала была как раз в первых числах февраля. Прошла информация, что Басаеву на минных полях ногу оторвало. Потом уже по телевизору показывали, как ему операцию в больнице делали. Я был в той больнице — мы туда заходили, когда зачищали Алхан-Калу.

В село с утра пошли. Это был первый населенный пункт в нашем походе по следам басаевских банд, вырвавшихся из Грозного. Сначала нам сказали, что вроде бы мы коридор для “Альфы” должны были делать, чтобы она зашла в Алхан-

Калу и взяла Басаева. И действительно, перед тем как в село войти, я видел: проезжали ребята, хорошо упакованные. Сразу видно — матерые. Но больше мы их не видели, работали в селе вместе с собровцами, омоновцами и уральским отрядом спецназа.

Первыми пошли в дозоре я, Юдин и Григорьев. Заняли крайний дом и начали углубляться в село. Тут поступил приказ отойти, передали, что сейчас будут работать минометы. Мы отошли в сторону и чуть на растяжку не напоролись, боевики там все вокруг заминировали. А к вечеру с собровцами снова подтянулись к центру села и вскоре лоб в лоб столкнулись с “духами”. Вышли прямо на нас с ошалевшими глазами и начали лупить. Мы сумели вовремя сориентироваться, без потерь обошлось. Нам опять дали команду отойти. Переночевали на окраине села, а с утра в третий раз зашли в село, продвинулись до больницы.

Потом уже и переговоры начались о передаче пленных, раненых. Возле больницы, до которой мы дошли, два “пазика” стояли, полные раненых боевиков. И подвалы больницы были забиты ранеными — у кого ступни оторваны, у кого ноги. Это последствия похода “духов” через минные поля под Прозным. А в самой больнице кругом валялись одежда всякая, разгрузки, снаряжение, ботинки, все в крови — и стены, и матрасы.

Подъехала машина, мы стали оружие сгружать на наш БТР, пересчитывать его. И снова вечер, и снова команда выходить из села. Обидно, что боевики сумели вырваться из Алхан-Калы. Кто мелкими группами, кто крупными — через Сунжу ушли в направлении гор. Если бы мы там с юга стояли, мы бы много “чехов” положили.

Конечно, мало людей на такое большое село было, чтобы блокировать его полностью. И хотя у нас было фактически два отряда специального назначения, ОМОН, СОБР, на деле получалось, что всего человек пятьдесят по улицам идет полосой. Этого мало, потому что боевики нас останавливали огнем с заранее подготовленных позиций. “Духи” оставили прикрытие, чтобы задержать нас, бросили раненых и вышли из села. Так нам и пришлось за ними потом по пятам идти — Валерик, Катыр-Юрт, Гехи-Чу...

Олег:

— В Катыр-Юрт мы зашли сразу на следующее утро после ночного боя при Валерике. Жители, чувствуется, нас не ждали. Увидели наших парней и засуетились, забежали из дома в дом, видно, будили спящих боевиков. И вскоре мы наткнулись на ожесточенное сопротивление. У нас как бы разведка боем получились.

...Помню, зашли в какой-то большой дом. Кругом стреляют. Я вышел на задний двор, где огороды начинаются. Вижу, человек пять из дозора первой группы успели к дому пройти, а все остальные на открытом пространстве лежат. Им головы не давали поднять — пулеметчики и снайперы работали. Нашему снайперу Ямагулову прямо в голову попали. Я дружил с ним...

Вижу “дух” по огороду бежит. Я пулемет вскинул и дал очередь. “Дух” упал. До него далеко было, метров триста. Позвал наших снайперов. Кузя выскочил и омоновец Иван Сибирин. Они “духа” и завалили в два ствола.

Вдруг слышу: “Вторая, сбор!”. Кузя убежал, а я вперед пошел. Наши у дома сидят, чуть впереди — сетка-рабица, а дальше еще один дом. Я спокойно прошел между этими домами, не знал, что там насквозь все простреливалось. За мной омоновцы пошли, и тут началось — из ближайшего дома шквал огня. Все кругом грохочет. Вдруг к нашему дому подбегает снайпер по фамилии Матус и кричит: “Я убил!”. А в грохоте боя всем послышалось “Я убил!” Ему в ответ кричат: “Молодец, молодец...”. А Матус... упал. Он в шоке прибежал, и никто не понял, что случилось. Стащили с него бронник, а под ним — дырочка повыше сердца, ни крови, ничего...

Капитан Соколов говорит: “Сейчас будем уходить...” А там сетка эта долбаная мешает. И наш командир матеро показал себя: разбежался — через сетку прыгнул, кувырок — и в дырку в соседнем доме. Фикса следом за командиром. Собрался было и я, как слышу, кто-то кричит оттуда, откуда Матус прибежал. Я в сарай заскочил, а там Белый. У омоновцев, говорит, которые рядом шли, три “трехсотых”, надо им помочь проскочить. А боевики, которые нашу первую группу в огороде положили, начали и по нашему сараю стрелять. Я выпрыгнул из сарая и прямо по окнам “духовского”

дома несколько очередей длинных засадил. Все стихло — и трое омоновцев сразу проскочили, это все в считанные секунды произошло. И тут снова шквал огня, и омоновца Ивана Сибирина зацепило. Я взял его винтовку снайперскую, снова стал по окнам стрелять. И где-то после пятого выстрела мне в ногу как дало... Чувствую, стоять не могу, заваливаюсь. Упал... Мне обе ноги прострелило.

В сарае мы вдвоем остались. Белый мне жгутом перетянул ноги. Мы лежим, а за нами никто не идет. Холодок какой-то неприятный почувствовал. А “духи” трассерами сарай подожгли. Кажется, все, нам конец. И тут видим командира нашего. Сразу отлегло. В общем, вытащили нас из сарая.

Ребята меня в доме прямо рядом с Матусом положили. Он еще дышал. Решили выбираться из дома. До той дырки спасительной в другом доме — всего ничего. Но все пространство простреливается “духами”, да еще сетка-рабица эта... Сначала взяли Матуса и побежали. Четверо парней его несли: Беседин, Черской, Белый и Пестеров. “Духи” по ним такой огонь открыли! Ребята Матуса уронили и все назад отошли. Все, кроме Черского, раненые. Матус остался лежать возле сетки, его боевики свинцом нашпиговали... А следующий я должен идти — по тяжести ранений решил вытаскивать. Сначала тяжелые, потом остальные. Я еще успел из пулемета пострелять. Все время в сознании был, мне промедол вкололи. Стрелял, пока пулемет не заклинило. И ребята потащили меня к сетке. Успели перекинуть через сетку, вдруг сзади взрыв, я поворачиваюсь — никого нет. И я дальше пополз. Кругом пули свистят. Дополз до автомата, который валялся перед дыркой в доме. Начинаю во все стороны стрелять. Потом патроны кончились, а я не могу перевернуться. Кровь льется, и чувствую, как она пульсирует, толчками из меня выходит. С каждым ударом сердца. До этой дырки спасительной полметра осталось, а у меня уже сил нет, с места сдвинуться не могу, одна нога совсем чужинная стала. Вдруг чувствую, меня за шкуру кто-то хватает. Это Мишка Соколин меня втащил в дом. А на следующий день он погиб под Гехи-Чу...

Меня в БТР положили. Туда сразу Вертелецкий залез, его тоже в

ногу ранили, и Матуса на броню положили — он уже не дышал. А тех ребят, которые меня через сетку перебрасывали, тоже вытащили. Все наш командир сделал. Если бы не он, даже не знаю, сколько бы нас не вернулось.

Вообще, в Катыр-Юрте нам крепко досталось. Особенно первой группе — около двадцати человек убитых и раненых.

Весь день бой шел в селе. Боевики, как звери, дрались, и много их там было, в каждом доме сидели. Хотя до начала зачистки по селу и артиллерия работала, и авиация. "Духи" в подвалах отсиделись и встретили нас огнем. На следующий день, когда наши парни снова входили в село, там уже боевиков не было — они ночью ушли. Но на улицах много трупов лежало. Серега, вон, видел, что это за багдиты были. По документам, которые у них нашли, — из разведывательно-дивизионного батальона Шамяля Басаева. Были там и наемники иностранные. В общем, публика еще та...

Сергей:

— Это моя последняя серьезная боевая операция была. В начале марта входили мы в Комсомольское. Сначала все спокойно было, а потом первая группа в засаду попала. Мы стали выходить на связь — парни не отвечают. Дали несколько очередей из пулемета. В этот момент "духовский" снайпер вычислил, откуда огонь ведется, и в нашу сторону засадил. Первый выстрел кирпич вывалил из угла дома, а вторая пуля срикошетила и в бронжилет командиру группы попала. Но все обошлось. Уже слышно было, как через дом снайпер начи-

нает работать — вдоль по улице прострел конкретный шел. Стали совещаться, как дальше быть. А тут начали наши артиллеристы работать и вертолеты НУРСами по селу лупить. И командир решил вернуться на прежнюю позицию. Когда в село заходили, часть группы осталась рядом с БТРом, а мы, как дозор, пошли вперед. Ну и сразу поняли, что силы неравные — боевиков в несколько раз больше. И если бы мы в том доме остались, то нас вместе с домом боевики бы раскрошили.

Когда из дома этого отходить стали, по крыше "духи" рубанули. Вижу — Черноусов, связист, за голову держится, она у него вся в крови. А чуть в стороне ребята погибшего Антона Доронина тащат.

Заняли мы позицию, и вовремя — боевики попытались обойти нас слева. Но мы заметили их группу, успели расстрелять. А справа, где первая группа попала в засаду, боевики тоже активизировались и стали конкретно напирать.

Время быстро летит, когда идет серьезная работа. Не успели оглянуться — уже вечер на носу. Я из дома выглянул, вижу — БТР подъехал, а на нем куча тел навалена спереди и сзади. Наши парни погибшие, тяжелораненые... Это самый первый день боев в Комсомольском был. И основные потери были у нас именно в этот день.

Потом там уже войск стянули много и долго Гелаева выбивали. От села камня на камне не оставили. Мы потом две недели под Комсомольским в оцеплении стояли в лесочке. Смотрели, чтобы "духи" не вырвались. "Чехи" пытались выйти из села мелкими группами. И все, кто мимо нас хотел пройти, там и остались.

После Комсомольского мы вернулись на базу, и вскоре я уволился...

МЫ ДОЛГО разговаривали с ребятами. Многих вспомнили — и живых, и погибших. Слушая Сергея и Олега, я пытался выяснить, как им удалось выжить в тех страшных боях.

Сергей задумался.

— В любой ситуации нужно оставаться расчетливым и хладнокровным, не терять самообладания, думать своей головой. Вообще все это накапливается — опыт, уверенность в своих действиях. Нельзя теряться, в любом случае нужно биться до последнего. Правильно, Олег?

— Да, наверное, но еще очень важно слушать командира. Я точно знаю, что своей жизнью обязан командиру. Если бы не он...

— Хотя, может, многое и от судьбы зависит. — Сергей размышляет вслух. — Ведь те ребята, которые погибли, не хуже нас были, так же умели воевать, так же честно выполняли задачу. Но мы вот остались в живых, а они — нет...

НА ДВОРЕ уже были сумерки, когда мы расстались. Я знаю — в ту ночь им обоим снились бои в Краснопартизанском, Алхан-Кале, Катыр-Юрте, Комсомольском. Я знаю, что в ту ночь все их друзья были еще живы, они шутили и смеялись, а потом сквозь грохот автоматных очередей что-то кричали Олегу и Сергею. Расслышать было трудно — их голоса тонули в этом нескончаемом грохоте.

Странно, но в ту ночь я тоже видел этих ребят. Они все были живыми...

Капитан Александр ЛЕБЕДЕВ

Фото Александра БУТКЕВИЧА
и из архива ОСН "Росич"

“Город Архангельск расположен в дельте реки Северная Двина на площади около 100 кв. км и вытянут по берегам реки на протяжении 62 км, население города составляет 414 тысяч человек. В составе города 8 административных округов. Общая протяженность улиц составляет 328 км. Охрана общественного порядка за истекший год была организована по принципу патрульных участков (ПУ), на основе комплексного использования сил и средств милиции. Город разделен на 18 патрульных участков”.

Такую справку мне предоставили в штабе единственной в городе части внутренних войск, которой командует полковник Виктор Килин.

Т а м , г д е р а н о н а ч и н а е т с я з и м а

Когда-то эта воинская часть внутренних войск была дивизией, и работы хватало на всех с лихвой. Задачи — конвойные, а “братцы жулики”, как вы прекрасно сами понимаете, расслабиться не дадут. Позже, как раз в разгар первой чеченской кампании, она стала оперативной бригадой: изматывающие командировки на Кавказ, гибель семи боевых товарищей, боевая учеба и служба при лимите денег, средств и кадров — понятная и, к сожалению, типичная биография БрОНов образца середины 90-х. С 1999 года в рамках реформирования (читай — сокращения) внутренних войск часть стала полком. Новая задача — борьба с уличной преступностью в городе, поддержание правопорядка.

Такой почти плавный переход менее чем за пять лет в условиях реформирования смогло бы, наверное, выдержать не каждое элитное спецподразделение стран НАТО. Но наши смогли! И парням из ВВ пришлось не просто

переодеться из армейского камуфляжа в серую милицейскую форму, а и обучаться основам организации патрульно-постовой службы в городе, различным милицеским хитростям, особенностям работы с населением и премудростям составления служебных рапортов и протоколов, досконально изучать маршруты патрулирования, налаживать связи с РОВД. Пришлось менять и саму психологию. Чтобы грамотно выполнять поставленную задачу, необходимо не просто научиться охранять город, надо полюбить новую профессию, стать специалистами своего дела.

Задача была выполнена блестяще. Уже через год по итогам 2000 года полк занял первое место по боевой подготовке в Северо-Западном округе. Однако волею судеб с 1 января 2002 года полк преобразован в отдельный специальный моторизованный батальон. Поднагоревшие в вопросе сокращения войск работники ОМУ быстро ликвидировали в

штатах две роты и десятка полтора офицеров. За бортом военных реформ осталось с десяток не самых плохих офицеров-северян. Среди них отдавший службе в родной части более 10 лет майор Дмитрий Волкодав. Он не вписался в спущенные сверху цифры, стал “заштатником”.

— Поначалу очень переживал, — рассказывает Дмитрий Николаевич. — Почему именно меня сократили? Я служить хотел. Было ощущение незащитности, уязвимости. Потом успокоился. Куда деваться? Подыскал себе работу в местном УИНе. Должностито мне, конечно, предлагали, в том числе и в этой части, но все это где-то вне сферы моих жизненных интересов: или с понижением, или в других гарнизонах. У меня все-таки семья, квартира, дети здесь устроены. Жена к тому же в этой же части во взводе связи служит. Нет, сейчас я уже твердо настроен на увольнение, пока есть силы и здоровье. И зла, в общем-то, ни на кого не держу.

Жизнь есть жизнь. — Дмитрий Николаевич пытается выглядеть оптимистом.

Невеселую историю узнал я и от 39-летнего командира автомобильного взвода патрульной роты капитана Вячеслава Селезнева. Сокращение застигло его в должности начальника автослужбы полка. Равной должности ему в родной части не нашли. Вячеслав Анатольевич не обижается. Он работяга, пахарь. Из прапорщиков. Если есть служебная необходимость, может часами пролежать под машиной на засаленном бушлате, брошенном на стыльную землю, кропотливо устранив неисправность. Про таких, как он, безотказных и грамотных мужиков, которых еще немало, на наше счастье, в России, командир части с теплотой в голосе сказал: “Наши Кулибины”. На них держатся войска. Его опытными руками перебрано почти все автомобильное хозяйство части. Преданный до мозга костей своему воинскому долгу, офицер готов служить Отечеству дальше. “На кого я оставлю технику и своих солдат?” — не то спрашивает, не то объясняет причины, побудившие его продолжать ратную службу, капитан. На его обветренном, шелушащемся на морозе лице нет и тени лукавства. Такие служивые люди и развеяли мои печальные размышления о судьбе этого воинского коллектива, пережившего такие масштабные сокращения. По незлобной русской привычке незамыс-

ловато ругнувшись и крикнув от досады, они перешли к привычному для них делу: минимумом сил и средств обеспечить качественное выполнение служебно-боевых задач. История части продолжается.

За страх или за совесть?

— С администрацией, местными органами власти, УВД взаимодействие организовано на здоровой взаимовыгодной основе, все вопросы решаются. Большую помощь оказывают начальник УВД города, ветераны части, бывший командир дивизии генерал Завгороднев, его заместители. Слаживание коллектива и подразделений провели. Народ задачи понимает правильно. Есть, конечно, и проблемы, но они решаемы. Обстановкой владеем, недостатки свои видим, — рассказывает, будто рапортует, полковник Виктор Килин. — Главное, что сплачивает, держит коллектив при всех переменах последних лет, — твердая вера в необходимость службы Отечеству. А уж кем мы будем называться завтра: “ментами” или “спецами”, нашему прошедшему огонь, воду и медные трубы коллективу уже неважно. Хоть горшками назовите, только в печь не ставьте, — подытоживает он разговор.

Военнослужащим батальона с командиром повезло. Офицерам и

солдатам без необходимости лишней раз не надо напрягаться, вникая в проблемы начпрода или трудности автомобильной службы. Обед, как известно, и на войне по распорядку. А уж в мирном Архангельске своевременное приготовление ароматных щей или горохового пюре со свиной с собственным подсобным хозяйством — дело, выверенное до мелочей и не подлежащее никакому сомнению. Проблемы с техникой также решаются в парке. У заместителя командира батальона по вооружению подполковника Григория Бута железное правило: срывов служебных задач по вине водителей быть не должно! Григория Дмитриевича подчиненные уважают и стараются не подводить. Кажется, что все в батальоне подчинено интересам службы.

Что же, как в песне, получается: “Жила бы страна родная, и нету других забот”? Есть, безусловно, заботы и проблемы, куда от них деться. И первая — жилье. На батальоне висят долги по жилью

еще со времен дивизии. Люди, отслужив, стоят десятилетиями в очереди, которая движется черепашьими темпами. В ней 47 семей военнослужащих. Первый из них стоит в очереди еще с 1988 года! А за три прошедших года власти Архангельска выделили части всего одну квартиру. Зато, правда, сразу четырехкомнатную. Выручает батальон, конечно, то, что в нем служит много местных офицеров и прапорщиков. У некоторых есть жилье или какие-то родственники в городе, где можно найти временное пристанище. Тем и спасаются служивые люди.

Зато с денежным содержанием в батальоне дела обстоят куда лучше. Здесь включается механизм северных надбавок и коэффициентов. Старший лейтенант, уроженец Архангельской области, прослуживший всего два года, получает намного больше москвича-подполковника. И это вполне справедливо, ибо жить и служить в крайне сложных условиях Беломорья, где весна наступает в мае — июне, а зима “катит в глаза” уже в октябре, нелегко. Пурга и метель в долгие северные зимы бывают так же часто, как оттепель в столице; и нести при этом патрульно-постовую службу непросто.

Если принять во внимание фактор безработицы в городе, обвальное сокращение численности должностей в части, то станут ясно видны механизмы управления коллективом. Пускаться в безбрежное море гражданского беспредела, теряя при этом место в армейском строю, льготы и относительно хорошую зарплату, решится не каждый. Нет здесь и “гнущих пальцы” незаменимых ребят, которых пруд пруди в столичных гарнизонах. Службой здесь люди дорожат.

Но служба только “за страх” несвойственна офицерам-северянам. Командование батальона умеет понять людей и настроить их служить еще и “за совесть”.

Одним из нерастраченных качеств этого воинского коллектива является сплоченность и войсковое товарищество. Как ни таковала жизнь людские судьбы, она не дерзнула коснуться тех людей, которые составляют душу коллектива, бережно хранят и берегут традиции. И если душа в

воинском коллективе сохранилась, то останется и сам коллектив, а не просто войсковая часть под таким-то номером. А душа его, если сказать по-военному, дислоцируется где-то в районе клуба части, начальником которого является замечательная женщина прапорщик Яна Шепель. Подумать только! Есть, оказывается, части, где до сих пор функционирует художественная самодеятельность, созданная не из-под палки и не для галочки; есть вокально-инструментальный ансамбль, регулярно дающий концерты; есть внештатный оркестр, не раз выступавший на лучших площадках города; есть изостудия и драматический кружок. А какие вечера отдыха и детские представления устраиваются силами доморощенных артистов! Боевые офицеры, люди с солидными воинскими званиями за честь считают поучаствовать в новогоднем спектакле, организованном Яной Юрьевой. Вал сокращений катком прошлся и по клубу части и некогда штатного оркестра, но стойкая, жизнерадостная женщина не сдастся, она любит своих “мальчишек” и надеется на лучшее. У нее такой нерастраченный творческий потенциал, столько нереализованных идей и бурной, кипучей энергии, что невольно загораешься ее идеями, забывая, что за окном минус 20, а самому тебе далеко за 20 лет.

Проблемы решаемы!

Командир лучшей роты батальона капитан Алексей Овчинников не видит каких-либо проблем в своей службе. “Когда занимаешься любимым делом и чувствуешь себя на своем месте, то тебе ничто не помешает”. У Алексея за плечами первая чеченская кампания, наработанный годами опыт и крепкий семейный тыл. Биография ротного типична для войск. В 1995 году экстерном закончил Владикавказское ВВКУ. Распределился в родную часть. Далее должность командира взвода. Через три года выдвинули на роту. Рота на протяжении нескольких лет считается лучшей. Из наград имеет нагрудный знак

ВВ МВД России “За отличие в службе” 2-й степени, которым дорожит. На периферии нашей необъятной Родины у людей вообще более трепетное отношение к наградам, они неизбалованы вниманием начальства и властей.

— Когда порой все надоест, еле дождешься выходных. А потом пообщаешься с родными, погуляешь с ребенком или сходишь с друзьями на рыбалку: в устье Двины заходит навага, стерлядь. Восстановишься, и уже снова чего-то не хватает. Как там мои бойцы, подумаешь. И на другой день спешишь на службу почти как на праздник, — улыбается Алексей.

Пытаюсь выведать у ротного секрет устойчивого успеха его подразделения.

— Секрет один, — отвечает Алексей: работа, работа и еще раз работа. Изнуряющая, порой надоедающая, но любимая. Главную опору вижу в сержантах. Если подготовить хороших младших командиров, головной боли и проблем будет намного меньше.

Заговариваю с Алексеем про рутину, однообразные будни, опостылевшую казарму. Ротный искренне удивляется:

— Ну а кто же, если не я, должен подготовить и помочь бойцам стать настоящими солдатами, грамотно владеть не только оружием, спецсредствами, но и навыками составления протокола, научить основам юриспруденции. Но здесь у меня помощник есть, незаменимый “замполуд”, пра-

вая рука. Знакомьтесь, мой тезка, заместитель командира 2-й патрульной роты по работе с личным составом старший лейтенант Алексей Рябоконь.

Мне протягивает руку симпатичный молодой офицер. В 2000 году Алексей закончил Саратовский Краснознаменный военный институт ВВ МВД России, был распределен в Архангельск. Ехать решил сразу с семьей, то есть с женой-красавицей. На вокзале лейтенанта встречал начальник штаба. Доставили в часть, сытно накормили. Затем он предстал пред светлые очи командира. В присутствии начальника финансовой службы были решены все финансовые вопросы. Затем молодому офицеру предоставили подготовленную комнату в общежитии. Пятеро суток лейтенанта не привлекали к службе, шла адаптация и акклиматизация. Ну а потом пошла и сама служба, попал сразу на учебный сбор молодого пополнения. Первые шишки, первые успехи.

— Сейчас я считаю себя вполне сформировавшимся офицером, чувствую себя самостоятельным, но для этого мне понадобился целый год. Через год предложили должность заместителя командира роты по работе с личным составом. Согласился с энтузиазмом. Спасибо, конечно, моим учителям-командирам. Сейчас сам понимаю, как трудно быть воспитателем, обучать чему-либо других. Сколько внимания нужно уделить каждому! А каким чувством такта, чуткостью и выдержкой надо обладать настоящему офицеру!

Интересуюсь опытом войсковой стажировки, пригодился ли он? Алексей искренне удивляется:

— Кто же на стажировке работает?! На стажировке отдыхают!

Я слушал лейтенанта, вспоминал свои лейтенантские беспризорные годы и завидовал ему, проникаясь одновременно чувством глубочайшего уважения к его командирам.

Чего греха таить, в батальоне, как и практически в любой другой части, есть свои "отпетые мошенники". Отмечу, не больше, чем в любой из частей того же Московского гарнизона. Воспитывать и наставлять подчиненных офицеры здесь умеют и, я бы

сказал, делают это с любовью. И не от случая к случаю, а со знанием дела и с некоторым даже свойственным офицерам старой школы удовольствием. И приветствуют солдаты здесь, кстати, не только "от майора и выше", но и лейтенантов. Потому что лейтенанты здесь стоят того.

При мне командир части воспитывал солдата-дагестанца, попытавшегося качать права в подразделении перед младшим призывом. "Разбор полетов" выглядел кратким, но впечатляющим. Джигит выходил из кабинета полковника Килина, пообещавшего ему написать многочисленной родне в ауле о недобросовестном выполнении их отпрыском воинского долга, красный как рак. Для солдат призванных с Северного Кавказа, это высшая степень позора. Командование давно приняло на вооружение этот важный воспитательный аргумент. Надо сказать, что, несмотря на довольно большой процент укомплектованности батальона представителями Дагестана и Ингушетии, особых проблем с ними нет. Эти ребята зарекомендовали себя достаточно исполнительными и грамотными солдатами. Любовь к военному делу, оружию, военной технике у них в крови. Зам по вооружению части подполковник Григорий Бут, например, похвалил водителей-дагестанцев. Машины у них меньше ломаются, да и выглядят чище. Есть проблема у этих воинов с русским языком. Трудно, например, бывает договориться патрульному солдату-дагестанцу с подвыпившим нарушителем общественного порядка чистых кровей русаком-помором при составлении протокола. Эта сторона службы, очевидно, мало заботит работников военкоматов и ГОМУ ГЦ ВС, направивших росчерком пера дагестанских и ингушских парней в эти специфические части. "Пока нареканий" "лицам кавказской национальности" в милицеской форме у командования и руководства УВД города нет. Но если эта тенденция сохранится, возможны проблемы", — так сухо откомментировал сложившуюся ситуацию полковник Виктор Килин.

Между прочим, в городе с каждым годом возрастает число переселенцев с Северного Кавказа. Только официально зарегистриро-

ванных представителей чеченской диаспоры свыше 400 человек.

А вот что рассказал мне начальник группы по работе с личным составом батальона старший лейтенант Дмитрий Исаков:

— Наши солдаты и сержанты в основном добросовестные ребята. Процентом на семьдесят комплектуемся местными, из Архангельска и области. Поэтому налаженный контакт с родителями — это одно из первых наших правил. Родители воинов — частые гости в городке. Многолюдно на присяге и других праздниках. Командованием это приветствуется. Своей службой большинство из ребят гордятся и дорожат. Приятно и почетно поддерживать порядок в родном городе. Многие, отслужив у нас, переходят затем на службу в милицию. Руководство местного УВД даже что-то вроде досье ведет на наших лучших воинов и буквально охотится за наиболее добросовестными. Хотя есть и уникальные экземпляры. Один боец, например, отслужив, подался в стриптизеры. Но таких-то экземпляров у нас единицы. Большинство наших ребят — это добросовестные, дисциплинированные воины. Например, ефрейтор Максим Тютин, уроженец Северодвинска Архангельской области. Службу несет образцово. Всегда подтянут и аккуратен. В первых числах января в районе Центрального рынка города задержал торговца оружием. Пистолет, правда, оказался газовым. Но Максим, когда преследовал торговца, об этом не знал. Через месяц Максим вновь задержал подозреваемого на руках незарегистрированный "газовик". Это, согласитесь, уже показатель профессионализма. Приказом начальника УВД города ефрейтор Максим Тютин был поощрен денежной премией. Есть у нас и свои чемпионы, — заканчивает рассказ старший лейтенант Исаков. Это рядовой Атаев, чемпион округа 2000 года по самбо.

Чемпион в этот день был в наряде по столовой. Невысокий и проворный. Магомед ловко управлялся в варочном цеху. Его земляк, сержант Расул Гаджиев, дежурный по столовой, также спешит вовремя подготовиться к обеду, отдает лаконичные распо-

ряжения. В армию пошел по настоянию деда. Хотел после школы поступать в Дагестанский государственный университет, на факультет физического воспитания. Однако дед сказал: "Сначала отслужи в армии". Осторожно интересуюсь, как проходит служба, ведь по сроку он уже дембель. Раисул недовольно вскидывает глаза: "Дембелей у нас нет. Все равны!"

Любимый город может спать спокойно

На собачьем питомнике батальона, куда меня сопровождал офицер штаба капитан Алексей Архипов, мне удалось познакомиться с солдатами из кинологической группы старшим дрессировщиком Александром Сахаровым и дрессировщиком ефрейтором Юрием Белавиным. Своих питомцев они содержат в сытости и чистоте, потому что оба кинологи по призванию. Оба, как водится, местные. У Юрия, проживавшего до призыва в райцентре Шенкурске, была лайка, с которой хаживал на охоту. Александра дома ждет овчарка Веста. Оба солдата окончили учебное подразделение под Кировом. Так что кинологи они дипломированные. Про своих собачек ребята могут рассказать много. В питомнике содержатся овчарки и ротвейлеры. Общим любимцем является самый опытный из них, поджарый, с подпалинами на боку "немец" Джек. Считается заслуженным розысником.

— За Джеком несколько раз из местного УВД приезжали, просили дать на взятие следа, — не без гордости за любимца местной милиции говорит Юрий.

— Часто ли приходится применять такое эффективное оружие на службе? — интересуюсь я.

— Редко. Как правило, патрульные обходятся предупреждением. Если уж только нарушитель пытается скрыться и нет возможности его догнать, пускается собака, — поясняет Александр.

Патрульно-постовая служба — основная задача батальона. Каждый день одна из трех рот заступает на службу по охране общественного порядка городе. В 16.50 ежедневно на плацу части проходит

развод. Этот важный составляющий элемент патрульно-постовой службы чем-то напоминает щемящий сердце ритуал заступления пограничников на охрану государственной границы. Ежедневно 33 городских маршрута перекрывается воинами батальона. Это наиболее сложные в криминогенном отношении участки города. Есть проблемы с обеспечением всех патрульных пар средствами связи, "Черемухой". Но проблемы проблемами, а службу надо выполнять. В 2001 году личным составом части (тогда еще полка) выполнено 224 задачи ППС; по обеспечению массовых мероприятий — 53. Задержано и доставлено в ОВД 14989 человек, из них: 83 — за совершение преступления; 14906 — за административные правонарушения. Были изъяты огнестрельного оружия и боеприпасов.

А вот мнение сотрудника милиции, помощника начальника дежурной части Октябрьского отдела внутренних дел города Архангельска капитана милиции Эдуарда Панкратова:

— Ребята из дислоцированной в Архангельске воинской части очень и очень хорошо нам помогают. Нам просто не перекрыть все патрульные маршруты города. Налажено четкое взаимодействие. Есть конкретные положительные результаты. Ну, например, в мое прошлое дежурство был случай, когда патрульные задержали лиц, которые выносили из квартиры краденую теле- и видеоаппаратуру. Совместно с солдатами батальона мы также участвуем в совместных рейдах. Жалко, что служба у них, по нашим меркам, заканчивается рано. С нуля часов порой и начинается самая неразбериха. Привлекаем ребят на различные массовые мероприятия. В целом, конечно, уже само присутствие на улицах города людей в милицейской форме вносит успокоение в сердца граждан. С лучшей стороны могу отметить городских ребят из Архангельска и Северодвинска. Они более подготовлены, так как выросли в крупных городах, обладают необходимыми навыками работы на улицах, общения с гражданами. Некоторые из них потом идут в милицию работать.

Патрульный маршрут номер 120, проходящий вблизи железнодорожного вокзала города, самый обычный, поэтому я его и выбрал. Водитель нашей машины, один из лучших в части, уроженец Каспийска рядовой Руслан Алимханов, уверенно ведет машину, объезжая сугробы и снежные заносы. Со своим будущим Руслан уже определился. После службы решил остаться здесь, в Архангельске, работать в милиции.

На привокзальной площади нас словно ждал первый нарушитель — растянувшийся прямо на мостовой пьяный. Взяв под белые руки нарушителя общественного порядка, создавшего к тому же опасную ситуацию на дороге, патрульные аккуратно загружают его в автомобиль. В отделении на слегка пришедшего в себя любителя спиртных напитков начальник войскового наряда сержант Темирханов оформляет протокол. Дело для патрульных привычное. За два с половиной часа с начала патрулирования у дежурного по войсковым нарядам старшего лейтенанта Андрея Аксенина это уже четвертый клиент. И все с тем же диагнозом: появление на улице города в нетрезвом виде, нарушение общественного порядка. Поколесив по маршруту и проверив еще ряд нарядов, собираемся обратно в часть. Дежурный по войсковым нарядам везде успевает не только проверить несение службы нарядами, но и дать оперативную информацию, сделать замечание по внешнему виду расслабившемуся патрульному, заменить подсевшие аккумуляторы.

По улицам заснеженного города гуляла обычная для столь суровых краев метель. На малолюдных улицах одинокие прохожие кутались в воротники, спеша по домам. Многие жители города и не подозревают, что их покой на улицах охраняют военнослужащие по призыву, зачастую их земляки. Вот так, без помпы и фанфар, и несут на улицах города свою службу, на первый взгляд будничную и незаметную, военнослужащие самого северного в стране милицейского батальона.

**Подполковник
Роман ИЛЮЩЕНКО**
Фото автора

СПЕЦНАЗ, КОТОРЫЙ ВЕРНЕТСЯ...

Этот отряд специального назначения, начавший фронтовую биографию в Ботлихском районе и Кадарской зоне Дагестана не успевшим опереться новичком, третий год воюет с бандитами и террористами в Чечне. Участвуя в спецоперациях, работает уверенно, решительно, напористо. Офицеры и солдаты-контрактники, которые хорошо помнят учебные будни на полигоне в период становления молодого коллектива и боевое крещение штурмовых групп в объятых пламенем селах, основу этих успехов связывают с ратной школой, что заложил в отряде его первый командир полковник Сергей Каменев. Школой, где каждый урок спецназовской науки направлен на развитие инициативы, самостоятельности в решениях и действиях, а требование беречь людей тесно смыкается с жестким спросом за организацию спецподготовки, творческим подходом к обучению личного состава. Благодаря этому на заданиях даже в самой критической обстановке бойцы не чувствовали себя обреченными. Были уверены: спецназ вернется со щитом.

Полковник Каменев, ныне заместитель командира одного из соединений внутренних войск, вспоминая о своей службе в отряде, с ответным чувством признательности адресует добрые слова спеццам-однопольчанам за то, что держали и держат элитную марку. Кто по полной программе прошел Дагестан и Чечню, знает цену таким словам. Дорогостоящий и командирский опыт, приравненный к новым крупинкам во время штурма горного укрепленного района экстремистов. Главная оценка результатов той нелегкой проверки-закалки: успешно выполнив поставленные задачи, операцию в селе Карамахи молодой отряд завершил с минимальными потерями.

Давайте вместе послушаем рассказ кавалера ордена Мужества полковника Сергея Каменева о боевых делах минувших дней, о трудных путях к победе...

Восток — дело тонкое

Из числа подразделений спецназа мы первыми в конце августа 99-го двинулись в Кадарскую зону. Накануне главком внутренних войск приказал разведать подступы к осиному гнезду, выяснить обстановку в районе. Да с такой надежной подстраховкой, чтобы исключалась малейшая утечка информации о работе "глаз и ушей" отряда. Долго думали, как это сделать. Одним методом наблюдения интересующие данные не соберешь, нужно войти в контакт с жителями окрестных сел. Но Восток — дело тонкое. Сразу же включится устный "телеграф", и все старания разведчиков — на смарку.

Выручить мог только нестандартный ход.

Обмозговав несколько вариантов, приняли оптимальное, на наш взгляд, решение. Выполнять задачу силами небольшой группы, действующей под видом, который внушает доверие и вызывает сочувствие.

Отобрали пятерых. Старший — начальник службы РХБЗ майор

Зинур Мингазетдинов, татарин, очень толковый, находчивый офицер, хорошо знает мусульманские обычаи. С ним лейтенант-осетин, два прапорщика — таджик и татарин, и контрактник-узбек. Легенда такая. Работяги из астраханской стройбригады шабшат в Махачкале, а сейчас на своем "уазике" едут выгружать товарища. Тот сдуру подался на бригадном КамАЗе в Карамахи — подкальмить и как в воду канул. В соответствии с легендой — тактика. Проехали километр, другой — забарахлил мотор. Пока водитель ковыряется в движке, Мингазетдинов голосует на дороге. Тормознул машину — с вопросом к хозяину: "Как добраться до Карамахов? У нас беда случилась...". А там слово за слово, глядишь, и сообщил человек, сам того не подозревая, ценные для военных сведения.

Параллельным курсом пограм следуют во главе со мной две группы прикрытия, держат под наблюдением "уазик". Чтобы максимально обезопасить разведчиков от нежелательных встреч, прослушиваем по прибору радиоперехвата весь диапазон частот.

В таком ключе и работали почти пять часов. "Бригадир" быстро находил общий язык с селянами. Люди, натерпевшиеся от кадарских фанатиков, сочувствовали "работягам", своими горестями делились, рассказывая о поведках боевиков, предостерегали: лучше к вахабитам не соваться, кто попал туда — с концами. "А может, проскользнем незаметно?" — храбрился "старшой". — "И не пытайтесь! Там-то и там-то посты шариатской полиции. По-любому в капкан попадете. На милиционеров никакой надежды. Они даже наши села от бандитов защищать не хотят". — "Спасибо, что предупредили!" — Радуюсь удаче, мотает майор на ус ценную информацию.

И вдруг перехватываем сообщение на милицейской волне: "В сторону Кадарской зоны на "уазике" с местными номерами едут подозрительные лица, по всей видимости, бандиты. При задержании соблюдать осторожность, они могут быть вооружены". Логично. Появились в районе чужие — надо проверить, что за птицы. Однако нам сейчас такие проверки ни к чему. Когда услышал, что ми-

лиция готовится к захвату, дал "шабашникам" команду демаскироваться. Они в темпе развернулись, отъехали в ущелье, переоделись в камуфляж, поменяли гражданские номера на войсковые. К машине пристроились два наших бэтээра. Всё чисто, федералы обрабатывают свои задачи.

Выходим из ущелья. А навстречу уже спешат дагестанские группы захвата — ОМОН, СОБР. Молодцы, крупные силы задействовали. Спрашивают: "Не видели "уазик", на ваш похожий, только с дагестанскими номерами?" "Нет, — отвечаем. — Мы были далеко от дороги. Проводили мероприятие в горах".

С тем и разъехались. А вечером я прибыл к главнокомандующему на совещание, где присутствовали сотрудники МВД Дагестана. Отвечая на вопросы о результатах разведки, довел обстановку в общих чертах и говорю: "О самом важном, товарищ главком, разрешите доложить вам лично". Имел в виду конкретные сведения, доказывающие, что местные руководители в донесениях наверх необъективно оценивают ситуацию. Преследуя свои интересы, сглаживают острые углы. Командованию объединенной группировки, конечно, было известно о "восточных тонкостях" в информировании центра: ФСБ и другие разведорганы не сидели сложа руки. Но при подготовке боевой операции весом каждый факт в копилке данных. А главное — представилась возможность дипломатично намекнуть республиканским коллегам: внутренние войска не страдают слепотой и глухотой. Создавать искусственные препятствия на путях укрепления взаимодействия — себе дороже. Цели-то у нас общие.

Одним словом, наш спецназ заставил себя уважать, сработал на повышение авторитета федеральных сил в глазах руководителей МВД республики. Это чувствовалось с первых до последних дней операции в Кадарской зоне.

Простор для инициативы

Спрашивали меня: "У кого родилась идея с вояжем строителей? Надо бы поощрить инициатора". А я при всем желании не

могу назвать автора идеи. Это плод коллективного творчества. Получив задачу от главкома, собрал заместителей, командиров групп, начальника разведки, и методом мозгового штурма стали искать эффективное решение. Недаром говорят: одна голова хорошо, а две лучше. Взвесив все "за" и "против", сообща и придумали этот хитрый тактический прием.

Жизнь меня давно научила: перед тем как приступить к важному делу, полезно посоветоваться с подчиненными, выслушать их мнения. Будь ты матерым зубром, командир, — опытом своих офицеров не пренебрегай. Есть запас времени, позволяет характер задания — обязательно подключи к работе интеллектуальные ресурсы бывалых мужиков. Тех, на кого можешь положиться, кому доверяешь.

К счастью, в надежных помощниках я недостатка не испытывал.

При формировании отряда подбирали кадры по строгому критерию: можно или нельзя с этим человеком идти в разведку. Придирчиво оценивали по всем параметрам. Так сложился у нас замечательный офицерский коллектив. Было на кого опереться и в мозговых, и в боевых атаках. Взять командиров групп. Уникальные люди. О каждом столько можно рассказать! На целую повесть хватит. У всех на счету есть боевые дела, достойные высшей оценки: это — поступок! Да и краткие характеристики сами за себя красноречиво говорят.

Майор Дмитрий Филев. Был командиром отдельной части. Пришел к нам на нижестоящую должность, только бы в отряде спецназначения служить. Давно об этом мечтал, ждал подходящего случая. В спецназе начинал еще солдатом. Настоящий фанат этого дела, отличный методист по высотной и десантной подготовке, знаток всех спецназовских традиций и устоев. Я к нему часто обращался за советами — и по учебным вопросам, и по жизненным проблемам отряда. Как требуют неписанные законы спецназа? Что подсказывают методические наработки? Это здорово помогло в сплочении и закалке коллектива.

В Дагестане на долю Филева выпало тяжелейшее испытание. В один острый момент майор был на грани срыва. Окажись на его месте человек послабее — не выдержал бы. А Филев за счет воли и спецназовского характера переборол себя и сумел выполнить задачу в критической обстановке.

Капитан Вячеслав Новак. Окончил зенитно-ракетное училище. По воле судьбы оказался во внутренних войсках. И “заболел” спецназом. Службу в отряде начал с должности заместителя командира группы. Очень быстро вырос как профессионал — пахал на износ. Вскоре был назначен командиром ГСН. И мы в нем не ошиблись. На боевых капитан действовал грамотно и решительно.

Гордость отряда — майор Александр Янклович, Герой России. Потомственный военный. Прирожденный разведчик-спецназовец. Работа, сопряженная с риском, — его стихия. По характеру взрывной, импульсивный, решения принимает мгновенно, и в то же время хладнокровно просчитывает ситуацию. Берет врага не только смелостью, отвагой, но и военной хитростью. Излюбленная тактика: дерзкий, стремительный маневр, отвлекающий ход и — внезапное огневое поражение противника из всех видов оружия. Его ГСН — точно отлаженный механизм, подчиненные понимают офицера с полуслова, все команды схватывают на лету.

На подступах к укрепляемому

ваххабитов группа Янкловича спасла колонну оперативной бригады, обеспечив ее вывод из-под обстрела. В Карамахах он и его бойцы уничтожили более десяти “духовских” снайперов. В рукопашном бою Александр захватил в плен бандита. И это далеко не все геройские примеры...

На боевых командиров равняются специалисты служб обеспечения. Тот же майор Мингазетдинов мог бы сказать: “Помилуйте, какой из начима разведчик?! Пусть за “бригадира” профессионал поработает”. А он без тени сомнения: “Я готов. Лучше меня никто не справится”. Сразу же нашел подходящую “экипировку”, провел с товарищами репетицию согласно легенде. И успешно сыграл трудную роль. Чуть позже, в горячие дни, под пулями, не раз показывал образец бесстрашия и выдержки.

Из таких людей, преданных войскам, спецназу, и состоит боевое ядро отряда. Вот почему я был твердо уверен: поставленную задачу мы выполним. Как бы тяжело ни складывалась обстановка. Придавало силы и доверие со стороны вышестоящего командования — это всегда со знаком плюс влияет на принятие решений в тактическом звене.

Впрочем, не буду скрывать, в ряде случаев приходилось много нервов потратить, отстаивая свою точку зрения. С учетом особенностей работы спецназа жесткие установки: только так и никак иначе! — далеко не всегда оправ-

даны. Ведь иной раз не удается со стопроцентной точностью спрогнозировать, как будет меняться ситуация, какие сюрпризы подбросит недостаточно изученный противник. Действуя строго по заданному алгоритму, не имея возможности самостоятельно вносить поправки “на ветер”, рискуешь погубить людей. Чтобы избежать потерь, решение должно оставлять командиру простор для инициативы. Вроде бы аксиома. Да вот беда, подчас надо было прибегать к доказательствам, как в теореме. Это изматывало похлеще, чем боевая работа. Там решение принимаешь по факту. Вот оно случилось: где-то встретили плотным огнем, где-то зажали с флангов, где-то с тыла пытаются обойти. Ты должен самостоятельно ориентироваться в считанные минуты, а то и секунды, цена которым — жизнь. И там, на передке, за свое решение ты в ответе прежде всего перед мальчишками-солдатами.

Хорошо, что была ключевая формула, на которую всегда опирался и в доказательствах, и в действиях. Перед началом операции заместитель главкома внутренних войск генерал Вячеслав Александрович Дадонов сказал: “Мы экстремистов все равно добьем. Не сегодня, так завтра. Но гробить наших людей, класть их пачками — нет. Беречь солдата!” Это требование красной нитью проходило через всю войну.

Там, где не пройдет олень...

Рассуждая о факторах, влияющих на эффективность работы командира, забежал вперед в рассказе о боевых событиях. Между тем надо упомянуть об одном эпизоде, с которого для отряда начался отсчет самых горячих дней кардарской операции.

Получаем задачу — закрепить на юго-восточной окраине Карамахов и с этого рубежа прорываться в глубь села. Есть два варианта выдвижения к населенному пункту — по склону гор вниз, или околным путем, по ущелью. Выбрали второй. Рассуждал так: на выходе из ущелья почти отвесные склоны, подняться с полной выкладкой очень трудно, не говоря уже о том, чтобы протащить

бронетехнику, поэтому “духи” наверняка нас оттуда не ждут, будут “пасти” с противоположной стороны. Ну а мы их перехитрим. Займем указанный рубеж скрытно, спутав все карты врагу. Принимая такое решение, сознавал, какого напряжения потребует от бойцов обходной маневр. Но ведь не зря говорят: “Там, где не пройдет олень, пройдет русский солдат”. И мы сумеем доказать, что спецназу под силу невозможное.

Я не ошибся. Ни в прогнозах относительно действий противника на тот день, ни в оценке своих людей. Невзирая на то, что из-за дагестанских событий не успели провести полный курс спецподготовки, бойцы одержали победу над горами — прошли по ущелью, выбрались, не знаю, на каком дыхании, по крутому склону к домам на окраине. А главное — устояли под вражеским огнем.

Как и предполагал, за свои тылы “духи” были спокойны, со стороны ущелья охранения не выставили. И мы, красиво завершив маневр, закрепились в пустующих зданиях. На рассвете, в соответствии с замыслом боя, ГСН во главе с Янкловичем оседлала господствующие высоты — для огневого прикрытия. После этого две штурмовые группы двинулись к очередному рубежу.

Жарким выдался денек... Особенно для тех, кто находился на высотах. По ним бандиты открыли плотный огонь из минометов. Двенадцать бойцов и офицеров были ранены. Но пока не поступил приказ сменить позиции, группа прикрытия держалась, помогая штурмующим развить успех...

Этот и другие примеры для меня, командира вновь сформированного отряда, очень много значили. Они показали, что с самого начала был взят правильный курс в обучении личного состава. Да, четыре-пять месяцев — не срок для создания крепкой боевой единицы. Однако и за это время можно заложить основу для ускоренного овладения спецназовскими навыками. В процессе учебы дать солдатам психологический заряд, который помогает быстро вращаться в боевую обстановку, действовать активно, дружно, решительно.

Что нужно для этого? Искорка в службе, в работе с людьми. Проводишь занятие — внеси в него живинку, элемент творчества. Чтобы солдат максимально выложился, проявил свои лучшие качества и получил от этого удовольствие. Вот он — к профессиональному росту главный стимул. А для его закрепления — не скупись на высокие слова, дабы в повседневности не тускнел романтический ореол спецназа: “Никто, кроме нас”. Такое призывное слово отзовется в душе молодых парней порывом к мужскому поступку.

И еще. Перед боем надо говорить солдату правду: что его ждет впереди. В первую очередь — необстрелянному новичку. Честно, так, как оно есть. Даже если ситуация складывается в нашу пользу и враг деморализован, не расхваливать людей. Типа того: “Спокойствие, ребята, там все схвачено-перехвачено, разок трясанетесь, постреляете — и все будет нормалек”. Естественно, когда нацеливаешь подчиненного на смертельно опасное дело, он испытывает страх. В то же время у него обостряется чувство ответственности, возрастает самооценка, что именно ему и его товарищам эту задачу доверяют. Солдат мобилизован на решительные действия. Подавляя чувство страха, туго сжимает внутри себя боевую пружину, противник уже не застанет его врасплох. Это тоже очень важно в заботах о том, чтобы спецназ вернулся из боя с победой.

Работа над ошибками

Направляясь в Дагестан, никто из командиров, конечно же, не настраивался на легкую прогулку. По опыту “первой Чечни” знали: отряд ждут суровые испытания. К этому морально готовили бойцов. Но реальная обстановка в Кадарской зоне оказалась круче самых жестких прогнозов.

При попустительстве властей ваххабиты создали многоярусный и глубокоэшелонированный укрепрайон. Каждый узел сопротивления был грамотно оборудован в инженерном отношении и замаскирован от наблюдения с воздуха. Так же профессионально боевики спланировали систему огня. Заранее подготовили надежные укрытия от ударов авиации и артиллерии. Да и сама природа помогала “духам” — рельеф местности, которую они знали как свои пять пальцев, способствовал активному ведению обороны. Дралась сепаратисты умело, отчаянно, зачастую предпочитая смерть плену.

К сожалению, как и в первую чеченскую кампанию, противника недооценили. Многое в действиях войск пришлось совершенствовать уже в ходе операции.

Поначалу работали на ощупь, не имея точных данных о численности бандгрупп, расположении опорных пунктов, огневых средствах боевиков. Шли, постоянно спотыкаясь. На каждом шагу — препятствия, невидимые даже с близ-

кого расстояния. То расщелина, то ручей, то низина, то огород. А точной схемы и проводника у нас не было: всё, как говорится, с чистого листа. Кроме того — повсюду растяжки, земля напичкана минами. То и дело тормозящие продвижение стычки с мелкими группами фанатиков. В таких условиях обеспечить согласованные действия подразделений — одна из нелегких проблем боевого управления. Хотя с этим в целом справлялись. Намного сложнее было управлять огнем артиллерии, когда приступили к уничтожению выявленных объектов врага.

Село горит. Всё затянато густыми клубами дыма. Ориентиры не просматриваются. Артиллеристы, танкисты запрашивают: "Где находишься? Куда переместился противник? Укажи ракетой!" Дашешь сигнальную ракету, а ее в дыму почти не видно. Наконец определяемся с целями. "Огонь!" А "духи" не дураки: спасаясь от осколков, моментально входят в плотное соприкосновение с нами. Бывало и так: полдома их, полдома наш, спецназовцы и боевики гранатами друг друга пытаются выкурить. Ну как тут скорректировать огонь? Надо отойти на безопасное расстояние. Только солдаты отходить начинают — "душманы" тоже пятятся, маневрируют.

Порой и ошибались боги войны... Однажды во время артобстрела наше расположение накрыли восемь ракет "Града". Ад кошмарный! Кого контузило, кого землей в окопе присыпало, но живы все. А мы как раз собрались пообедать. Майор Мингазетдинов в доме картошку жарил. Взрыв —

стены как не бывало. "В укрытие!" — кричу. Он, не отходя от плиты: "Еще пару минут — не дожарил, жалко бросать!" — "Приказываю!" Зинур хватает сковородку — и бегом по улице под грохот канонады. Смеху было...

Видать, хорошо за нас мамы и жены молились. "Град" — штука серьезная. Чудом никто не пострадал.

А вот еще эпизод из серии "нарочно не придумаешь". Наступая, занимаем очередное подворье. "Духи" где-то неподалеку. Постреливают. На связи артиллерия: "Сейчас влупим по "душкам". Обозначь себя, чтоб не задели". Ляжу — в огороде на высоких опорах бочка для полива. Зеленого цвета. Указываю этот ориентир. Переспрашивают: "Точно зеленая? Не красная?" — "Зеленая, зеленая! — повторяю. — В десяти шагах от меня". Минут пять прошло — и как рванет во дворе! Слава Богу, отделались легким испугом. У бойцов и офицеров — ни единой царапины. Связываюсь с канонирами: "Вы куда бьете?!" — "Ориентир — красная бочка, а ты сам сказал, возле зеленой". Подхожу к бочке — и не знаю, кого крепким словом приложить. Поливалька та злосчастная — кто б мог подумать — двухцветной оказалась: наполовину зеленая, наполовину... красная. Наверное, "для эстетики" хозяин ее так размалевал.

Что говорить, и на войне бывает весело!

А ежели всерьез, мы на братишек-артиллеристов не в обиде. Искренняя благодарность им от спецназа! Без огневых поражений "духовских" укреплений на

ши отряды понесли бы большие потери. Что касается ошибок, то с работой над ними мы и коллеги не задерживались.

Один только факт. Нет необходимости лишний раз доказывать, насколько важно обеспечить тылы наступающих. Вот характерная ситуация. Идет зачистка. Надо тщательно проверить каждый дом. В динамике операции это не всегда удается — время поджимает. Спешат бойцы, ограничиваясь поверхностным осмотром. А в развалинах — замаскированный схрон. Ничего не обнаружив, солдаты идут дальше. В спины им — очереди из подвала. Был такой случай в Ботлихе.

Чтобы не наступать на одни и те же грабли, в Карамахах для прикрытия использовали дагестанский ОМОН. Благо приданных сил МВД было достаточно: около 200 человек. Продвигаясь вперед, в каждом доме оставляли тройку омовцев. Они там основательно закреплялись, предварительно обшарив все уголки. И я был уверен: нападение с тыла исключено.

Извлекая уроки из ошибок, совершенствовали тактику действий и по другим направлениям. Молодой отряд обрел профессиональную зрелость, закалился в трудных испытаниях. Из Дагестана в Чечню шли во всеоружии. Воевали достойно, как подобает русскому спецназу. Но это уже другая история...

Записал
полковник Юрий КИСЛЫЙ
Фото из архива отряда

Некоторые фамилии изменены.

Погоны для профи

Не дожидаясь лучших времен

Несмотря на принимаемые меры по сокращению оттока из войск офицеров, уже который год как были, так и остаются нерешенными проблемы, побуждающие их увольняться в запас.

Причины общеизвестны: беднежье, бесквартирье, перегрузки на службе. Усталость от длительных командировок в Чечню (отдельные офицеры оперативной бригады СЗО ВВ МВД РФ семь(!) месяцев в году проводят "на югах").

Наиболее быстро тает звено "взвод — рота". Показательны и основания, по которым увольнялись младшие офицеры: каждый третий из них вместо заключения нового контракта предпочел уйти в запас, а почти две трети — прорвались на гражданку с формулировкой "невыполнение условий контракта".

Статистика, однако, учитывает лишь реально оголенные взводы и роты. А ведь есть в этом звене и мертвые души — офицеры, которые лишь на бумаге числятся командирами, а на самом деле давно трудятся в коммерческих структурах, ежемесячно зарабатывая больше командующего войсками округа. Служба для них давно обуза. Но из месяца в месяц тормозят их увольнение в запас.

Например, командир взвода

старший лейтенант Дмитрий Глухов целый год пытался любой ценой снять погоны. В Санкт-Петербурге он нашел себе высокооплачиваемую работу, в свое подразделение заглядывал раз в десять дней для галочки. Все это время в части от такого взводного не видели никакого проку — разве что формально сохранялась цифра укомплектованности.

Особо хотелось бы заострить внимание на таком тревожном факте: как показывает анализ текучести кадров среди молодых офицеров, войска, получив специалистов из военно-учебных заведений, за три года теряют каждого четвертого офицера. Иначе говоря, один из институтов внутренних войск работает вхолостую.

Стремление некоторых молодых офицеров всеми правдами и неправдами уйти из войск не сдерживает и невиданная для советских времен перспектива карьеры.

Как отметил офицер отдела кадров округа подполковник Андрей Белорусов, через год-два после окончания военного института лейтенанта ставят командовать ротой. А раньше, чтобы стать ротным, надо было напряженно работать не меньше пяти лет.

Карьерные устремления потеряли былую ценность не только для многих лейтенантов. Расстаются с воинской службой и офицеры, за

Еще год назад укомплектованность офицерскими кадрами в Северо-Западном округе ВВ МВД РФ была ниже средней по войскам. Однако ситуацию удалось улучшить. Уже в сентябре округ по этому показателю вплотную приблизился к определенному Главкоматом рубежу. При этом использовались самые разные источники пополнения офицерских рядов.

плечами у которых по десять и более лет "календаря". Только вот уходить из войск они стараются с наименьшими для себя потерями, ибо за время службы изучили все тонкости этого процесса. Или ищут "болезнь", или дожидаются оргштатных мероприятий. Парадоксально, но факт: сегодня за эту формулировку цепляются даже тогда, когда офицеру поднимают по штатной должности тарифный разряд. Этой лазейкой, в частности, воспользовался начальник штаба отдельного батальона майор Дмитрий Пономарев. Даже академический "поплавок" не удержал его в войсках.

Или такой пример. Недавно встретил знакомого офицера из штаба округа. Ему нет еще и сорока, и карьера завидная. Тем не менее он буквально сиял от счастья, что его структурное подразделение попало под оргштатные мероприятия. Согласен уволиться даже без квартиры, чтобы дождаться от войск положенного жилья уже на высокооплачиваемом, по меркам северной столицы, посту в коммерческой структуре.

Энтузиасты еще есть

Было бы несправедливо утверждать, что сегодня не осталось людей в погонах, для которых военная служба — единственное достойное ремесло. Подавляющее большинство офицеров любят свою профессию, гордятся ею. Они намерены и дальше честно и добросовестно служить, невзирая на трудности.

К примеру, когда сократили патрульную роту, которую возглавлял капитан Андрей Шубенок, ни один офицер не подал рапорт на увольнение. Старшие лейтенанты Андрей Мельник и Владимир Фабижевский не отказались от равнозначных должностей. А капитан Шубенок даже согласился на понижение.

Еще один отрядный факт: в округе почти в полном составе удалось сохранить офицеров прошлогоднего выпуска военных институтов — в запас уволились единицы. В основном по семейным обстоятельствам.

— Мы не оставили без внимания ни одного выпускника, — говорит начальник отдела кадров СЗО ВВ МВД РФ полковник Виктор Турусов. — С каждым из них работали на всех уровнях: как в частях, так и здесь, в округе. Ничего ни от кого не скрывали, золотых гор не сулили — честно рассказывали лейтенантам, что их ждет. А тех, кто подавал документы на увольнение, старались переубеждать. И почти все такие молодые офицеры передумали уходить из войск.

Отток выпускников прошлого года сдержала и... контртеррористическая операция в Северо-Кавказском регионе.

— Многие лейтенанты осенью 2000 года выполняли задачи в составе нашей оперативной бригады, — говорит офицер отдела кадров СЗО ВВ МВД РФ подполковник Валерий Чернышев. — Они служили в Чечне в период боевых действий и с первых шагов службы могли проверить себя в деле. Через полгода они были старшими лейтенантами, чуть позже получили приличные “боевые”, а некоторые награждены государственными наградами...

И все же есть и те, кто, прибывая в отдел кадров округа, сразу ставят вопрос об увольнении в запас. А лейтенант Максим Миклин пошел еще дальше — отказался вступать в должность начальника службы вооружения СМВЧ, дислоцированной не где-то у черта на куличках, а в центре Санкт-Петербурга. Беседовавшие с ним старшие начальники сомневаются, что этого молодого офицера удастся переубедить.

Когда экономический подъем во вред

Печальная реальность наших дней: кадровый состав войск округа,

подобно шагреновой коже, сжимается все стремительней — ежегодно в запас увольняется больше офицеров, чем приходит из военных институтов и академий. Изменить эту тенденцию в ближайшее время трудно. И, видимо, еще очень не скоро внутренние войска в целом приблизятся по этому показателю к десантникам. Начальник управления кадров ВДВ России генерал-майор Валерий Рыбкин огласил на пресс-конференции в Санкт-Петербурге удивительный по сегодняшним меркам факт: крылатая пехота на сто процентов укомплектована кадровыми офицерами. Впечатляет, не правда ли? Хотя такого положения удалось достичь во многом после масштабных сокращений.

Дефицит офицеров рекомендуют покрывать путем призыва запасников. Вот только в нашем округе за год этот источник пополнения уменьшился в два раза.

Причина проста: экономический подъем. Заработали предприятия, и трудоустроенные “запасники” стали неплохо зарабатывать. Никто из них даже слышать не хочет о возвращении на мизерное содержание военных.

А ведь именно низкие должностные оклады — главный бич, в частности, авиационной эскадрильи, которой командует подполковник Сергей Чикин. Из-за этого долгое время не удается укомплектовать эскадрилью: даже после прихода сюда шести выпускников военных авиационных институтов все равно более четверти офицерских должностей остаются свободными. Вакантна и почти половина должностей прапорщиков. Особенно остро стоит проблема с техническим составом — на гражданке такие специалисты зарабатывают куда больше. По существу, под началом у Сергея Николаевича служат преимущественно либо бесквартирные, либо те, кому пару лет не хватает до пенсии. Каких-либо резервов повышения укомплектованности кадровым составом нет. И в ближайшее время, видимо, не предвидится.

Опора на собственные силы

В последнее время офицерские должности пытаются заполнить и за счет военнослужащих, имеющих высшее или среднее профессиональное образование, родст-

венное военно-учетной специальности. За год такая работа дала весомый результат. Уже к началу августа прапорщикам и контрактникам присвоили в семь с лишним раз больше первых офицерских званий, чем за весь прошлый год!

Скажем, в той же авиационной эскадрилье младшим лейтенантом стал Андрей Чумак, окончивший в свое время Ленинградский техникум авиационного приборостроения. С 1993 года он служил сначала бортовым механиком, потом механиком группы. И образование, и опыт работы позволяют Андрею Владимировичу успешно справляться с обязанностями офицера — старшего бортового авиационного техника.

Погоны старшего прапорщика на лейтенантские поменял в этом году и Валерий Безъязычный, являющийся теперь начальником службы РХБЗ СМВЧ.

А поступивший еще в 1993 году на должность прапорщика теперь уже лейтенант Михаил Нестеров возглавил патрульный взвод на автомобилях.

— Из военнослужащих, имеющих соответствующее образование и не менее пяти лет службы в должности, связанной с получением специальности, мы стараемся подбирать кандидатов на те офицерские должности, которые нам тяжело укомплектовать, — говорит подполковник Валерий Чернышев. — Например, в прошлом году на округ не дали ни одного финансиста. У нас почти одиннадцать лет пустовала должность начальника финансовой службы СМВЧ в Пскове. С 1990 года эти обязанности исполняла прапорщик Галина Павлова, имеющая, кстати, необходимое высшее образование. И разве не справедливо, что в этом году ее наконец назначили на офицерскую должность, присвоили воинское звание “лейтенант”?

Любопытная деталь: хотя подготовленность в военном деле у привлекаемых на офицерские должности выпускников гражданских вузов и техникумов порой ниже, чем у выпускников военных институтов и академий, кадровики охотно комплектуют ими части. Причина ясна. Эти офицеры будут ценить службу и не подадут рапорта об увольнении через год-другой после получения офицерских погон.

Однако и этот резерв пополнения офицерских кадров скоро будет исчерпан. Нельзя не сказать и о том, что почти половина присвоенных за девять месяцев этого года первых офицерских званий приходится на военнотружущих-женщин. А удельный вес специалистов оказался выше, чем командиров взводов. Хотя потребность в них была ничуть не меньше.

Федот, да не тот

К концу августа острый дефицит взводных удалось ликвидировать на три четверти за счет выпускников военных институтов, оставшиеся вакансии отошли младшим лейтенантам, окончившим курсы по подготовке младших офицеров.

Отношение к младшим лейтенантам разное. Скажем, в отделе кадров СЗО ВВ МВД РФ в таком пополнении офицерских рядов видят надежное подспорье. Полковник Виктор Турусов, например, считает, что выпускники курсов способны успешно справляться со стоящими перед ними задачами, имеют все шансы для дальнейшего продвижения по службе, а уровень их профессиональной подготовки во многом зависит от уровня командирской подготовки в частях.

К тому же никто не отнимает у этих людей права и возможности поступать в высшие учебные заведения, расти дальше. В округе служит выпускник экстерната, который окончил затем гражданский институт, курсы усовершенствования офицерского состава и дошел до должности заместителя командира бригады.

В частях же выпускников курсов по подготовке младших командиров оценивают более сдержанно. В частности, полковник Вадим Павлов прямо заявляет, что у обоих командиров рот — выпускников экстерната 90-х годов недостаточный уровень подготовки. Низка командирская подготовка и у недавно пришедших младших лейтенантов. Методика проведения занятий у них откровенно слабая, навыки работы с людьми тоже. Единственное, в чем они пока впереди выпускников военных институтов, — несение патрульно-постовой службы. Все-таки они, в отличие от лейтенантов, охраной общественного

порядка начали заниматься еще солдатами.

— Но когда в роте остается один офицер, — говорит командир полка, — рад и им. И служба у них пойдет, если будет кому заняться дальнейшей учебной взводных.

С тревогой смотрят на практику заполнения вакантных командно-штабных должностей людьми, полгода учившимися офицерскому ремеслу, и в других воинских коллективах. Как, впрочем, и на порождаемые ими проблемы. Например, в отдельном батальоне, который возглавляет подполковник Алексей Корняков, оба серьезных прокола среди офицерского состава совершили «экстернатчики».

Не лишним, думается, будет вспомнить, что при помощи экстерната так и не удалось решить в 90-е годы проблемы, связанные с дефицитом офицерских кадров. К тому же такой способ их пополнения остается лишь подспорьем. С каждым месяцем отбирать людей на курсы по подготовке младших офицеров становится все труднее. Последнюю разрядку на них в округе так и не удалось выполнить.

Сегодня — солдат, а завтра — офицер?

В конце лета процент укомплектованности растет за счет выпускников военных институтов и академий, весной — за счет выпускников курсов по подготовке младших офицеров. В своеобразное межсезонье количество офицеров уменьшается. Надо учесть и то, что часть взводных пойдет на повышение. В низовом звене предложение опять значительно превысит спрос, который кем-то потребуется удовлетворять.

В этой ситуации у кадровиков останется совсем небольшое поле для маневра: заткнуть образовавшуюся брешь они смогут, только используя свой последний резерв — солдат с высшим образованием. Правда, как заметил подполковник Валерий Чернышев, опыта назначения солдат и сержантов с ромбиками (таких в округе примерно 150 человек) на офицерские должности в округе пока нет. Зато теоретически эта технология проработана. Она предусматривает перевод кандидатов на контракт, назначение их на офицерские должности. А уж

в столице долго мариновать документы на присвоение первых офицерских званий не станут.

На деле же попытку внедрить в практику комплектования такую модель могут оказаться малопродуктивными. Как, например, это произошло в полку, где старшим помощником начальника штаба по строевой и кадрам служит майор Владимир Арбузов. Здесь на заседании аттестационной комиссии рассмотрели кандидатуры десяти солдат с высшим образованием. И к положительному решению ни по одной из них так и не пришли. Тут и нежелание самих бойцов, и профнепригодность кандидатов. Да и следует учесть, что гражданские специальности у большинства из них своеобразные — актер, инженер-конструктор, экономист водного хозяйства...

Смогут ли они, надев офицерские погоны, грамотно проводить занятия и уверенно управлять подчиненными при проведении специальных и разведывательно-поисковых операций? Как скоро они научатся работать не только с людьми, но и, допустим, с картой, служебной документацией, наконец, просто выполнять обязанности старшего машины? Ведь даже у выпускников военных институтов по полгода уходит на ввод в должность.

***

Прогноз дальнейшего развития ситуации с комплектованием войск офицерскими кадрами не внушает оптимизма: удельный вес людей, получивших и получающих первые офицерские погоны, минуя военные институты и академии, будет увеличиваться. Аргумент неотразимый: «Любой офицер лучше вакансий».

А при таком развитии событий нетрудно спрогнозировать и то, каким в скором времени окажется общий уровень профессионализма офицерских кадров. Позволит ли он успешно решать стоящие перед войсками задачи? Подробно отвечать на этот вопрос почему-то не хочется...

Майор Сергей КОРНЕЕВ

*Северо-Западный округ
внутренних войск*

"Предатель! Переметчик! Иуда ты!"

А.К.Толстой "Царь Борис"

ПРЕДАТЕЛИ

НА утреннем разводе он обычно дремал стоя. Все уже успели привыкнуть к тому, что Димка Антонов всегда ходит невыспавшийся и оживает лишь к вечеру, когда на чеченское село Новогрозненское и блокпост опускаются сумерки.

Ходили слухи, что в селе живет то ли его родственник, то ли просто земляк. Так или иначе, но к этому земляку Димка убегал с блокпоста почти каждый вечер, возвращался под утро с тяжелым запахом перегара, падал на койку и начинал рассказывать. Много ли впечатлений у солдата федеральных войск на чужой земле, среди враждебного народа? Его слушали, кто-то с интересом, кто-то с недоверием, некоторых откровенно коробило от историй о каких-то якобы перешедших на чеченскую сторону русских, которым фантастически хорошо платили, а потом отправляли домой с новенькими документами. Но равнодушных не было, слишком уж необычную жизнь устроил себе рядовой Антонов и вслед за ним старший сержант Жуков.

27 июня 1996 года было ясное утро. Накануне вечером они переоделись в "гражданку" и исчезли почти до рассвета. Вернулись, легли и продолжали разговор, не обращая внимания на остальных солдат.

— Ну а что будет? Во-первых, пусть сначала найдут. Сейчас война, вон люди пачками пропадают. Ищет кто-нибудь? Нет. А во-вторых, это еще доказать надо. Если что — напали на блокпост, увели силой. Оружие отобрали. Рты зажали и увезли. И все, — рассудительно говорил Антонов.

— Ну не знаю. — Жуков заворочался, устраиваясь поудобнее. — Там тоже не дураки сидят.

— Да кому мы нужны? — Дим-кин голос в темноте землянки звучал тихо и вкрадчиво. — Пацана того помнишь, который сигареты все время приносит? Мелкий такой? А ты знаешь, чем занимается его отец? Вот. И я не знаю. Но догадываюсь. И ничего. Никто их не трогает. Не переоценивай свою персону.

— Вы что, сматываться собрались? — недоверчиво спросил младший сержант Степанов.

— А что? — с легким вызовом и даже весело поинтересовался Антонов. — Пока вы тут будете вшей до дембеля собирать, мы штук по пять баксов заработаем. Если не больше. Баксов немерено, капусты нарубить, чтобы сразу после дембеля тачку купить и оттянуться как следует. Дома все равно работы нет — или горбатиться за копейки, или на шею у родоков. А у тех самих копейки...

Утром, вспоминая ночной разговор. Жуков мысленно соглашался с каждым словом приятеля, и будущая новая жизнь у чеченцев обещала все больше и больше благ.

...Дождь стал накапывать около восьми вечера. Они шли по дороге, удаляясь от блокпоста. Пришли в деревню.

— А-а, друг, заходи, солдат, гостем будешь!

На столе в крайнем доме уже дымился шашлык, в заботливо подставленные стаканы им тут же щедро, до краев, плеснули водки. Выпили за них, за солдат. Потом пили за дружбу, еще за что-то. А когда они уже изрядно захмелели, к ним подсел средних лет чеченец, которого они здесь раньше никогда не видели.

— Э-э, вас там не кормят так... кушай, кушай. — Он придвинулся к Антонову, безошибочно угадав в нем старшего. — А хочешь, к нам приходи. Хоть сегодня. Каждый день будешь так есть. Жену тебе найдем, братом нам станешь.

Димка Антонов продолжал жадно есть и только кивал, то ли соглашаясь, то ли внимательно слушая.

— Что тебе эта служба? — продолжал чеченец. — У нас научишься всему. Все у тебя будет. Оружие только надо. Куда ты без оружия? Автоматы есть? Гранаты?..

Полчаса спустя они с Жуковым курили, стоя на окраине села.

— Романенко подойдет, — вслух размышлял Антонов. — И сам, и автомат его.

— А ты что, хочешь ему предложить с нами пойти? — удивился Жуков. — Так ведь не согласится. Трусливый он какой-то.

— Не согласится?! Романенко — овца, куда поведут, туда и пойдет. Я его знаю.

Мишка Романенко сидел в неглубоком окопчике, привалившись спиной к сыроватому мешку с песком, и читал в свете казенного фонарика письмо из дома. Батарейка уже садилась, и мутно-желтый кружок света выхватывал только отдельные слова на тетрадном листке в клеточку: "Ждем... осенью, сказали, зарплату поднимут на 20 процентов, да при такой зарплате это все равно — слезы... но ты-то и в охрану можешь... от бабушки привет, от Лены...".

Шорох щебенки под чьими-то ногами заставил его оторваться от письма и всмотреться в темноту.

— Кто идет?

Донесся смехок, холодноватый и знакомый:

— Здорово. Спишь?

— Поспишь тут. — Мишка узнал голос Антонова и невольно отметил, что привык слышать его голос именно в темноте, в землянке, где тот снисходительно, монотонно рассказывал о ночной, скрытой от глаз жизни села. — А ты чего?

— Я ничего. — Голос приблизился. Шаги замерли где-то рядом, и Мишка не мог понять, один человек стоит там, во мраке, или нет. На всякий случай он взял автомат и поднялся на ноги. В глазах еще мелькали строчки из прочитанного письма.

Кто-то закурил, огонек зажигалки на секунду осветил знакомое лицо, и голос Антонова весело спросил:

— Что, страшно? Да брось. Ничего не будет. И вылазь ты оттуда.

— Зачем? — Романенко чуть попятился.

— Не бойся, не убьют. А даже наоборот. Денег хочешь заработать?

— Нет!

Часть темноты сгустилась в человеческую фигуру, и крепкие руки вдруг легли Мишке на плечи:

— Как это нет? А почему?.. Чего ты в автомат-то вцепился, как черт в грешную душу? Дай сюда. Дай. — Голос звучал, как всегда, спокойно и убеждающе. — Хуже же будет, чуело. Давай. Я тебе дело говорю. — Автомат провалился куда-то в темноту, а сильные руки вдруг до боли сжали Мишке кисти. — Вот видишь. Если сейчас со мной не пойдешь, знаешь, что тебе будет? Оружие ты уже отдал. Как ты сможешь это объяснить?

Мишке вдруг стало и страшно, и в то же время все равно. Захотелось просто послушаться. Уйти. Все равно куда и с кем. А может, даже лучше, если с ним.

— Давай! — Его довольно сильно дернули за плечо, и в спину вдруг уперлось что-то холодное и твердое, он понял — ствол его же автомата.

— Пойдем, — уже более миролюбиво произнес

Антонов. — Кстати, есть хочешь?..

И Мишку повели в село.

... За блокпостом стояла зенитная установка, нацеленная в небо. Возле нее прохаживался рядовой Сергей Зимин. Приближающиеся шаги он услышал давно и всматривался теперь в темноту, света фонариком.

— Кто идет?

— Кто идет, кто идет. Кто надо, тот и идет. Что, пуганая ворона куста боится? — Круг света метался по зарослям, и вдруг в нем возникло улыбающееся лицо старшего сержанта Жукова. Улыбка была какой-то напряженной, нервной, и голос выдавал если не страх, то беспокойство точно.

— Чего ты тут ходишь по ночам-то? — хмуро поинтересовался Зимин.

— А я по твою душу. — Жуков нагло ухмыльнулся.

— Незачем. И не подходи ко мне.

— Да погоди, поговорить надо.

— Утром поговорим. У меня сейчас настроения нет. Слушай, шел бы ты отсюда!

— Да ты оборзел, похоже! — Улыбка сменилась гримасой. — Ну и дурак. Ты вот сейчас будешь тут на посту торчать, из этой землянки носа не высунешь, потом еду привезут — шрапнель с жиром. А я в это время буду с друзьями шашлык есть.

— С каких это пор "чехи" нам друзьями стали?

— А что, нормальные люди. И нас, солдат, понимают.

— Ну и иди к ним, раз они такие хорошие. А меня в покое оставь.

Жуков подошел и остановился. Он был в гражданском, стоял, сунув руки за ремень потрепанных джинсов, и рассматривал Зимина, как редкую зверушку.

— Значит, ты у нас патриот? — Он протянул руку, Сергей попятился, уже понимая, что ему надо, и крикнул:

— А ну руки убери, ты!

Удар в подбородок швырнул его на землю, тут же в грудь уперлось колено, и автомат рванули из рук. Сергей наугад ткнул кулаком во что-то мягкое, послышался вскрик.

— Ах ты... — Жуков вскочил, держась за щеку. Зимин торопливо встал и передернул затвор автомата.

Возможно, на этом бы все и закончилось, но в этот момент чьи-то шаги, приближающиеся со стороны домика старшего по блокпосту, заставили обоих замолчать и прислушаться. Из темноты вынырнул младший сержант с фонариком в руке и автоматом на плече.

— Степаныч! — обрадовался Жуков. — Нет, ты прикинь! Ты видишь, что он делает?

— Вижу... — Степанов, так звали сержанта, подозрительно посмотрел на Зимина.

— Оружием размахивает, — добавил Жуков. — Крыша у него поехала.

— В чем дело-то? — Младший сержант посмотрел

рел на одного, на другого и обратился к Зимину: — Автомат опусти. Кому грозишь? Ты что, правда не в себе, что ли? — Он сделал шаг вперед, но Зимин зло оттолкнул его.

— Ну, я же говорю, — удовлетворенно кивнул Жуков. — Не соображает. Автоматом балуется. Делать что-то надо. А? Ну-ка, двинь ему как следует.

И Степанов выполнил просьбу старшего по званию и ударил рядового Зимина прикладом. От неожиданности Зимин чуть не выронил автомат, но тут же пришел в себя, столкнул Жукова в окоп и бросился бежать. Споткнулся, растянулся на земле, вскочил и, пустив очередь в воздух, понесся к домику отдыхающей смены:

— Эй, вставайте, помогите! Помогите!.. Да черт, вы там глухие?!

Кто-то в окне включил фонарик, высунулись:

— Что там у тебя?..

Степанов вместе с Жуковым остались в одном окопе. Это была вторая удача Жукова за последние пять минут. Желанный автомат был так близок. Жуков забрал у Степанова автомат, бросил из окопа гранату в сторону домика отдыхающей смены и победоносно побежал в сторону села.

...Мишка Романенко сгорбившись сидел перед следователем на стуле и, зажав сложенные ладони между колен, рассказывал:

— Я не хотел с ним идти, честно. Но он автомат у меня отобрал. Как останешься? Посадят же... А меня посадят, да?

— Значит, вы пришли в село, — вернул его к рассказу следователь.

— Ну пришли. Нас наорали и положили спать. В доме. Мне шмотки дали, я же в форме ушел. Несколько дней не водили никуда, мы просто так отсиживались... Еда у них хорошая. — Романенко вздохнул. — Спали, сколько хотели. Димка у них как свой был, он к ним часто ходил. И они к нему — каждый день почти. Сигареты приносили, выпивку, еду всякую. Он говорил, у него там брат живет. Или друг. Я не помню...

Следователь ясно видел, что сидящий перед ним парень — совершенно безвольная, подавленная личность. Такие как раз и уходят послушно, куда поведет более сильный. Романенко был выдан

чеченцами представителям федеральных сил 28 мая 1997 года. И теперь, уже не первый день, он на каждом допросе красочно рассказывал о том, как Антонов выманил его с поста, захватил его оружие и силой увел с собой. По всему выходило, что он — жертва.

О том, что все было спланировано заранее, говорил тот факт, что на краю села дезертиров уже ждала группа вооруженных боевиков. Только находясь у бандитов, Антонов признался Романенко, что у них с боевиками была договоренность, имелся план захвата блокпоста, но стрельба одного из часовых и взрыв гранаты Жукова помешали его осуществить.

— Ну хорошо, а потом что было? — спросил следователь.

Непрерывно вздыхая, Мишка рассказал, что "службу" свою они продолжили на базе боевиков в районе села Аллерой. Все трое получили мусульманские имена: Антонов стал Сулейманом, Жуков — Исламом, Романенко — Магомедом. Службу несли старательно,

хотели выслужиться перед новыми хозяевами. Магомед и Ислам под командованием полевого командира Юсупа ходили и разведку, выясняли, какая боевая техника выходит в дозоры федеральных войск.

От Романенко же узнали и о том, что Антонов-Сулейман выучил чеченский язык, принял ислам и якобы даже собирался жениться на чеченке, уже имея в Санкт-Петербурге жену и дочь.

Сам Антонов пока оставался на свободе, поэтому проверить показания Романенко было невозможно. Впрочем, уже 24 июля 1997 года он в сопровождении представителя ЧРИ по розыску и обмену военнопленных был доставлен в Москву и обменян на чеченца, отбывавшего наказание в одном из ИТУ Минюста России.

Первое же, что он заявил следователю, было:

— Я честно все расскажу. На самом деле это была не моя идея. Жуков придумал. И Мишку с собой взять тоже он предложил. Я-то кто? А он в селе многих знал, с чеченцами за руку здоровался... А

потом он в Грозном воевал, а я так, на базе отсиживался.

Помолчав, он добавил:

— Знаете... Они умеют обрабатывать. И не захочешь, а поверишь. Вроде смотрю на них и думаю: "Врут же все!", а через пять минут уже кажется, что как раз они и правы. Запутался...

По словам Антонова, он был завербован боевиками, прошел соответствующий инструктаж, в том числе как вести себя во время допроса, о последующих контактах с ним в Санкт-Петербурге с целью выполнения заданий боевиков. Также ему был сообщен номер сотового телефона для связи с бандитами.

Рассказывал он вроде бы откровенно. Следователь записывал за ним и вдруг поднял голову:

— Ну ладно. А почему тогда они оставили тебе автомат и гранату? Ты же, говоришь, пленным был. А вдруг взял бы да стрельбу там открыл, а?

Антонов нахмурился:

— Откуда я знаю? Оставили, и все.

— А деньги ты где взял? — продолжал нажимать следователь. — Которыми перед своими подельниками хвастался? На дороге нашел?

Я не помню. Я много чего не помню. Все из головы вылетело. Точно знаю, что против своих не воевал. А остальное как в тумане...

Больше ничего от него добиться не удалось. Пока прокуратурой Балашихинского гарнизона велось следствие по делу о самовольном оставлении части с оружием, он содержался на гарнизонной гауптвахте, а в сентябре 1997 года был переведен в подразделение, где ранее проходил службу, под контроль должностных лиц командования.

Однако уже 17 сентября 1997 года Антонов вновь самовольно оставил часть и был объявлен в розыск. В январе 1998 года он по собственной инициативе обратился в Санкт-Петербурге в военную прокуратуру по месту жительства, где была оформлена его явка с повинной. 20 марта 1998 года Антонову Д.А. было объявлено о привлечении его в качестве обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ст. 338 ч.2 УК РФ ("Дезертирство с оружием"). Проведенная судебно-психиатрическая экспертиза подтвердила отсутствие у Антонова каких-либо психических заболеваний и его вменяемость.

Но с 1 апреля 1998 года Антонов на вызовы следователя являться перестал. В результате чего предварительное следствие было приостановлено, а он вновь объявлен в розыск. 31 октября 2000 года Антонов был задержан и этапирован для продолжения предварительного следствия по уголовному делу в следственный изолятор в Санкт-Петербурге. При этом он заявил, что скрывался от следователей военной прокуратуры из-за боязни привлечения к уголовной ответственности за дезертирство с оружием.

В СИЗО Антонов вдруг начал усердно молить-

ся. Но почему-то не по мусульманским, а по христианским канонам. Известно, что к такому приему прибегают опытные подследственные. Не являлось ли это частью проведенного боевиками инструктажа? И вообще, все его поведение с момента первого побега из части и до ареста, казалось, было продиктовано не собственной волей, а постановочным внушением. Или это только казалось? Возможно, мы когда-нибудь получим ответы на эти вопросы.

Несмотря на все ухищрения и попытки, уйти от ответственности за содеянное Антонову не удалось. Хотя рядовой Антонов и попал под постановление Правительства РФ "Об объявлении амнистии в отношении лиц, совершивших общественно опасные деяния в связи с вооруженным конфликтом в Чеченской республике", понести уголовную ответственность за хищение оружия и боеприпасов ему все же пришлось. 16 мая 2001 года по приговору Реутовского гарнизонного военного суда Антонов Д.А. был признан виновным в хищении оружия и боеприпасов с применением насилия, неопасного для жизни, что предусмотрено статьей 226 ч.3 п."г" УК РФ ("Хищение либо вымогательство огнестрельного оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств"). При этом суд счел смягчающими обстоятельствами его чистосердечное раскаяние, положительные характеристики командования, участие в боевых действиях, наличие на иждивении малолетнего ребенка. И в соответствии со ст. 64 УК РФ назначил Антонову наказание ниже низшего предела, предусмотренного данной статьей, — лишение свободы сроком на 3 года с отбыванием наказания в исправительной колонии строгого режима, без конфискации имущества.

Уголовное дело в отношении Романенко М.Н., который также попал под амнистию, было прекращено. Он дослужил в своей части, уволился в запас и уехал по месту жительства.

В отношении Жукова Н.А. были получены данные о его участии в июле 1996 года в боевых действиях на стороне боевиков в Грозном и Сержен-Юрте. В последующем вместе с другими военнослужащими он работал на мини-заводах по переработке нефти в районе Аллероя. С 1999 года сведений о его местонахождении не поступало. По настоящее время он находится в розыске.

Возможно ли было предотвратить такое развитие событий? Ответ очевиден. Безразличное отношение сослуживцев, на глазах которых созревали преступные планы, послужило той благодатной почвой, на которой возросло семя преступления, принеся свои плоды.

Екатерина ПОСТНИКОВА

МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ: СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

На рубеже веков

Проведение прогрессивных реформ 60-70-х годов XIX века привело к ускорению социально-экономического развития, оживлению общественно-политической жизни страны. Но эти реформы не затронули форму правления. Россия оставалась абсолютной монархией. Это рассматривалось определенными политическими силами в обществе как препятствие для дальнейшего развития страны. Требования ограничения самодержавия приобретали все большую популярность среди либеральной интеллигенции, радикально настроенной молодежи. Возникшая революционная организация "Народная воля" от агитации перешла к применению террора против представителей власти. 3-е Отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии как орган политической полиции и общая полиция Министерства внутренних дел оказались не в состоянии предотвратить террористические акты, ликвидировать антиправительственные организации.

Взрыв в Зимнем дворце в феврале 1880 года поставил перед властью проблему реорганизации системы управления полицейскими учреждениями. Для выработки мер по "прекращению покушений на государственный и общественный строй" и подготовки реформы полицейских органов 12 февраля 1880 года была учреждена "Верховная распорядительная комиссия по охранению государственного строя и общественного порядка". Ее председателем был назначен М.Т.Лорис-Меликов. Все должностные лица империи были обязаны выполнять его распоряжения, которые мог отменить только император.

Проанализировав эффективность деятельности Третьего отделения, а также общей полиции, М.Т.Лорис-Меликов подготовил проект реорганизации системы управления полицейскими учреждениями. Суть его состояла в том, чтобы ликвидировать Третье отделение и сосредоточить управление общей и политической полицией в одном учреждении — МВД. Немаловажным было и то,

что в ведении МВД находился контроль за органами местного самоуправления — городскими думами и земскими учреждениями. Обосновывая свое предложение, М.Т.Лорис-Меликов писал императору: "Предлагаемое мною изменение, сосредоточивая в лице министра внутренних дел заведывание всей полицией в государстве, как общою, так и политической, земскими и городскими делами и печатью, предоставит ему возможность, при дружной и благожелательной поддержке со стороны представителей других ведомств, создать твердую власть".

6 августа 1880 года было объявлено о роспуске Верховной распорядительной комиссии и о производстве дел "в общеустановленном законе порядке, с некоторым расширением круга ведения МВД". Эта реорганизация сделала МВД важнейшим звеном государственного механизма. Министр внутренних дел, сосредоточивший в своих руках руководство общей и политической полицией, а также многими отраслями внутреннего управления, стал своеобразным первым министром империи.

Компетенция и деятельность министра распространялись на полицию безопасности и полицию благосостояния. Под первой понималась борьба с преступнос-

тью и охрана правопорядка, под второй — внутреннее управление почти всей жизнью государства. Министр, среди прочего, разрешал созыв земских собраний и утверждал их постановления, а также постановления городских Дум, выдавал разрешения на открытие периодических изданий и прекращал их выпуск, утверждал постановления дворянских собраний, разрешал переход из одного вероисповедания в другое, руководил санитарными мероприятиями, утверждал комитеты для строительства казенных зданий, назначал и увольнял земских исправников и устанавливал размеры некоторых сборов. В сфере полиции безопасности на министра было возложено высшее руководство всей полицией империи.

Роль министра внутренних дел возросла после издания 14 августа 1881 года Положения “О мерах к охранению государственной безопасности и общественного спокойствия”. Согласно ему министр мог ставить вопрос в Комитете министров о введении в любой части страны состояния усиленной или чрезвычайной охраны, при которых значительно расширились права местных административно-полицейских органов. Положение от 14 августа 1881 года было объявлено временным — сроком на три года, но руководство МВД регулярно ходатайствовало о его продлении, и оно просуществовало до Февральской революции 1917 года. Положение от 14 августа вводило орган внесудебной, административной расправы — Особое совещание. Оно образовывалось при министре внутренних дел и состояло из двух высших чинов МВД и Министерства юстиции.

Особая роль министра внутренних дел в государственном механизме определялась и тем, что он имел большое влияние при назначении глав местного управления — губернаторов и генерал-губернаторов. Имея в своем подчинении губернаторов, министр внутренних дел был хорошо осведомлен о деятельности других ведомств и о положении во всей стране. Так, в 1883 году министр

внутренних дел Д.А.Толстой обязал губернаторов еженедельно представлять ему сводки о положении в губернии.

В 1879 году для управления учреждениями, исполняющими наказания в виде лишения свободы, в МВД было создано Главное тюремное управление.

В конце XIX — начале XX века в центральный аппарат министерства входило 21 учреждение. Это были: совет министра; главное управление почт и телеграфов; главное управление по делам печати; департамент полиции; хозяйственный департамент; департамент духовных дел иностранных исповеданий; медицинский департамент; департамент общих дел министерства; земский отдел; переселенческое управление; управление по делам о воинской повинности; ветеринарное управление; канцелярия министра; канцелярия министра по делам дворянства; медицинский совет; статистический совет; центральный статистический кабинет; технико-строительный комитет; ветеринарный комитет; инспекция по дорожной части; управление отдельным корпусом жандармов.

Важнейшим структурным подразделением МВД был департамент полиции, образованный в 1883 году из департамента государственной полиции. В 1882 году была введена должность заместителя министра — “заведующего департаментом полиции и командира отдельного корпуса жандармов”.

В департаменте полиции создавались специальные структурные подразделения — так называемые “делопроизводства”. В 1883 году в департаменте полиции их было пять.

Первое, называвшееся распорядительным делопроизводством, ведало кадровыми вопросами полиции страны. Второе — законодательное делопроизводство — занималось организационно-штатными проблемами деятельности полиции. Третье делопроизводство занималось “особой пеприской директором департамента”; контролировало выдачу заграничных паспортов, надзор за

политическими ссыльными и заключенными, давало справки о благонадежности лицам, желавшим поступить на государственную службу, открыть частное учебное заведение или издавать газету, журнал. Контролировало оно и розыск преступников. Четвертое делопроизводство обеспечивало деятельность Особого совещания при министре внутренних дел. Пятое, исполнительное, делопроизводство контролировало приведение в исполнение состоявшихся решений по делам о государственных преступлениях. В нем находился список политически неблагонадежных лиц и всех “обративших на себя внимание правительства”.

Количество делопроизводств департамента полиции постоянно росло. В 1894 году, после введения монополии государства на производство спиртных напитков, в департаменте полиции было создано новое делопроизводство для контроля за ее осуществлением. Оно также следило за соблюдением фабричного законодательства, законодательства о евреях и за производством и хранением взрывчатых веществ.

Для руководства заграничной и внутренней агентурой, обобщения результатов перлюстрации писем в 1898 году был создан особый отдел департамента полиции. После того как в октябре 1905 года была легализована деятельность политических партий и их число значительно увеличилось, особый отдел департамента полиции был разделен на два отдела. Первый занимался сбором информации о деятельности политических партий, а второй — об общественных организациях. Была также создана специальная агентурная часть. В июле 1908 года вышел Закон “Об организации сыскной части”, предусматривавший создание в местных полицейских управлениях сыскных отделений.

Первая российская революция, Манифест 17 октября 1905 года, объявлявший политические права и свободы, учреждение законодательной Государственной Думы не могли не вызвать изменений в государственном аппара-

те, в частности в МВД. Осенью 1905 года в нем было создано Особое делопроизводство по выборам в Государственную Думу и Государственный совет.

Отмена предварительной цензуры, провозглашение свободы печати привело к появлению множества газет и журналов, в которых подвергалась критике деятельность государственных учреждений, особенно МВД. В сентябре 1906 года по решению министра внутренних дел П.А.Столыпина при главном управлении по делам печати МВД было создано осведомительное бюро. Оно должно было передавать в средства массовой информации официальные сообщения, комментировать меры, принимаемые правительством, составлять обзоры публикаций центральных, местных и зарубежных газет для министра внутренних дел и руководителей ведомств.

В 1906 году по инициативе П.А.Столыпина в МВД стала готовиться реформа полиции. Столыпин понимал, что принятие в 1906 году "Основных государственных законов", ставших своеобразной российской конституцией, образование, по существу, двухпалатного парламента в виде Государственной Думы и Государственного совета меняло условия организации и деятельности полиции, вызывало необходимость ее реформирования. Министр внутренних дел определил основные положения будущей реформы полиции и в конце 1906 года создал комиссию для ее разработки под руководством своего заместителя А.А.Макарова. Задачи предстоящей реформы заключались в том, чтобы провести реорганизацию системы управления полицией. Для этого предполагалось на местах ввести должность заместителя губернатора — градоначальника по полицейской части, который руководил бы всей полицией в губернии, в крупных городах.

Намечалось освободить полицию от выполнения функций, не связанных с борьбой с преступностью и охраной общественного порядка, и оградить от вмешательства в ее деятельность раз-

личных учреждений и ведомств. Готовился к изданию полицейский устав, в котором намечалось четко определить все права и обязанности полиции, порядок и условия службы ее сотрудников. Правительство ставило задачи "улучшить материальный быт полицейских чинов в связи с необходимостью увеличения штата и поднятия образовательного ценза полицейских". Жалованье сотрудникам полиции планировалось увеличить в среднем в три раза. За каждые пять лет службы в одной должности предусматривалось введение 10-процентной добавки к жалованью.

Изыскивались меры для того, чтобы повысить "уровень доверия общества к полиции", поднять престиж полицейской службы. Намечалось создание сети специальных учебных заведений для подготовки полицейских, окончание которых должно было стать одним из условий продвижения по службе. Планировали ввести относительно высокий образовательный ценз для желающих поступить на службу в полицию. Ставился вопрос о полицейской этике, об учреждении в полиции судов чести, создания полицейских клубов. Повышение уровня образования, формирование новых морально-этических принципов деятельности полиции, по мнению П.А.Столыпина, были особенно важны в условиях перехода страны от неограниченной к конституционной монархии, когда еще не сложилась соответствующая политическая культура, "не выработаны определенные правовые нормы и поэтому центр тяжести, центр власти лежит не в установлениях, а в людях".

Комиссия А.А.Макарова работала 10 лет — с 1906 по 1916 год, но деятельность ее была почти безрезультатной. Причиной этого было ослабление "реформаторского импульса" правительства, особенно после гибели П.А.Столыпина, "торможение" проекта полицейской реформы в Государственной Думе, незаинтересованность в ней представителей местной администрации, а также позиция определенных кругов обществственности, считавших, что

полицейской реформе должно предшествовать принятие законов, "гарантирующих права и свободы личности". Непреодолимым оказался вопрос об увеличении в три раза расходов на полицию, так как предполагалось, что увеличение жалованья полицейским приведет к необходимости повысить денежное содержание другим государственным служащим. Доводы о том, что "полицейская деятельность... наиболее тягостная из всех государственных служб, а по опасности для полицейских чинов мало чем уступает военной службе", не были приняты во внимание.

В годы Первой мировой войны важнейшей задачей МВД, помимо охраны общественного порядка и борьбы с преступностью, становится участие в решении продовольственного вопроса. Нехватка продуктов питания во многом вызывалась организационной неразберихой, проблемами транспорта, спекуляцией. В 1916 году создается Особое совещание по продовольствию. В крупных городах уполномоченными представителями Особого совещания назначаются полицмейстеры и частные приставы. В 1916 году министр внутренних дел А.Н.Хвостов создает "Общество по борьбе с дороговизной", действовавшее при поддержке МВД. Но главной проблемой для МВД с 1916 года была проблема кадрового комплектования полиции. Война, рост цен, падение жизненного уровня приводили к тому, что руководство министерства приходило к выводу, что если не будут приняты срочные меры, то "полиция просто разбежится". В конце октября 1916 года, благодаря усилиям Министерства внутренних дел, Совет министров принимает постановление "Об усилении полиции в 50 губерниях России и об улучшении служебного и материального положения полицейских чиновников".

Но правительство и МВД не успели реализовать это постановление. Приближалась Февральская революция...

Александр БОРИСОВ,
кандидат юридических наук

Генерал армии Анатолий КУЛИКОВ

ТЯЖЕЛЫЕ ЗВЕЗДЫ

Отрывки из книги

***

Я родился 4 сентября 1946 года. Для кого-то это просто некое число в календаре, имеющее значение разве что для меня самого и моих близких. Но для людей того времени и факт моего появления на свет, и дата, и счастливое лицо моей матери имели особый смысл: это отец вернулся с войны!..

Когда много лет спустя, отчасти в шутку, а отчасти всерьез, я возьмусь за эскиз нашего фамильного герба, который бы мог отразить историю и дух моей большой семьи, первым я нарисую силуэт вздыбленной лошади. Это символ наших крестьянских корней. Символ энергии, которой всегда хватало и на тягловую, изо всех сил работу, и на тягу к свободе, и на движение вперед — постоянное, ровное, сильное. Очертания крепости лишь подчеркивают не только прочность нашего дома, но и потребность всегда в него возвращаться — хоть с победами, хоть с бедой.

Стоило прожить жизнь, чтобы понять, какова она, детская память. Тот дом, с которым связаны мои первые впечатления, — саманный дом с мазанными из той же глины полами — казался мне большим и высоким. Но ровно шесть шагов в длину и шесть в ширину было в нем, когда закончилась моя юность.

Конечно, создавался этот герб не из тщеславия. Я далек от желания романтизировать или героизировать историю своего рода или приписывать ему несущест-

вующие титулы и регалии. Знание своих корней всегда идет на пользу человеку. Понимаешь, что в череде сменяющих друг друга поколений тебе самому отведена лишь мимолетная роль.

Вот уже полтора века мы — ставропольские крестьяне. Можно уверенно говорить о том, что мои предки появились в этих местах после 1861 года, когда было отменено крепостное право, а тысячи крестьян Полтавской, Черниговской и Воронежской губерний после обретения свободы были расселены на пустующих степных землях южной России.

Все мужчины в нашей семье, помимо крестьянских забот, знали и солдатский труд. Мой дед по отцу, Павел Андреевич Куликов, участвовал в русско-японской войне и умер от ран в пятигорском госпитале в 1915 году. Мой дедушка по матери, Гаврила Никитич Супрунов, служил в старой русской армии, в лейб-гвардии Семеновском полку. Был военным музыкантом: играл на кларнете.

Когда его провожали на службу, в соседском дворе только-только училась ходить маленькая девочка. Все шутили: "Гаврила, гляди — твоя будущая жена... Подрастет, пока ты будешь служить в армии". Через 16 лет, когда он вернулся из Санкт-Петербурга, за изгородью шла по двору красивая молодая девушка. "Кто такая?" — спросил он удивленно. "Так это же Секлета, — засмеялись все вокруг, — твоя невеста! Ты что, забыл?.."

На самом деле вышло так, что они поженились. Эта Секлета и стала моей бабушкой. О ней мало кто помнит. Пожила она, к сожалению, не долго, но успела родить троих детей — Дмитрия, Марию — мою маму — и Георгия. Этот Георгий, которого все звали Егором, тоже получился отменным музыкантом. На пару со своим отцом, моим дедом, они играли — один на кларнете, другой на баяне — на всех деревенских праздниках.

***

Мой отец, Сергей Павлович Куликов, всю Великую Отечественную войну прошел рядовым солдатом на противотанковой артиллерийской батарее. Закончил ее в 1945 году, в Берлине.

Его судьба — это судьба сильного, терпеливого и доброго человека.

Оставшись без отца десятилетним мальчиком, он с детства был вынужден зарабатывать на жизнь собственными руками. Довольно рано — девятнадцати лет — женился на моей маме. В конце двадцатых или начале тридцатых годов окончил водительские курсы в станции Григорополисской и подался в Калмыкию, в батраки. Уже была семья: один за другим родились четверо сыновей — Тимофей, Федор, Мефодий, Василий. Мефодий умер еще в детстве, но тем не менее это была большая семья, которую нужно было кормить и одевать.

Кулаков в нашей семье не было. Скорее, по классификации тех лет, могли они считаться середняками. Обобранные в гражданскую войну и красными, и белыми — мой дед Гаврила Никитич недобрым словом поминал какой-то “Жлобин отряд”, — родители отца и мамы отдали в колхоз и лошадей, и сельхозинвентарь. Скоро выяснилось, что колхоз не в состоянии прокормить даже работающих в нем людей. Отец не стал ссориться с местными активистами, а рассудил так: в руках есть надежное шоферское ремесло, значит, будет и заработок. В Калмыкии был спрос на водителей, а наемная, хоть и батрацкая, работа могла обеспечить семью и другим родственникам хоть какое-то существование.

Приезжая на побывку, отец привозил продукты, зерно, материю, из которой шили одежду. Можно себе представить, насколько скромными были эти гостины, но даже они могли кому-то показаться богатством.

Больше всего сельских активистов раздражала независимость отца. Его вера в собственные силы. Хотя сам он никогда не позволял себе какой-либо конфронтации с властью, обид или открытого неповиновения.

Трудно сказать, что стало причиной доноса — зависть либо ненависть, но отца вскоре арестовали и в 1936 году судили по политической статье: “за подрыв кооперативного движения”. Обвинения были надуманными, но их хватило на очень суровый приговор: восемь лет лагерей с конфискацией имущества.

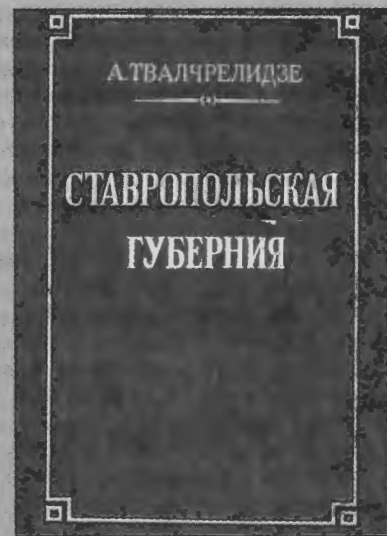
Из дома вынесли все, что представляло хоть какую-то ценность. Забрали даже тетради и карандаши моего старшего брата Федора, который в тот год только пошел в первый класс. Изъяли даже пустые конверты для писем. И в этом тоже ощущалась некая предопределенность родительских судеб: долгих восемь лет моя мама, оставшаяся с тремя детьми на руках (два подростка да Василий — грудной младенец), не получает никаких известий о своем муже.

Конечно, бедствовали. Конечно, страдали безмерно.

Сначала отца послали на строительство шоссе, соединяющего Москву с Минском. Следующий лагерь, в который его этапировали, находился уже в Азербайджане — в Нахичеванской АССР, где в то время строилась ветка железной дороги, идущая по советской территории вдоль границ с Турцией и Ираном.

Отец мало рассказывал о тех временах. Возможно, просто зачеркнул для себя эту часть жизни, либо боялся расправы за откровенность. Большинство людей, репрессированных в те годы, при освобождении давали подписку о неразглашении обстоятельств дела и условий содержания под стражей. И десятилетия спустя они крепко держали язык за зубами.

Знаю, что в заключении он работал водителем. Крутил баранку и ждал, когда окончится его лагерный срок.

Он завершился чуть раньше — в 1941 году. Завершился потому, что началась Великая Отечественная война.

В какой-то степени можно назвать везением новый поворот отцовской судьбы. Он не попал в штрафную роту. Как шофер, в 1941 году он был срочно амнистирован в связи с нехваткой военных водителей и сразу же, за лагерными воротами, мобилизован в действующую армию. Его боевой путь известен. Противотанковая артиллерийская батарея, особенно когда она выставлена на прямую наводку для отражения танковой атаки, — это место для очень крепких духом людей. Там тоже, как и в пехоте, никто не живет за чужой счет...

Повторяя судьбу миллионов наших соотечественников, которых опалила беда несправедливого ареста, а потом и войны, отец сражался с трудностями и врагами честно. Судимость с него сняли после второго ранения.

В 1943 году отец по своим военным делам ненадолго оказался в Астрахани, в тыловых ремонтных мастерских. Пока чинили, я не знаю, пушки или автомобили его батареи, какой-то сердобольный офицер, зная, что рядовой Сергей Павлович Куликов не был дома 8 лет и ничего не знает о судьбе своих близких (ведь Ставропольский край был только что освобожден от оккупации), разрешил ему отлучиться на несколько суток. Дорога от Астрахани до дома — триста с небольшим километров — по фронтовым меркам казалась недолгой.

Суток трое отец на перекладных добирался до родного села. Потерял в пути много времени. Сразу пошел к дому своего тестя, откуда забрали его в 36-м и где жила мама с моими старшими братьями.

Постучался в калитку. Мама ответила: "Кто там?"

Отец не узнал ее голос. Подумал, может быть, какие-то чужие люди живут в родном доме: ведь страшная война прокатилась по этим местам. Но идти все равно было некуда. День клонился к вечеру. Поэтому из-за калитки попросил: "Тетка, пусти меня переночевать. Мне негде остановиться".

Мама так же из-за калитки ему отвечает: "Я вас пу-

стить не могу. Нам запрещено. Идите к председателю". Ясно, что время лихое. Мало ли кто ходит по дорогам. Поэтому сельские власти запретили пускать посторонних людей на постой.

Но отец — знает же, где щеколда — уже калитку открывает, входит во двор. А мама с Васей, братом моим, на крыльчке лежат: жаркое было лето. И надо же — не узнала она мужа. Видно, крепко изменили его облик и тюрьма, и война. Говорит: "Вы тут побудьте, пока я вам в пристройке постель приготовлю..."

Только отошла, отец наклонился и говорит: "Вася, сынок!" В последний раз его видел, когда тот был совсем маленький, а тут уже — восьмилетний мальчишка.

Мама, когда услышала, закричала: "Ой, Боже мой, Сережа!..."

Отец ее успокаивает: "Тише! Тише!..." А мама моя, она ведь только и знает, что он был арестован и осужден, но не ведает, что случилось дальше: восемь лет не было писем, вдобавок их самих только что освободили из-под оккупации. И вот говорит отец: "Тише!" А она испугалась. Спрашивает его: "А шо, ты сбиг?" Он засмеялся, сказал: "Да нет, я не сбежал. У меня сutki остались, мне нужно назад в часть возвращаться..."

И вот мать ему тогда рассказала, как они жили все это время без него, как было трудно.

Тот человек, что написал донос на отца в 36-м, и в оккупацию продолжал издеваться над его семьей. Мать с детьми за двадцать с лишним километров приносили с озера Маныч соль. Выпаривали из воды, сгребали, везли на тачке — как-то надо было жить... И вот этот человек их караулил, забирал соль и переворачивал тачку. Даже гитлеровцы так не издевались, как этот гад.

Отец потом этого человека встретил и, так скажем, крепко его потряс. Дал понять, что не простит ему ни доносов, ни издевательств, ни сотрудничества с оккупантами. В то время все это воспринималось куда острее. Наверное, отец за себя не ручался. Боялся, что рано или поздно просто убьет подлеца, если встретит его на улице.

Поэтому сразу после войны, когда отец окончательно

но вернулся домой, вся семья Куликовых перебралась в расположенный неподалеку поселок Айгурский. Там я и родился.

***

Я рано сел за руль автомобиля. Еще тогда, когда мои ноги не доставали до педалей. Конечно, отец выжимал сцепление, газовал и переключал скорости, но по ровной степной дороге я вел грузовик самостоятельно. Позднее, лет в одиннадцать-двенадцать, мог управиться с полторкой и без его помощи.

Течение времени можно было измерять периодами, когда у отца, совхозного шофера, появлялась новая рабочая машина. Сначала это была полторка, потом — ГАЗ-51, ЗИС-150, УРАЛ-ЗИС. На фронте отец водил разные машины: лендлизские “Студебеккеры”, “Форды” и советский ЗИС-5. Вот этот — “зисовский” — грузовик он считал лучшей машиной Великой Отечественной войны.

Одной из самых замечательных черт отцовского характера являлось его сострадание к любому бездомному, безпризорному человеку, какой только мог встретиться на его пути. В то время было много солдат, которые, вернувшись на родину после победы, не находили ни дома, ни близких. Бывало, что село разрушено, кто-то из родных погиб, а кого-то разметало по стране... Те, кому не на что и не на кого было надеяться, просто разворачивались на пепелище и брели куда глаза глядят.

Отец, устроившись на работу шофером, колесил на полторке по всему Северному Кавказу и часто встречал таких вот неприкаянных людей. Одним легко одалживал деньги: “Когда-нибудь завезешь...”, других уговаривал ехать с собой, чтобы те могли устроиться, ожить душой на новом месте. Сколько помню, всегда в нашем доме было многолюдно. Иногда по пять-шесть человек одновременно жили у нас месяцами, пока определялись на работу в совхоз или строили временное жилье. Мама, указывая на отца, иногда даже шутила на украинском языке: “Дэ у чорта ни визьмэ, всэ до дому тягнэ...” Но никогда не высказывала недовольства. На-

верное, понимала, что в тюрьме или на войне кто-то также помогал ее мужу в трудную минуту.

Человек он был работающий и очень известный в округе. Во время уборки урожая вывозил от комбайна на элеватор по 90-100 тонн зерна. Далеко не каждому это было по силам. “Теперь так не работают”, — сказал мне однажды шофер Иван Соболев, который в те годы работал в комсомольско-молодежной бригаде, которую возглавлял, на правах старшего и опытного товарища, мой шестидесятилетний отец.

Крестьянский труд — тяжелый, надрывный. Но ни роптания, ни резкого слова не слышали мы от отца даже тогда, когда, вернувшись из дальнего рейса, он получал новое задание. Приходил человек из конторы и сообщал: “Сергей Павлович, надо ехать!..” Мать собирала котомку с продуктами, и отец молча уходил. Помню буранные, студеные зимы пятидесятих годов, когда начали вымерзать совхозные отары. Отец пропадал на работе неделями: возил корма через снежные заносы.

Вот эта отцовская безотказность казалась мне совершенно нормальной. Каждый из нас, мальчишек, очень быстро привыкал к тому, что страда — это время крестьянской отваги. От того, как ты вел себя во время сева и уборки, зависела репутация не только сельского работника, но и сельского подростка.

Освоившись за рулем отцовской машины, в пятнадцать-шестнадцать лет я уже возил зерно от комбайна на ток. Вся сложность состояла в том, чтобы уровнять скорости машины и комбайна во время выгрузки зерна на ходу. Позднее мне могли поручить и более сложную работу — например, выгрузку силоса. Тут надо было довольно энергично действовать рычагами и педалями, чтобы тяжелую машину не потащило в силосную яму.

Я понимал, как тяжело приходится отцу. Ведь в страду работают и день и ночь. Говорил: “Папа, ты вздремни пару часов, а я поработаю...” Отец уступал мне место за рулем, но спал, что называется, вполглаза, и то в кабине. Только позднее, убедившись, что я работаю уверенно, шел отдыхать уже на полевой стан.

Бывало, вместо отца я развозил грузы по фермам,

и даже коробки с кинофильмами по сельским клубам. Водительский навык и технические знания были настолько прочными, что буквально через год, когда я поступил в военное училище, меня просто-напросто отстранили от занятий по вождению. Преподаватель сказал, что ездить я и так умею и он не хочет тратить на меня золотое учебное время. Дескать, пусть учатся рулить те курсанты, которые вообще не имеют навыков. А водительские права мне выдали уже после первого курса.

***

После окончания школы твердо решил поступать в военное училище. Честно говоря, все равно в какое, лишь бы стать офицером. Тут как знак свыше. Сказали бы: "Будешь летчиком! Будешь танкистом!", немедленно бы согласился. И что удивительно, скорей всего преуспел бы в этих военных профессиях. Во всяком случае, выучился бы не хуже других.

Военная служба была написана мне на роду. Однако призывнику, собирающемуся стать курсантом, как-то несерьезно путаться в таком важном деле, как выбор военного училища.

Отправился в райцентр, в село Дивное, чтобы посоветоваться в военкомате со знающими людьми.

Офицер положил передо мной листок бумаги: "На, выбирай!.." Это была разнарядка — список военно-учебных заведений, где были готовы принять абитуриентов из Ставрополя. Впервые понял: и тут существует армейский порядок.

Взгляд как-то сразу зацепился за строку — "Орджоникидзевское училище МООП РСФСР имени С.М. Кирова".

Что означала загадочная аббревиатура "МООП", я не знал, но отнесся к этим буквам с доверием. Если знают такое учебное заведение в военкомате, значит, оно как-то связано с армией, с военной службой. Написано же: офицер мотострелковых войск, срок обучения — три года, после окончания присваивается звание "лейтенант". Есть и гражданский диплом — "юрист средней квалификации".

Это меня сразило окончательно: еще и юрист... Большого просто нельзя было пожелать. Тем более что экзамены — сочинение, русский язык и литература, история — не представляли для меня никакого труда.

Майор из военкомата тоже не знал, как расшифровываются буквы "МООП", но мы решили, что я разберусь в этом сам, когда поеду поступать.

Я прошел медкомиссию и был признан годным для учебы на офицера. Все необходимые документы были отосланы. Однако шло время, а вызова из училища по-прежнему не было. Многие из моих сверстников уже успели съездить в свои вузы и провалиться на экзаменах, а я каждый день встречал сельского почтальона. Как потом оказалось, экзамены в этом училище принимали по особому расписанию. В августе поступали военнослужащие — солдаты из армии, и только в сентябре — гражданская молодежь.

Но я об этом не знал и очень волновался.

Отец был в рейсе. Посоветовался с мамой: "Наверное, я поеду... Про меня там, наверное, забыли..." Мама (она вообще была неграмотная, нигде никогда не училась, в отличие от отца, окончившего четыре класса церковно-приходской школы) только вздохнула: "Сынок, как считаешь нужным, так и поступай. Школу ты закончил. Мы с отцом тебя вырастили. Если поедешь, вот тебе пятьдесят рублей на дорогу..."

Надо сказать, что эта сумма по тем временам была немалая: на оставшиеся деньги я купил первые в своей жизни часы.

Город Орджоникидзе (сейчас — Владикавказ) — это столица Северной Осетии. Кажется, через двое суток был уже там. Разузнал дорогу и сел на трамвай. Заметил, что вместе со мной подъехали к воротам училища ребята в солдатской форме. Это были военнослужащие, поступавшие в августе, в то время как я должен был приехать только через месяц.

Но в учебном отделе ко мне отнеслись в общем-то неплохо: "Вызов тебе пошел, — сказали мне. — С формальной точки зрения ты — законный абитуриент. Ну а если приехал раньше, будешь сдавать экзамены вместе с солдатской группой".

Заодно выяснил, что Орджоникидзевское училище

готовит офицеров для внутренних войск, а непонятные буквы "МООП" означали его ведомственную принадлежность к Министерству охраны общественного порядка РСФСР.

Пошел сдавать. Солдатская группа приняла меня хорошо. Особенно когда выяснилось, что у меня в чемодане лежит внушительная кипа шпаргалок, которыми меня вооружили знакомые ребята в Ставропольском педагогическом институте. Это были сочинения по литературе. Мне они были не нужны — наша учительница Евдокия Иосифовна Палагота сумела дать нам хорошие знания, и я до сих пор помню наизусть огромные цитаты из Толстого, Гоголя и Тургенева, — но солдатам, которые за несколько лет службы не прикасались к школьным учебникам, мои шпаргалки пришлось весьма кстати.

После успешной сдачи экзаменов меня зачислили в училище. Когда начали подъезжать мои сверстники, я уже ходил в курсантской форме. Откуда они могли знать, что я такой же бывший школьник, как и они? Что мне нет еще и семнадцати лет? Первые дни меня побаивались. Особенно когда назначили дежурным по батальону на приемных курсах. По ночам эти гражданские ребята готовились к экзаменам и немного шумели. Но когда я заходил в казарму, слышал, как впереди меня бежала волна тревожного шепота: "Тихо, тихо, идет дежурный!.."

Когда экзамены закончились, я попал в курсантский батальон (поначалу он назывался дивизионом), которым командовал подполковник Федор Степанович Измайлов. Умный, тактичный, волевой офицер, он пользовался среди нас непререкаемым авторитетом. И сегодня могу сказать — это без всяких скидок выдающийся воспитатель. В училище и на первых порах в войсках все выпускники Измайлова буквально копировали его педагогические приемы и его строгие командирские интонации. И не стеснялись в этом признаться.

Много лет спустя мы попробовали подсчитать, сколько же генералов воспитал Федор Степанович, только будучи комбатом. Получилось, что около соро-

ка. Только в нашем батальоне до генеральских звезд дослужились, если я не ошибаюсь, девять человек.

Некоторые мои однокашники по Орджоникидзевскому училищу внутренних войск станут действующими лицами этой книги. И это не случайно. Нам всем выпало жить в непростое время. У нас схожие судьбы. С полковником Анатолием Бобровником (позднее ему будет присвоено воинское звание "генерал-майор") мы станем участниками ликвидации последствий аварии на Чернобыльской атомной электростанции. С Хачимом Шогеновым встретимся во время драматических событий в Кабардино-Балкарии. Комендантом Белого дома осенью 1993 года мной будет назначен генерал Аркадий Баскаев, а комендантом Чеченской республики станет в 1996 году генерал Владимир Дмитриев. Заслуженную славу отважного боевого генерала приобретет в Ингушетии, в Северной Осетии и в Чечне Игорь Рубцов. На генерала Анатолия Пониделко, ставшего начальником Главного управления внутренних дел Санкт-Петербурга и Ленинградской области, я, будучи министром внутренних дел России, буду опираться во время проведения важнейшей операции против коррупционеров в милиции, которую мы назвали "Чистые руки".

Но общий подсчет выученных Измайловым генералов пока невозможен, так как до 1982 года Федор Степанович служил заместителем начальника училища и возглавлял учебный отдел. Многие его воспитанники до генеральских высот еще просто не доросли. Но я уверен, что тысячи офицеров, которые окончили прославленное Владикавказское училище, еще не раз вспомнят Федора Степановича добрым словом. И когда придет пора по старой русской традиции опускать в стакан с водкой новые офицерские звездочки и боевые ордена. И когда нам, в свою очередь, придется передавать знания новым курсантам и офицерам. На таких офицерах, как полковник Измайлов, держатся внутренние войска МВД России.

Курсантский батальон Измайлова отличался дружной, взаимовыручкой и хорошими оценками по всем предметам. Мы забирали все первые места по учили-

щу на спортивных соревнованиях, на соревнованиях по строевой подготовке и даже в конкурсах художественной самодеятельности. Не могло идти речи о каких-то поблажках и слабостях.

Мне, например, пришлось пропустить первые зимние каникулы, чтобы исправить двойку по физической подготовке. На первых порах мне тяжело давался на перекладине подъем переворотом. Надо было сделать пять-семь раз. У меня хватало сил на один или два.

Двойка по физподготовке — это значит, что в военном училище делать нечего. Поэтому домой я не поехал, а все каникулы провел в спортзале. Начал бегать, записался в секцию штангистов. Уже к концу первого курса у меня не было никаких проблем. Позднее стал кандидатом в мастера спорта по стрельбе, имел спортивные разряды по борьбе, тяжелой атлетике и преодолению полосы препятствий.

Все остальные предметы тоже давались мне довольно легко.

Как-то в последний год учебы ко мне подошел курсовой офицер и предупредил: “Куликов, если все выпускные экзамены ты сдашь на “отлично”, у тебя выйдет диплом с отличием”. Я удивился, потому что никаких подсчетов не вел и не был зубрилой. Оказалось, что наши офицеры куда более внимательно, чем мы сами, следили за нашими успехами. К словам курсового офицера я отнесся очень серьезно.

Диплом с отличием много значил для молодого офицера. Во-первых, мне предоставлялась возможность по своему желанию выбрать место будущей службы. Во-вторых, он давал известные льготы при поступлении в Военную академию имени Фрунзе — я бы поступал туда “по малому кругу”. Две первые пятерки по профилирующим дисциплинам — тактике и боевой технике — освобождали меня от сдачи остальных экзаменов, у меня появлялась возможность сконцентрировать силы на тех экзаменах, которые считались профилирующими и решали исход моего будущего поступления в академию.

Конечно, можно было махнуть рукой на красный диплом. В принципе, мне было все равно, куда меня

распределят после училища. Я был готов служить хоть в песках, хоть в тундре — лишь бы служить офицером. Одно только это считал настоящим счастьем. Рассчитывать на учебу в Академии имени Фрунзе я мог только в перспективе, и то при условии, что смогу за это время стать командиром отдельного взвода. Когда это произойдет, я не знал. После училища мы становились командирами обычных взводов, и могли пройти годы, прежде чем случится первое повышение по службе.

Тем не менее все выпускные экзамены в училище я сдал на пятерки и получил диплом с отличием.

***

Перед началом службы мне полагался короткий отпуск. Поехал на родину. 4 сентября отметили в домашнем кругу мое двадцатилетие. Отец не скрывал радости, говорил: “Вот мой сын! Окончил училище с отличием! Едет служить в Москву!”

“Служба в Москве”, как понимали ее мы, офицеры внутренних войск, не означала службу в самой столице. Это мог быть любой город, село, рабочий поселок, входивший в зону ответственности московского соединения. Теперь оно называется более понятно: Московский округ внутренних войск МВД России. Говоря современным языком, я ехал служить в Московский округ ВВ, и мог в конце концов оказаться где угодно: в Курске, в Рыбинске или в Смоленске.

Руководящий службой кадров московского соединения подполковник Мальцев, от которого зависело наше распределение по частям (вместе со мной ехали лейтенанты Владимир Лукьянсков и Анатолий Марков), принял во внимание, что все мы были холостяками, а значит, не претендовали на квартиры. Хуже всего с жильем дело обстояло в Смоленске, поэтому мы поехали в смоленский полк. Здесь история повторилась: меня откомандировали в небольшой городок Рославль Смоленской области — командиром взвода в отдельно дислоцируемую роту.

(Продолжение следует)

“СТРЕСС ВОЙНЫ”

Под таким названием вышла книга известного ученого психолога, автора более 250 публикаций, проблемах стресса Леониды Югановича Смака. Новая работа Леонида Александровича имеет подзаголовок: “Фронтальные записки врача-психолога”. Но эта книга не просто о войне. Это непредвзятое исследование психики на разных этапах, оказавшихся по обе стороны линии фронта, — и российских солдат, и чеченских боевиков. “Так как у меня не было никаких предубеждений, разрешений, командировок, то я смог на войне быть только там, где стреляли: ни солдаты, ни боевики не спрашивают документов у человека, который вместе с ними может в любую минуту пролить кровь. Одинаковая возможность смерти уравнивает людей. Так изучал стресс войны, и с сожалением вижу, что мои “записки” из войны все еще нужны”, — пишет автор в предисловии к книге.

Мне лично довелось встретиться с Леонидом Александровичем в Чечне и могу заверить,

что материалы для своих исследований он собирал там, где действительно зарождается стресс. — в окопах под пулями, на блокпостах под прицелом снайперов, под броней на тающих смертельную опасность фронтовых дорогах.

Все, что удалось ему увидеть, насколько возможно, изучить в боевых условиях, обобщить, проанализировать и, главное, научно объяснить, делает книгу покаятельной для специалистов — военных психологов, поможет не быть убитым солдату и офицеру сейчас, на второй чеченской...

И еще одно достоинство есть у этой книги. По словам автора, одна ее треть написана для тех чеченцев, которые все еще не расстаются с оружием. “Я рассчитываю на то, что, если они ознакомятся хотя бы с этой частью книги, им труднее станет нажимать на спусковой крючок”, — признается Леонид Александрович.

Уверен, что книгу с одинако-

вым интересом прочтут и те, кому еще, может быть, предстоит побывать на войне, и те, кто уже вернулся оттуда, и те, кто с нетерпением ждет возвращения своих дорогих мужчин.

**Полковник
Василий ПАНЧЕНКОВ**

Новое историческое исследование

В преддверии 200-летия Министрства внутренних дел Российской Федерации в Санкт-Петербургском внешнем институте ВВ МВД РФ вышла в свет документальная книга “Внутренние войска: страницы истории”.

Авторы книги доктор исторических наук профессор В.П.Сидоренко и кандидат исторических наук доцент С.Г.Дыбенков на основе анализа предыдущих публикаций по этой теме, а также исследования новых документальных материалов принесли попытку систематизированного и последовательного

изложения основных этапов становления и развития внутренней и конвойной стражи Российской империи, внутренних войск МВД СССР и современной России.

Особую значимость работе придает то, что в ней подробно исследуются историко-правовые аспекты деятельности внутренних войск на различных этапах их существования. Публикация некоторых материалов позволила авторам впервые сделать достоянием гласности ряд фактов и событий, в силу различных причин ранее неизвестных ши-

рокой общественности либо оцениваемых в современной литературе противоречиво.

Солдаты, сержанты, прапорщики и офицеры войск, курсанты и профессорско-преподавательский состав военно-учебных заведений, а также все, кто интересуется историей и служебно-боевой деятельностью наших войск, смогут почерпнуть в книге для себя немало интересной и полезной информации.

**Майор Андрей КОРНЕЕВ,
майор Сергей КОРНЕЕВ**

Андрей Михайлович ДЫШЕВ родился в Вологодской области в 1960 году. Окончил факультет журналистики Львовского высшего военно-политического училища и Гуманитарную академию Вооруженных сил. В качестве военного корреспондента работал в Афганистане, Закавказье, Таджикистане. Награжден орденом Красной Звезды, медалями. Подполковник запаса. Член Союза писателей России, признанный мастер детективного жанра. Общий тираж его книг превысил полтора миллиона экземпляров.

МЕДНАЯ РОЗА

ПОВЕСТЬ

Он долго стоял у витрины, и я успела его рассмотреть. Сухощавый, стрижка почти под ноль, лицо загорелое, очень спокойное — казалось, этот парень никогда не суетится, не кричит, не выплескивает эмоции. Над правой бровью шрам.

Наконец он нашел, что искал, — кожаные перчатки без пальцев. Я спрашиваю: “Вам для велосипеда или для атлетики?” Он отвечает: “Для “калашника””.

Я не поняла его, дала первые попавшиеся. Он расплатился и ушел.

***

Глеб прикатил на новой машине. Какая-то накрученная модель BMW — с телевизором, бортовым компьютером, сиденья, как живые, под тебя подстраиваются, люк над головой, кондиционер. Глеб был очень гордый. Пока я магазин опечатывала и ставила на охрану, он ходил кругами возле машины — то так на нее посмотрит, то этак, ногой по колесу постукивает, какую-то невидимую пыль с капота смахнет.

Мы сели. И тут началось! Глеб надулся как индюк, стал такой важный, самовлюбленный. Мчится как угорелый, всем сигналист, на встречную выезжает. Какого-то несчастного “Запорожца”, который ему вовремя дорогу не уступил, так обматерил, что я от стыда чуть сквозь сиденье не провалилась. “Тридцать тысяч цена, — говорит. — Одна лампочка для фары двести баксов стоит”. За полчаса он мне все уши прожужжал, сколько что в этой машине стоит, какая она крутая и для каких важных персон предназначена. Я сидела молча и удивлялась: как транспортное средство может изменить человека! Да и машина-то не новая...

У метро “Рязанский проспект” я попросила его остановиться. Соврала, что должна в поликлинику зайти. Домой доехала на метро.

***

Фантастика! Смотрю телевизор, пью чай с пончиками. Показывают репортаж про наших ребят в Чечне. И вдруг узнаю того малого, который у меня перчатки покупал. Перед камерой позирует группа бравых парней в тельняшках, в черных платках, с автоматами наперевес. А он сидит в середине группы, какой-то малозаметный, в нелепой коричневой пижаме с белым воротничком, очень бледный. Корреспондент протягивает ему микрофон, и он говорит: “Передаю привет своей любимой девушке Катюше. Я скоро вернусь...” Я вскочила, кричу: “Мама! Иди сюда! Я этого парня в магазине видела!” Но пока мама пришла, уже про погоду началось.

Я долго еще была под впечатлением. “Вот, — говорю, — как мир тесен. Парень с войны вернулся, а я об этом даже не догадывалась. Если б знала, то повежливей бы с ним разговаривала”. Мама как-то странно взглянула на меня и спрашивает: “А с Глебом-то у тебя как? Он тебе предложение еще не сделал?” “Нет, — отвечаю. — У Глеба теперь другая подружка. BMW ее зовут. Иностранка”.

Мама чуть в обморок не хлопнулась. Пошла на кухню за валидолом.

***

Этот парень снова в магазин пришел! Кладет перчатки на прилавок. “Извините, — говорит, — малы оказались. У меня ладонь широкая”. “Сейчас поменяю, — отвечаю. — А я вас по телевизору видела”.

Он кивнул: “Запоздал репортаж. Я уже три дня как дома”.

Я поглядываю на него уже с любопытством. Нарочно долго ищю перчатки нужного размера. “Ну и как? — спрашиваю я. — Страшно там?” А он без всякой рисовки: “Страшно”. Представляю, как бы Глеб ответил на этот вопрос: “Да ты чё, подруга?! Мы там всех мочим налево-направо...” Впрочем, о чем это я? Сравнивать начинаю?

Он тоже не спешит уйти. Стоит, рассматривает мое лицо. “Что это вы на меня так странно смотрите?” — спрашиваю я. “Красивая, — отвечает он. — Я по красоте соскучился. Война — уродина. Как вспомнишь, так с души воротит”.

Мне что-то жалко его стало. Спрашиваю: “Как вас зовут?” — “Сергей... Сергей Рябцев. Сержант ОМОНа”.

***

Что со мной? По вечерам я не пропускаю ни одного репортажа из Чечни. Смотрю затаив дыхание. Мама в эти минуты закрывается на кухне. У нее от телевизора давление подскакивает. А мне интересно. Раньше я воспринимала эту войну, как песчаные бури на Марсе. А как познакомилась с Сергеем, так во мне что-то перевернулось. Внутренний голос бормочет: “Все это чепуха. Мимолетное увлечение. Тебя всегда привлекали экзотика и экстремальные виды спорта. Чечня — это что-то отдаленно похожее”. Я с этим голосом не спорю. Смотрю и все.

***

Погода ужасная, мокрый снег с дождем, порывистый ветер. У людей зонтики наизнанку выворачиваются. А у меня, как назло, ни зонтика, ни плаща. Выхожу из магазина, стою на крыльце и не знаю, что делать.

И тут вижу Сергея. Мы киваем друг другу, как старые знакомые. “Что? — спрашиваю я. — Опять перчатки малы?” Он смеется: “Нет. Просто тебя хотел увидеть”.

Мы идем под его зонтом к метро. Я пытаюсь разговорить Сергея на чеченскую тему, вытягиваю каждое слово клещами. “Зачем тебе это?” — спрашивает он. “Хочу понять, обманывает телевидение или нет”. Он подумал и отвечает: “Я ведь тебя тоже обману”. И тут вдруг у меня с языка срывается: “А любимую девушку Катю ты тоже обманываешь?”

Уже через мгновение я пожалела, что спросила его об этом. Он остановился, и я заметила, как заиграли его желваки. Порыв ветра поднял воротник на моей курточке, я отвернулась. Но все же успела заметить, какое выражение было на его лице. Grimаса боли, будто я ударила его по ране.

***

Глеб рассказывал, как он вчера ходил в казино, где проиграл полторы штуки баксов. Я слушала, слушала, а потом нечаянно зевнула. Его покорило. "Тебе что, не интересно со мной"? Я молчу, а он все допытывается: интересно или нет? Я разозлилась и как крикну: "Не интересно!" Он пожал плечами и пробормотал: "Ну, подруга! Я уж и не знаю, чем тебя еще развлечь".

***

Наверное, мама увидела из окна, как Сергей провожал меня до подъезда. "Оля, — говорит она, — кто этот молодой человек?" Я отвечаю: "Сергей Рябцев, сержант ОМОНа. Он недавно приехал из Чечни". Мама тотчас встала в свою любимую позу — руки в боки. "Замечательно! Просто замечательно! Потрясающе!" Я сыграла удивление: "А чего ты так волнуешься?" Мама отмахивается: "Конечно! Волноваться нет причины. Мало тебя судьба потрепала? Ты хочешь еще и молодой вдовой стать? А ты ему рассказала, что у тебя есть дочь?" Я затыкаю уши и громко пою. Мы расходимся в разные комнаты, весьма довольные друг другом. Через полчаса сидим в обнимку на диване и плачем.

***

Я умею слушать, и потому, наверное, все подруги любят поплакаться мне в жилетку. Серега тоже почувствовал во мне благодарного слушателя. Он рассказал мне, как зачищали Гудермес. Потом — про Сержень-Юрт. Потом — про площадь Минутку. Разволновался, глаза блестят. "Не повстречал бы я в своей жизни этих ребят, — говорит он, — никогда бы не знал, как был богат и как много потерял, когда они погибли... Обидно. Таких друзей можно встретить только на войне".

Я хотела возразить ему, но не нашла веских аргументов. Так молча сидела и смотрела на его руки.

***

Мы стоим с Сергеем у метро. Вдруг подходит рослый парень. "Серега! Здорово! Как хорошо, что я тебя встретил!" Они обнимаются. Сергей представляет мне парня: "Это Дима Новиков. Мы с ним в первую чеченскую войну Грозный брали".

Парень бережно пожимает мне руку: "Если не ошибаюсь, вы — Катя?" Я отвечаю: "Ошибаетесь. Я Оля". Парень язык прикусил, а Серега вмиг помрачнел. "Ну и ладно! — торопливо говорит Дима, стараясь смягчить неловкую ситуацию. — Какая разница — Катя, Оля?" "Действительно, — отвечаю я. — Никакой разницы... Да, Сережа?"

Я выжидательно смотрю на него, а он молчит как воды в рот набрал. Во мне вдруг все вскипело, я повернулась и пошла по улице. Он догоняет, берет под руку. "Отпусти!" — кричу я. А он спокойно: "Оля, нам надо объясниться". "А зачем? — митингую я. — Ты хочешь узнать, что я уже была замужем, что у меня трехлетняя дочь и больная мама? А я узнаю, что у тебя в каждом районе есть своя Катя или Оля, кото-

рым ты с упоением рассказываешь про свои подвиги, а потом передаешь им приветы с экрана телевизора?.."

Он вдруг сдвинул мне больно плечи и опустил руки... Я девушка не робкого десятка, тоже замахиваюсь, и тут вдруг между нами вырастает Дима: "Олюшка, давайте обойдемся без разборок. У Сереги весь живот исполосован, он только из госпиталя. Через пару месяцев сдачу дадите".

Я так и застыла с поднятой рукой.

***

"Куда ты меня везешь?" — спрашиваю я у Глеба. Он искоса смотрит на меня и загадочно улыбается. От него пахнет дорогим одеколоном, прическа — волосок к волоску. "Знаешь, где я стригся? — спрашивает он и называет фамилию известного стилиста. — Сто пятьдесят баксов отдал". "Круто", — оцениваю я. Он молчит и как-то странно поглядывает на меня. "Ты ничего не хочешь мне сказать?" — спрашивает. "Тебе идет эта стрижка", — отвечаю. "Я не о том". — "А о чем?" — "Твоя мама говорит, что ты снюхалась с каким-то солдатом. Это правда?"

Боже, сколько в его голосе было презрения!

"Правда, — подтверждаю я. — Снюхалась!"

Глеб усмехается. Это его забавляет. "Ты что, серьезно? А у него хватит денег покатать тебя на метро?"

Я хотела сказать Глебу что-нибудь дерзкое, но в душе вдруг стало пусто и тоскливо.

***

Тепло, как ранней осенью. Солнце нежное, словно ладошка ребенка. Закроешь глаза, и кажется, что ты где-то на берегу теплого моря и шумит прибой, восторженно пищат дети, пахнет свежестью.

Мы сидим на бульваре, пьем пиво. Сергей проводит ладонью по моей щеке. Я смеюсь и говорю, что его ладонь напоминает черствую горбушку. Он смущенно рассматривает свои мозоли и что-то бормочет про перчатки, которые купил у меня в магазине.

Вдруг у него в кармане пиликает мобильный. Серега прикладывает трубку к уху, лицо его становится напряженным. "А орденскую книжку забрал? — спрашивает он у кого-то. — Там печать есть, подпись стоит? Точно?.. Хорошо, через полчаса!"

Он смотрит на меня, кусает губы: "Нужна твоя помощь".

На перекрестке мы встречаемся с Димой, прыгаем в его машину и мчимся на другой конец Москвы. По дороге Дима поясняет: "Нашего сослуживца наградили орденом Мужества. Я получил его в наградном отделе, теперь надо вручить". Я спрашиваю: "А что ж ваш сослуживец сам за наградой не приехал?" Дима и Серега переглядываются. "У него ноги не работают", — отвечает Сергей.

Нам открывает взволнованная седая женщина. "Я не уверена, — произносит она, опуская глаза, — что вам удастся с ним поговорить".

Что означают ее слова, я понимаю через минуту. Едва Дима приоткрывает дверь комнаты, как оттуда доносится крик: "Пошли вон! Я никого не хочу видеть!"

У женщины на глазах слезы. Она оправдывается передо мной: "Ни с кем не хочет говорить. Первые дни пил сильно и плакал, а потом зачерствел, никому не верит, ничего не хочет. Боюсь, как бы он с собой чего-нибудь..."

У меня от волнения все холодеет в груди. Зачем я приехала?

"Леша! — через дверь говорит Серега. — Тебя орденом наградили".

"Выброси его в мусоропровод! — кричит из-за двери Леша. — Мне ноги нужны, а не ваш дурацкий орден!"

"Леша, — произносит Серега, — ребят, которые там полегли, тоже наградили. Одним указом с тобой". За дверью раздается ругань, сдавленный стон, что-то с грохотом падает на пол.

"Не входите — бормочет женщина. — Он может швырнуть бутылку".

"Психолога надо вызвать" — предлагает Дима. И тут вдруг меня потянуло на подвиги.

"Давай орден!" — говорю я Сереге и, прежде чем он опомнится, захожу в комнату.

Кровать. Стол. Большое окно без штор. Посреди комнаты в кресле-каталке сидит худой парень в тельняшке. Щеки его небриты, волосы взлохмачены.

"Здравствуй, — говорю я и чувствую, как у меня подкашиваются ноги. — Вот твой орден. Можно, я прикреплю его тебе?"

Леша раскрывает рот, чтобы послать меня по-дальше, но вдруг с облегчением выдыхает воздух и угрюмо спрашивает: "Ты кто?" Я отвечаю: "Продавщица отдела спортивных товаров". Наверное, у меня очень глупое выражение лица, но на Лешу оно действует благотворно. Я набираюсь храбрости, подхожу к нему, приседаю и начинаю дырять шпилькой тельняшку на его груди. Он сопит, терпит. "Как ты сюда пришла?" — "С Серегой и Димой, — отвечаю я. — Мы недавно познакомились".

Я отхожу на шаг, люблюсь орденом. "Вроде ровно... А у тебя есть что-нибудь выпить? Кажется, ордена принято обмывать".

Леша покрывается пурпурными пятнами. Он смотрит на меня то ли как на ископаемое, то ли как на икону. "Оля, — представляюсь я и протягиваю ему руку. — Очень рада познакомиться".

За моей спиной тихо скрипнула дверь. Нас уже четверо в комнате.

Я придирчиво оглядываю комнату. "Это плохо", — говорю я. Леша кивает на кровать и срывающимся от волнения голосом предлагает: "Можно сесть на кровать!" Я отрицательно качаю головой: "Да нет, я не о том. Плохо, что у вас тут нет гантелей". "Чего нет?!" — с какой-то скрытой агрессивностью переспрашивает Леша. Я мысленно вспомнила Бога и скороговоркой произнесла: "Я подберу вам комплект гантелей и эспандеров. И программу тренировок..."

Кто бы видел эти глаза! Как он на меня смотрел! А потом вдруг в нем что-то оттаяло. Он протянул руки и забормотал: "Оля... Серега... Димка..." Мы все четверо обнялись, и тут моя воля сломалась, а глаза превратились в Ниагарский водопад. Прижимаюсь

лбом к небритым Лешкиным щекам и реву...

***

Едва дождалась конца рабочего дня. Все время думала про Серегу. До сквера, где мы обычно встречаемся, бежала и едва не сломала каблук.

Уже издали увидела его. А рядом — вот это финт! — какая-то красотка в коротком кожаном плаще.

Подхожу. Сергей увидел меня, нахмурился. "Извини, — говорит он красотке. — Я должен идти".

А она оценивающе оглядела меня с головы до ног, вынула из сумочки сигареты, закурила. "А почему ты нас не познакомишь?" — спрашивает она у Сергея. А тот уже мрачнее тучи. "Оля, — представляет он меня, а потом кивает на девушку: — Катя". Я протягиваю руку, а девушка так ненавязчиво: "Оленька, можно с вами поговорить тет-а-тет?"

Мы отошли в сторону. Вижу — Катя расслабляется, становится сама собой. "Дура ты, — говорит. — Ты себе хочешь жизнь поломать?" Я пожимаю плечами: "Не понимаю, о чем ты". "Не понимаешь? — усмехается она. — Я тоже была такой же глупой. Впустила его себе в душу — и все! Жизнь кончилась! Все вокруг веселились, смеялись, чему-то радовались, а я сходила с ума, когда по телевизору говорили о потерях в Чечне. Я почтальона каждый день в подъезде встречала, и меня колотило, как лихорадочную. Я забыла, что такое спать спокойно. Я возненавидела людей, которые шли мне навстречу и улыбались. Я на рынок перестала ходить, чтобы не сорваться... Все, хватит! Кто-то умеет ждать, а я нет. Я слабая женщина, я не способна выдержать разлуку. И Сергей меня понял. Мы расстались друзьями".

"Спасибо, — говорю я. — Очень ценные советы. Я обязательно приму их к сведению".

"Ну-ну", — кивает Катя.

Я поворачиваюсь и иду к Сергею. Я улыбаюсь. Он смотрит мне в глаза. Нет, он рассматривает мои глаза, словно в них какая-то очень важная тайна, ответ на вопрос, который долго-долго мучает его.

***

Ксюшка спит. Я опускаюсь на колени перед ее кроватью, касаюсь лицом ее волос. Она тихо сопит. Я целую ее волосы, ладошки. И думаю: "Девочка моя! А будет ли он тебя так же любить?"

***

Неожиданная встреча! Мы с Сергеем только вышли из парка, как я нос к носу столкнулась с Глебом. Серега протянул ему руку, представился. Глеб холодно поздоровался, скользнул по нему взглядом. "А где твоя роскошная машина?" — спрашиваю я. Глеб мнет, кривит губы. "Ворованная оказалась, — неохотно отвечает он. — При регистрации в ГИБДД выяснилось. Поставили на прикол, разбираться будут".

Возникло неловкое молчание. Глеб вдруг предлагает: "А хотите в ресторан? Я угощаю!"

Я смеюсь: "Глеб, дорогой! Мы только что поели. Разогрели на костре рисовую кашу с мясом в жестяных банках".

Глебу грустно. Кашу из солдатского пайка он нигде купить не сможет.

***

Красивая сказка закончилась. Я только теперь в полной мере поняла, что такое война.

Мы договорились встретиться, но он не пришел. Я звоню ему вечером — трубку берет его мама. «А Сережа улетел в Чечню, — говорит она. — Их собрали по тревоге».

И я сразу поняла и простила Катю.

Я начала сходить с ума, когда по телевизору передали сообщение о расстреле нашей колонны в Грозном.

Мне стали неприятны люди, которые, как мне казалось, беспричинно веселятся.

Я стала с ужасом заглядывать в почтовый ящик.

Но еще я поняла, что люблю Сергея.

Я буду ждать его страшные три месяца командировки, буду считать дни до нашей встречи, буду молиться, чтобы судьба уберегла его от пули, гранаты или мины. Я сама взвалила на себя этот крест, но не роппу, ни о чем не жалею, потому как не представляю себя счастливой без него.

Каждый вечер я уединяюсь в комнате, сажусь за стол под лампой, беру чистый лист бумаги и пишу: «Здравствуй, мой сержант!»

А мама плачет. Или ругается...

ГЛАВА ВТОРАЯ

Я прихожу домой, опускаю на пол сумки с продуктами и не слышу привычного топота.

«Мам! — кричу я из прихожей. — А где Ксюшка?» Мама появляется из кухни. На ней фартук, в руке ложка.

«Ты не волнуйся, — говорит она. — Приходил Глеб, взял ее погулять».

«Как это — «взял погулять»?! — возмутилась я. — Она что, собачка?»

И как хлопну дверью!

В лифте немного успокоилась. Бедная мама! Она сердцем меня понимает, а умом нет.

Я выскочила на улицу, платок на ходу повязываю. Где они могут быть? На детской площадке? На горке? Или пошли в парк?

А уже темно. В свете фонарей падают снежинки. От сугробов исходит голубое сияние. Редкие прохожие движутся как тени. «Ну, Глебушка! — со злостью думаю я. — Найду — убью!»

Добежала до бульвара. Около универсама увидела машину Глеба. Всмотрелась — они идут мне навстречу. Глеб Ксюшку за руку ведет, а она другой рукой огромного леопарда к себе прижимает.

«Мама! — кричит она. — Он такой тепленький и пушистенький! Не бойся, он не кусается!»

Вся злость куда-то улетучилась. Как говорил Серега, в ход пошла тяжелая артиллерия. Глеб решил штурмовать мое сердце через другие ворота. Я осталась как вкопанная, кончик платка покусываю.

«В честь чего праздник?» — спрашиваю.

Глеб подошел, остановился. Я чуть живая. Ка-

жется, сердце замерло. Ну чего молчит? Чего тянет? «Соскучился», — отвечает. Я с облегчением вздохнула.

Мы сели к нему в машину погреться. «Мягонький мой! Мохнатенький! — тихонько воркует на заднем сиденье Ксюшка. У меня ком стоит в горле.

«Ты хорошо выглядишь, — говорит Глеб, глядя на меня с улыбкой. — Что-то давно не видно твоего бойфренда».

Я же знаю, что мама рассказала Глебу о том, где сейчас Сергей, и потому продолжаю молчать. Глеб вдруг хлопает себя по лбу. «Забыл тебе один приколот показать, — говорит он и вытаскивает из-под сиденья какую-то мятую газетку. — Слушай! «Как рассказывают сами федералы, самые дорогие девочки в Грозном и на границе с Дагестаном. Дешевле всего — в предгорных районах Чечни. Как правило, блокпосты удивляются одной девицей на всех, расплачиваясь потом с ней тушенкой или водкой...»

Он поднимает взгляд. Мне хочется ударить его по щеке, но жаль чувств Ксюшки. Я смотрю на Глеба и сжимаю зубы изо всех сил. Мне кажется, будто меня посадили в глубокую яму и от моего ребенка требуют выкуп.

***

Почта работает безобразно: то несколько дней нет ни одного письма, то вдруг потом приходит сразу четыре! Серега, как нарочно, не ставит под письмами дат, и я, читая, теряюсь: что было раньше, а что позже?

В воскресенье навестила Лешку. Он очень радуется, когда я прихожу, и выглядит неплохо — опрятно одет и гладко выбрит. Я никогда не говорю ему, когда приду в следующий раз — пусть ждет каждый день. Это заставляет его держать себя в форме.

Он тренируется по методике, которую я ему принесла. Уже запросто выжимает каждой рукой по двадцать кило. Я сажусь на стул и смотрю, как он работает с гантелями. Для него теперь это смысл жизни. Я сижу и просто молча смотрю. А он демонстрирует мне силу. Он словно говорит: «Смотри, я сильный! Я мужик! Я пить завязал! Я обязательно встану с этой коляски!»

Он опускает гантели на пол, вытирает вспотевшее лицо полотенцем и закидывает его за шею. «Самое обидное, — говорит он, — что я ничего не успел сделать... Вспышка, потом удар по ушам — как будто в лицо петардой залепили, и все. Темнота... Казалось, что всего мгновение был в отключке. Открываю глаза и ничего не вижу. Что-то на лице лежит. Оказывается, это моя рука была. В госпитале иголками кололи — ничего не чувствовал. Болталась вдоль тела как плеть. А теперь у меня бицепс сорок сантиметров в окружности...» Мы пьем чай. Лешка все время кидает на меня вопросительные взгляды. «Ты знаешь, — говорит он, — Серега очень, очень хороший парень. Я жизнью ему обязан. Это ведь он вытащил меня тогда из-под обстрела. Мог на плечо взвалить, но побоялся, что меня снайпер добьет. Так и тащил волоком, собой закрывая... Что-то ты побледнела!»

Он не на шутку испугался за меня. С опозданием прикусил язык. А у меня перед глазами туман. Сердце колотится, крик к горлу подступает. Не помню как вышла из квартиры. У двери лифта Лешкина мама догоняет: "Ты уж прости его, дочка, — шепчет она и по плечу меня гладит. — Он с тобой, как со своими ребятами — все о войне да о войне. Ему бы с девушками больше общаться. Может, у тебя подружка свободная есть?"

Я поняла, что не о подружке речь, а обо мне.

"Нет у меня никакой подружки!" — вдруг резко ответила я, повернулась и побежала по лестнице. Там уже дала волю эмоциям. Я устала, устала, устала!

***

Ксюшка говорит: "Мама, а скоро придет дядя Глеб? Он такой хороший!"

Я молчу и продолжаю лепить пельмени. Они так и выпрыгивают из моих рук. Мама делает вид, что не услышала вопроса внучки. Но я-то знаю, что сейчас у нее на уме.

По экрану телевизора бежит секундная стрелка. Сейчас начнутся новости. Мама вдруг встает из-за стола, вытирает выпачканные в муке руки и выключает телевизор. "Хватит, — говорит она. — Пожалей себя!"

Не говоря ни слова, я включаю его опять. Ксюшка смеется, она думает, что мы играем. Эта холодная война с мамой продолжается уже второй месяц. И наш конфликт неразрешим, потому что я люблю ее, а она любит меня, но наши цели несопоставимы.

Но сегодня, похоже, терпению мамы пришел конец. Она дожидается, когда я досмотрю новости из Чечни, садится напротив меня и пристально смотрит мне в глаза.

"Оля, — говорит она, — ты можешь мне ничего не отвечать и остаться при своем мнении. Только выслушай меня".

Я знаю, что она скажет. Я могу угадать это почти дословно. Сначала она напомнит мне о моем возрасте и дочери. Затем о непредсказуемости жизни. Оттуда — логический переход к необходимости думать о будущем Ксюшки. Мама скажет о том, что ребенку нужен отец, и этот человек обязательно должен крепко стоять на ногах и уверенно смотреть в завтрашний день. И в конце концов мама мягко обмолвится о Сергее. Дескать, он хороший парень, но на войне с ним может случиться всякое. К тому же он вовсе не обещал жениться на мне.

Самое страшное, что мама права. Она всегда права. Она у меня не ошибается. Она смотрит только вперед.

***

Иногда мне кажется, что я забыла его лицо. Хватаю фотографии, на которых мы с Сережей в Кусково, перебираю и успокаиваюсь. Его лицо по-прежнему родное. Вот мы дурачимся, катаемся по траве. Вот, как две кукушки, сидим на дереве. Вот он меня обнимает... Сейчас я понимаю, как была счастлива с ним. А что такое счастье для меня? Чувствовать, что

рядом есть сильный и честный человек, для которого ты — центр Вселенной. А я хочу быть центром Вселенной. Я хочу быть единственной и неповторимой. И с Сережей это дается мне без всякого усилия.

***

"Только вернулись из засады, — пишет он. — Промерзшие, усталые. Кое-кто из ребят, не раздеваясь, сразу упал на койки. А мне твое письмо передали. Ты не представляешь, какое это для меня счастье! Я на конверт несколько минут пялился, со всех сторон его рассмотрел, обнюхал, как ребенок шоколадку. Ребята смотрят на меня и хохочут. А я не могу вскрыть конверт. Пальцы не слушаются. Нагрел в кружке горячей воды, вымыл руки, сел поближе к буржуйке и только тогда стал читать. Письмо короткое, и я растягиваю удовольствие. Прочту одно предложение, закрою глаза и будто наяву вижу тебя с Ксюшкой. Милые, любимые мои! Только вы даете мне силы пережить эту войну. Когда становится очень трудно, я говорю себе: "А если бы меня видела сейчас Оля?" Достану иконку, которую ты мне подарила (я всегда ношу ее у сердца), посмотрю на нее, мысленно прочту молитву, которую сам сочинил, и чувствую, как возвращаются силы. Не позволяю себе ходить небритым, пьяным или грязным, не позволяю быть грубым и жестоким, не позволяю забыть, кто я, зачем я здесь, в Чечне. Словом, остаюсь таким, каким ты меня полюбила. Когда мужчины стремятся быть достойными своих любимых женщин, война захлебывается, затухает. Все самое позорное и преступное совершается тогда, когда мужчина уверен, что любимая его не видит. Ты всегда со мной рядом. Тебе никогда не придется краснеть за меня..."

Я целую его письмо и кружусь с ним по комнате.

***

Нежданно-негаданно ко мне в магазин пришла Катя. Неумело сделала вид, что зашла случайно. "Здравствуй, милочка! — воскликнула она. — Как я рада тебя видеть!"

Я понимаю, что ей очень хочется со мной поговорить, но она не знает, с чего начать. "Не мучайся, — помогаю я ей. — О Сергее хочешь спросить?"

Катя попыталась возмутиться, но вдруг сдалась и кивнула. "У него все хорошо, — говорю я. — Он скоро вернется". — "И что, ты его... э-э-э... все еще ждешь?" "Конечно, — весело отвечаю я. — Почему бы и нет? Хорошего человека можно ждать очень долго". Бедолага даже в лице изменилась. Как ей хотелось, чтобы я повторила ее поступок! "Часто пишет?" — спрашивает Катя. "Каждый день", — отвечаю.

Она еще о чем-то хочет спросить, но к ней подходят два парня. Оба с косичками, один с серьгой в ухе, второй — в губе. "О чем мурлыкаем? — говорит один, опуская руку на плечо Кати. — Подружка?" "Так, знакомая", — уклончиво отвечает Катя.

Я чувствую на себе пристальные взгляды. Парни смотрят на меня оценивающе. А мне почему-то становится жалко Катю. Они уходят, и я еще долго смотрю им вслед.

***

Всем магазином выехали на пикник. Манасян взялся шашлыки готовить, Бахметьев на гитаре играть. Остальные в сугробах валяются. Весело! Директор произнес первый тост. Говорил он долго и витиевато: про любовь, про верность, про тех, кто не с нами. До меня не сразу дошло, что он на меня намекает.

Потом ко мне подошла Лариса, старший менеджер. Она выпила, ее потянуло на откровения. "Вы молодцы, — говорит. — Крепко друг за друга держитесь. Не слушай никого. Так и надо".

Я сделала вид, что не поняла. "Ладно тебе! — машет рукой Лариса. — Шила в мешке не утаишь. Твою историю у нас все знают. Кто-то иронизирует. Кто-то говорит, что ты просто глупая девчонка. А я тебе по-доброму завидую". "А чего мне завидовать?" — удивляюсь я. Лариса как-то странно смотрит на меня, глаза ее блестят. "Я вот со своим уже десять лет живу. И что? Мы чужие люди. Я ему не нужна. Любви нет, заботы нет. Бессмысленное существование под одной крышей... Как-то пришла поздно, думаю, с ума сходит, волнуется. А он крепко спит... "Чего тебе не хватает? — спрашивает. — Квартира есть, машина есть". Как ему объяснить, чего мне не хватает? У мужчины душа должна болеть за женщину. Хотя бы изредка он должен выполнять из домашнего комфорта ради нее! Драться, страдать, добиваться!"

Пластиковый стаканчик лопается в ее пальцах.

Мне хочется ее успокоить, но я не могу найти нужных слов. В своем несчастье человек всегда одинок.

***

Сижу за прилавком, пью кофе. Девчонки меня зовут: "Оля, к тебе пришли!" Встаю и вижу высокого худого парня со спортивной сумкой на плече. Он смотрит на меня, мнется, переступает с ноги на ногу. Я сразу догадалась — из Чечни.

"Ну?! Что?! — кричу я. — Вы в рот воды набрали?!"

"Успокойтесь, пожалуйста! Успокойтесь! — ожил он, улыбнулся и подошел ко мне. — Я от Сергея. У него все в порядке. Мне отпуск по семейным дали..."

"Что ж вы такой робкий?! — сокрушенно качаю я головой и чувствую, как запоздалые слезы грузят глаза. Вы мне так сердце посадите!"

"Простите, я просто на вас засмотрелся", — пробормотал он, стягивая с лысой головы шапку.

Все, работа в магазине застопорилась. Все девчонки замерли, прислушиваясь к нашему разговору.

"Я сразу догадалась, что вы оттуда, — сказала я, рассматривая лицо парня. Он был на Серегу немного похож. — Там герой, а здесь теряетесь!"

"Там проще, — отвечает парень и ставит на прилавок свою сумку. — Все конкретно и понятно. Враг — друг. Любить — ненавидеть. Жить — умирать... А здесь все серединка наполовинку".

"Ну рассказывайте! — поторапливаю я. — Как он там?" "Да нормально! — отвечает парень и качает головой. — Ходим на боевые, сопровождаем колонны, отдыхаем".

"Ну да, — говорю я, не в силах оторвать взгляда от его лица. — Отдыхаете. Могу представить... Он очень похудел?" "Да нет, не очень, — уклончиво отвечает парень. — Как все".

"А он не мерзнет? У него теплые вещи есть?" "Конечно, есть! — отвечает парень и машет рукой, мол, было бы о чем беспокоиться. — Буржуйку раскошегарим — как в бане жарко. А когда на маршруте ночевать приходится, то валимся все вместе в одну кучу. А если наши псы к нам приткнутся, то вообще благодать! Знаете, как с овчарками в обнимку тепло?"

"С овчарками в обнимку?" — повторяю я, кусаю губы и уже не могу сдержаться. Все, тушь потекла! Вместо лица теперь маска клоуна.

Парень открывает сумку и достает оттуда розу, сделанную из меди. "Это вам к Новому году. Из артиллерийского снаряда, между прочим. Серега все свободное время с этой штукой возился. Сначала ножовкой пилил, потом под паяльной лампой лепестки закручивал..."

Я беру розу. Она тяжелая. Шипы острые, как настоящие.

"А вот это — вашей дочке! — Он протягивает мне забавного тряпичного волчонка в черной кожаной жилетке с кнопками и с армейскими пуговицами вместо глаз. — Серега его приручил. Больше не кусается". "Вы давно его видели?" — "Да вот только позавчера!" — "Дайте вашу руку!" Он протягивает мне ладонь. Я жму ее. Его рука грубая, теплая.

Он торопится уходить. У него скоро электричка на Ногинск, а там, на платформе, его ждет не дождется мама.

Я прижимаю к лицу волчонка. Он пахнет костром и хвоей. "Ну что? — бормочу я. — Навоевался, малыш?"

***

Я хожу, словно по тонкому льду. Боюсь дышать. Боюсь громко говорить. Боюсь черных котов, перебегающих мне дорогу, боюсь выходить из дому, не глянув на себя в зеркало. Нервы натянуты до предела. Весь мой мир висит на волоске... В Чечне идут кровопролитные бои. Каждый день по телевизору говорят об убитых и раненых.

Не помню, сколько раз я обошла вокруг церкви, пока решила зайти внутрь. Накинула платок на голову, опустила глаза. Стыдно. Первый раз в жизни иду просить то, что не в силах дать ни один живущий на земле.

Купила свечку, встала за спинами молящихся. Стою, прислушиваясь к пению хора, к потрескиванию свечей. Смотрю на иконы. Какая из них оберегает воинов на поле боя? Подошла к Георгию Победоносцу. Зажгла, поставила свечку. Смотрю на икону и мысленно говорю: "Господи, если Ты есть, спаси его! Сохрани нашу любовь. Ты нам ее дал, и мы будем верны ей до конца наших дней. Сохрани Сережу, убереги от пули, от мины, от снаряда..."

Повернулась, пошла к выходу. В дверях пропустила женщину с мальчиком. Малыш посмотрел на меня голубыми глазами, и я поверила: Сережа выживет, он вернется.

Я люблю вечера. Рабочий день позади. Перед глазами все еще мелькают лица покупателей, дисплей кассового аппарата, гантели, штанги, мячи и перчатки... Но уже можно расслабиться, неторопливо надеть пальто, кинуть взгляд на свое отражение в огромном витринном стекле, попрощаться со старшим менеджером и директором и выйти на улицу. Там уже темно. Уютно светятся окна домов, за шторами, словно за театральными кулисами, идет незаметное действие, называемое жизнью. Раньше я мчалась домой очертя голову, глядя под ноги, чтобы не видеть этого черного неба, этого блестящего аспидного асфальта и горящих глаз автомобилей. Теперь иду до метро не торопясь, рассматривая вывески магазинов рекламу и людей. Наступило время, когда каждую минуту можно смаковать. Наступило время остановиться и жить, потому что я люблю и любима.

Черный и мокрый, как касатка, автомобиль прижался к бордюру и остановился рядом со мной. Распахнулась дверца: "Оля!"

Я даже вздрогнула от неожиданности. Глеб собственной персоной! Давно я его не видела.

Он вышел из машины, подошел ко мне, бережно пожал руку. Как всегда, безупречно одет, безупречно пострижен, как всегда, источает запах дорогого одеколона. Как всегда, на его губах легкая усмешка.

"Я тебе кричу, кричу, — говорит он тихо и медленно, словно лениво, — а ты не слышишь". "Прости, задумалась", — отвечаю я.

Глеб как-то странно смотрит на меня, будто я загадала ему загадку, а он, хотя и знает ответ, но пока молчит, испытывая мое терпение.

"Садись, — предлагает он и кивает на машину. — Я хочу тебе кое-что сказать".

Я спокойна. Он меня интригует, но не больше. Я сажусь на переднее сиденье. В салоне приятно пахнет цветами.

Глеб захлопывает дверцу, берет за руль и поворачивается ко мне. Некоторое время он продолжает выжидающе смотреть на меня. Мне становится смешно. Я привыкла, что со мной Глеб ни на минуту не закрывает рот, рассказывая о своих достижениях. Сейчас он необычен. Меня начинает разбирать любопытство.

"Вот что, — наконец говорит он, достает с заднего сиденья роскошный букет роз и протягивает мне. — Вот что, Оля... Нам пора определиться. Я делаю тебе предложение. Выходи за меня замуж".

Вот и отгадка загадки. Я опустила букет на колени. Горячая волна прокатилась по груди и хлынула в лицо. Мне стало душно. Я взялась за ручку, чтобы открыть дверцу.

"Я понимаю, как трудно тебе..." — начал было Глеб, но я его перебила:

"Нет, мне совсем не трудно!"

"Тогда скажи что-нибудь, — просит Глеб. На его губах снова появилась извечная самоуверенная усмешка. — Хотя... Хотя можешь ничего не говорить. Это не обязательно".

"Нет, обязательно", — отвечаю я и удивляюсь, как быстро я взяла себя в руки.

"Погоди! — прерывает меня он, достает из кармана маленькую черную коробочку, раскрывает ее и подносит к моим глазам изумительной красоты перстень с бриллиантом. — Красиво?"

"Очень", — признаюсь я и изо всех сил сжимаю кулак.

Он видит мою реакцию и все понимает. Он умный парень.

"Ну так как?" — спрашивает он, возвращая перстень в коробочку.

"Я не выйду за тебя, Глеб, — твердо отвечаю я. — Я люблю другого".

Он кивает головой, мол, был готов услышать нечто подобное.

"Ты не торопись, — советует он, включая магнитола. Музыка заполняет неприятную паузу. — Я тебя не тороплю. Подумай хорошенько. Один раз ты уже обожглась и осталась одна с ребенком. Второй раз не стоит делать глупости".

"Ты прав, — соглашаюсь я. — Второй раз не стоит".

Он протягивает руку и касается мочки моего уха. Его пальцы мягкие, холеные, я почти не ощущаю его прикосновения. Но мне неприятно.

"Ты просто находишься во власти чувств, — ставит диагноз Глеб. — А жизнь, милая, это не чувства".

"А что же это?" — спрашиваю я.

"Это работа. Большое и тяжелое строительство".

Мне нечего возразить. Но было бы что — я не стала бы с ним спорить. Он чужой для меня человек. Бесконечно чужой.

***

Веки полуприкрыты, взгляд холодный и надменный. На темных, мелко завитых прядях блестят капельки растаявшего снега. Она смотрит на меня и тяжело дышит. А я смотрю на нее и с удовольствием выискиваю недостатки. Губы у Кати узкие, тонкие, а потому лицо кажется злым. Непонятно, что она красит помадой? Фигура тоже тонкая и хилая, пальцы на руках, словно макароны. И как в ней столько злости уместается?

"Хочешь белковую смесь для наращивания мышечной массы?" — предлагаю я.

Катя упирается руками в прилавок, будто боится упасть.

"Забудь Сергея, — тихо шипит она. — Это мой парень".

Я подавляю в себе желание рассмеяться. "Увы, милая, это не в моих силах", — честно говорю я.

Катя задыхается от злости. Ее глаза превращаются в тонкие щелочки-амбразуры. Она поливает меня ненавистью, но я ничего не чувствую.

"Не суйся в наши дела, — произносит она. — Ты ничего не знаешь. Стояла за своим прилавком, вот и стой! Мы с Сергеем уже много лет друг с другом! Он любит меня!"

Я перехватываю взгляд Зои, стоящей за прилавком напротив меня. Она подмигивает мне, мол, не сдавайся, подружка! Я мысленно с тобой!

“Я не знаю, кто ты и чего от меня хочешь”, — отвечаю я и начинаю молить Бога, чтобы дал мне силы сдержаться и не залепить Кате пощечину.

“Узнаешь, но поздно будет, — мстительно предупреждает Катя. — Торгашка! Ты ему не ровня! На рынке ищи себе мужа!”

Наверное, я изменилась в лице. Похоже, во мне стали просыпаться первобытные инстинкты. Я улыбнулась, представив себя в шкуре мамонта с дубинкой в руке. Катя на всякий случай отступила от меня на шаг.

“Что? — спросила я, подбоченившись. — Позавидовала? Ты же слабая женщина, ты же не способна выдержать разлуку!”

“Не твое дело! — крикнула Катя. — Но если от Сергея не отстанешь, пеняй на себя!”

Она выходит из магазина и хлопает дверью. Я перевожу дух. Какой-то тщедушный юноша робким голосом просит показать ему двадцатикилограммовые гантели. Меня начинает раздражать смех.

***

Сергей словно чувствует, что со мной происходит. “Что бы тебе ни говорили, — пишет он, — какие бы тяжелые мысли ни приходили в голову, помни о главном: я очень люблю тебя. С мыслями о тебе время летит незаметно. Сопровождаю колонны, хожу в ночные рейды и засады, словом, занимаюсь обыкновенной солдатской работой. Оглянуться не успеешь — неделя пролетела. Значит, мы еще больше приблизились друг к другу. У меня здесь много друзей. Ты даже не можешь представить, какое это счастье — жить среди людей, которым не задумываясь можешь доверить свою жизнь. Это едва ли не единственное наше утешение: здесь, на войне, все настоящее — и дружба, и боль, и любовь, и слезы. Если тебе понадобится верный друг, звони Диме Новикову. Ты должна его помнить — мы с ним вручали Лешке орден...”

***

С мамой происходит что-то неладное. Она выглядит очень усталой, на щеках горит нездоровый румянец. Сидит в кресле, уставившись в телевизор. В глазах пустота. Я сажусь рядом с ней, глажу ее по руке. У меня с детства остался комплекс: если маме плохо, я всегда виню в этом себя.

“Леб сделал тебе предложение?” — спрашивает она, не глядя на меня.

Я тяжело вздыхаю. Если спрашивает, значит, уже все знает. Лебушка, этот тонкий и расчетливый стратег, принялся обрабатывать “тещу”. Кольцо вокруг меня сжимается все сильнее.

“Да, сделал”, — отвечаю я.

“И что ты решила?”

“А как бы ты на моем месте поступила?” — пытаюсь уйти от ответа.

“Я бы ни за что не вышла замуж без любви, — призналась мама, но тотчас добавила: — Но сейчас другое время”.

Я не хочу скатиться к нашему вечному спору о временах и нравах. Стараюсь говорить ласково и убедительно:

“Мама, неужели ты думаешь, что Леб действительно любит меня и видит во мне свою жену?”

Мама смотрит на меня с недоумением.

“А зачем тогда он сделал тебе предложение?”

“Чтобы доказать, что за деньги можно купить все, — объясняю я. — Он пошел на принцип. Он просто хочет добиться своей цели. Его волнует только удовлетворение собственного тщеславия...”

Я вдруг замечаю, что мама меня уже не слушает. Ее глаза лихорадочно блестя. Она тяжело дышит и крепко сжимает мою руку.

“Что-то мне плохо”, — бормочет она.

Я мысленно проклинаю себя за то, что родилась такой непутевой, взбалмошной и упрямой, и помогаю маме добраться до постели.

***

В военкомате принимают посылки для ребят, служащих в Чечне. “Мамаша, дорогие! — громко, чтобы перекрыть шум в зале, объявляет майор с семью висками. — Спиртное отправлять категорически запрещается! И тушенку не отправляйте! С тушенкой там все в порядке!”

Среди “мамаш” я, пожалуй, самая молодая. Майор оценивающе смотрит на меня, потом начинает проверять содержимое посылки. “А не много ли шоколада, милая? — бормочет он, перебирая плитки в разноцветных обертках. — Не в детский сад отправляем, а на войну. Там сигареты в цене”.

“А он у меня некурящий, — отвечаю я. — И сладкое очень любит. А сколько у него друзей!”

Майор смотрит на меня удивительно чистым и пронзительным взглядом. Мне становится не по себе. На выходе я нос к носу сталкиваюсь с Катей. Она прижимает к груди объемистый пакет. Узнав меня, плотно сжимает губы и нарочно задевает меня плечом.

Значит, Сергей и от нее получает посылки? Может быть, и письма?

Эта мысль долго отравляет мне сознание.

***

Не успела я зайти в магазин, как Зоя передает почтовый конверт: “Какой-то мужчина принес”.

Меня охватывает волнение. Это наверняка письмо от Сергея! Скидывая с себя пальто, я щупаю конверт. Он плотный, похоже, в нем фотографии. Я хочу уединиться, спрятаться от пытливых глаз своих сотрудниц. Встаю за большой борцовский мешок и вскрываю конверт. Да, в нем фотографии и короткая записка, отпечатанная на принтере: “ЭТО ПОСЛЕДНЕЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ!”

Я ничего не понимаю и начинаю перебирать фотографии. Это моя Ксюшка. Вот она сидит в песочнице. Вот взбирается по лесенке. Вот ковыряет лопаткой снег... Снимки выпадают из моих рук и веером ложатся на пол. Я уже ничего не вижу, кроме лица своей дочери. Хватаю пальто и выбегаю на улицу. Кого-то задеваю, мне в спину несется ругань... Дорога, машины, скрип тормозов, опять крик в спину: “Ослепла?! Ненормальная!” Я задыхаюсь от быстрого бега. В сознании темно от страшных мыслей...

Вот и детский сад. Я взлетаю на третий этаж. Прихожая... игровая... столовая...

Ксюша сидит за столом и возит ложкой по тарелке с кашей. Я кидаюсь к ней. Дети смотрят на меня с удивлением. Взволнованная воспитательница на всякий случай снимает с полки коробку с медикаментами. Ксюша радостно улыбается и крепко обнимает меня за шею.

Тут силы покидают меня. Я опускаюсь на стул. Воспитательница дает мне понюхать нашатырь. Она спрашивает, что случилось. Но я молчу. Это очень долгая история. У воспитательницы просто не хватает времени меня выслушать.

***

Мне хочется уехать с Ксюшей на край света, чтобы никого не видеть и лишь получать письма от Сергея. Как оказывается, мне мало надо для счастья!

На выходные мы отправляемся на дачу. Мама чувствует себя неважно. Ее знобит, она сидит у печи и кутается в плед. Мы с Ксюшей идем в лес. Там еще много снега, но воздух уже напоен запахами весны. Небо высокое, чистое. Я рассказываю ей про Сергея: как он борется с бандитами, какой он сильный и храбрый. Ксюша долго слушает меня молча, потом спрашивает: "Ты хочешь на нем жениться?" "Да, — отвечаю я, приседаю перед дочкой, поправляю на ней шарфик. — Я хочу выйти за него замуж. Я хочу, чтобы он жил вместе с нами и стал твоим папой".

Ксюша задумалась, нахмурила лобик: "А бандиты его не убьют?"

Мы возвращаемся, заходим в дом. Я слышу, как трещат в печи дрова. Зову маму, но она не откликается. Чувствуя неладное, кидаюсь в комнату. Мама лежит на диване. Плаза ее закрыты, лицо бледное. Она едва дышит. Я тормошу ее, кричу, но она не отвечает.

Я бегу на станцию. Там есть телефон, можно связаться с райцентром и вызвать "скорую". Сугробы мокрые, как сырой бетон. Мои ноги увязают в них. Я падаю на каждом шагу и скоро окончательно выгибаюсь из сил. "Это все из-за меня! — мысленно повторяю я. — Мама очень переживала... У нее слабое сердце..."

Кассирша на станции протягивает мне трубку. Я путано объясняю врачу, что случилось с мамой. Меня спрашивают адрес. "Это дачный поселок!" — отвечаю я. "Какой поселок?" — "Луговое". — "Но там ведь нет дороги!"

От напряжения у меня немеют и теряют чувствительность пальцы. Я перекидываю трубку в другую руку. "А что же мне делать?!" — слабеющим голосом спрашиваю я. "Ищите трактор, — отвечает врач, — везите маму к шоссе. А там ловите попутку... Другого выхода нет. "Скорая" никак к вам не проедет. Я знаю, что такое Луговое. В ваших оврагах танк застрянет..."

Я плачу от безысходности. Кассирша советует мне бежать в деревню за фельдшером. "Если он не пьян, то укол сделает", — успокаивает она меня.

И тут я вспоминаю Диму Новикова. Я набираю номер его мобильного.

"Где ваша дача?" — спокойным голосом спрашивает Дима.

Я вытираю слезы и стараюсь говорить отчетливо. "Через час я приеду", — заверяет Дима.

Кажется, я несколько раз назвала его Сергеем.

Он приехал через час на забрызганном грязью джипе. Привез двух врачей. Меня попросили выйти из комнаты. Мы стояли с Димой на терраске. Я плакала, а он молча курил.

***

"Шансы есть. Их достаточно много".

Я сижу в кабинете у врача и смотрю на его крепкие волосатые руки. Он говорит ровным, спокойным, даже почти равнодушным голосом. Зато я уверена, что он говорит правду, а не приукрашенную слащавым оптимизмом ложь.

"На сегодняшний день у нас есть два пути, — продолжает врач. — Первый: найти донора с генетически совместимой кровью и пересадить вашей матери его костный мозг. И второй: очистить от раковых клеток собственный костный мозг вашей матери и пересадить его заново".

Я с трудом поднимаю глаза и смотрю на врача, как на Бога. "Вы думаете, — шепчу я, — это поможет?"

"Думаю, поможет, — тем же тоном отвечает врач. — Но проблема не столько в этом".

"А в чем же?"

"В деньгах, — с убийственной прямолинейностью говорит он. — Такая операция стоит очень дорого".

***

Я хожу по квартире. В голове хаос. Я мысленно твержу, что надо успокоиться, взять себя в руки, но внушение не помогает. Если бы эта квартира была записана на меня, а не на маму, то я бы немедленно продала ее! Но мама ни за что не согласится. Она даже слушать меня не станет.

Ксюша хвостиком ходит за мной и жалуется, что платяе для ее любимой куклы почему-то стало мало. Я открываю шкапулку, высыпаю на стол все свои украшения. Дешевка! За эти безделушки я получу копейки. Где же выход? Что же делать?

Я все чаще кидаю взгляд на телефон, но меня что-то удерживает. Если бы Сергей был сейчас рядом! Он бы обязательно что-нибудь придумал! Он сильный и надежный человек. Он умеет преодолевать любые препятствия.

Заглядываю в шкаф. С ненавистью перебираю свои платяе и кофты, а потом с силой захлопываю дверцу. Тряпки! Никто это не купит!

Я закрываю глаза и успокаиваю дыхание. Потом решительно подхожу к телефону и звоню в магазин.

"Отари Арутюнович, — говорю я директору. — Мне нужны деньги. Одолжите мне тридцать тысяч долларов".

Мне стыдно, я чувствую, как кровь ударяет в лицо.

“Оленька, дорогая, — бормочет Манасян. — Ты же знаешь, на какие санкции мы попали по налогам. И срок аренды истекает, договор пролонгировать надо. Через полгода — пожалуйста. А сейчас ничего нет..”

Я кусаю губы. Мне хочется плакать. “Через полгода поздно будет, — отвечаю я. — Мне сейчас надо”.

Манасян шумно дышит в трубку. “Я могу взять ссуду у знакомого банкира, — говорит он. — Тысяч семь он мне даст. А больше не могу — хоть убей!”

Я опускаю трубку и продолжаю смотреть на телефон. Дочь дергает меня за руку. Она просит, чтобы я почитала ей сказку. “Ты должна позвонить ему!” — мысленно приказываю я себе. А внутренний голос возражает: “Конечно, друзья познаются в беде, но совесть иметь надо!”

Некоторое время я борюсь с собой, но все-таки поднимаю трубку и набираю номер Димы. “Что случилось?” — слышу я его спокойный голос. Ко мне возвращается уверенность. “Мама серьезно больна, — говорю я. — Нужны деньги на операцию. Большие деньги”. “Сейчас я приеду!” — говорит он.

Я опускаю трубку. В душе пустота. Нервы как пружина. Ксюша снова дергает меня за руку и просит почитать сказку. Во мне что-то ломается, я вскакиваю со стула и, не сдержавшись, шлепаю ее: “Отстань от меня со своими сказками! Отстань!”

Дочь отбегает, становится у стены и недоуменно смотрит на меня, моргая мокрыми ресницами. Я падаю перед ней на колени, обнимаю ее и вымаливаю у нее прощение.

***

Мы сидим в Димой в машине. Я нервно тереблю застежку на своей сумочке. “Сколько надо денег?” — спрашивает Дима. Я отвечаю не сразу. В горле стоит комок. “Двадцать три тысячи”, — едва слышно отвечаю я. — “Рублей?” — “Нет, долларов”.

Дима хмурится, но голос у него по-прежнему твердый. “Сейчас сделаем”, — говорит он и достает мобильник.

Я ненавижу себя. Мне кажется, что я начинаю просачиваться сквозь сиденье. Дима негромко говорит с каким-то Эдиком, просит у него телефон риэлтора. Потом говорит с риэлтором. “Мне бабки срочно нужны, понимаешь?! Срочно! Я согласен на любой вариант... Да, квартира моя, две комнаты. Дашь взамен нее коммуналку, и мы в расчете!”

До меня начинает доходить смысл переговоров. Я смотрю на Диму почти со страхом.

“Подожди!” — кричу я и хватаю его за руку.

Он отключает телефон и с удивлением смотрит на меня. “Что с тобой?”

“Подожди! — повторяю я тише. — Не надо. Я... я пошутила”.

Дима хмурится. Он сбит с толку. “Как, то есть, пошутила?”

“А так, — отвечаю я и, пряча глаза, открываю дверцу. — Извини...”

Я выхожу из машины. Дима кричит мне вслед, но я захопываю дверцу и бегу куда глаза глядят.

***

Мокрый снег в лицо. Желтые неоновые огни. Ослепительный свет фар. По улице течет поток машин. Он напоминает огненную лаву. Я иду по краю тротуара. Рев машин оглушает меня. От выхлопов першит в горле. Сама не помню, как очутилась здесь. Группа девушек, стоящая под светящейся рекламой, с напряженным любопытством следит за мной. Кто-то трогает меня за плечо и повторяет: “Дэвушка, подожди! Сколько просишь?”

Мне кажется, что я уже не владею собой. Что это не я, а героиня какого-то ужасного фильма идет по краю тротуара, ослепленная фарами автомобилей. Этот фильм не просто ужасен. Он отвратителен. В нем рассказывается о крушении, о катастрофе моей души,

“Оля! Оля!”

Я останавливаюсь и неровно качаю голову. Рядом стоит машина, из салона несутся тяжелые ритмы рока. Дверца открыта. Я вижу Глеба.

Небритый брюнет, который преследовал меня, мгновенно растворяется в толпе, но какая-то полная блондинка с длинными распущенными волосами крепко хватает меня за руку. “Не налей, подруга! — ядовитым голосом шепчет она мне. — Это не твой клиент!”

Глеб оказывается между нами. Он заталкивает меня в машину и трогается с места.

“Это что за фокусы, Оля? — с удивлением говорит Глеб, сворачивая в какой-то темный переулок. — Ты что там делала?”

На его лице нет ни брезгливости, ни испуга, ни гнева. Он словно обрадовался, увидев меня среди проституток. Меня бьет озноб. Я не могу согреться, хотя в салоне жарко. С мокрых волос на колени падают капли. Глеб достает с заднего сиденья бутылку и протягивает мне. Я делаю большой глоток, и в груди разливается огонь.

“Одолжи мне двадцать три тысячи долларов”, — произношу я.

— “Зачем?”

“Мама больна лейкемией. Ей нужна операция”. Глеб недолго молчит. Он обгоняет одну машину за другой. Мощные колеса во все стороны разметают лужи. Люди на остановках шарахаются от потоков грязной воды.

“Хорошо, — отвечает он. — Я оплачу операцию твоей маме. Только возвращать мне деньги не надо. Я сделаю это бескорыстно”.

Я еще не понимаю, почему деньги не надо возвращать и что значит “бескорыстно”. Я не могу думать о такой ерунде. Самое главное, что Глеб оплатит операцию. Значит, мама будет спасена.

Я делаю еще глоток. Коньяк обжигает горло, но мне это приятно. Тепло пошло в руки и ноги. Жизнь вернулась.

Глеб остановился у светофора и посмотрел на меня.

“У тебя было достаточно времени, чтобы подумать над моим предложением, — сказал он. — Надеюсь, ты уже приняла окончательное решение...”

Я просыпаюсь, подхожу к окну и ничего не вижу. Туман. Серая, беспросветная мгла накрыла мой дом, приглушила звуки, размазала краски. Куда ни глянь — матовая завеса. Нет ни земли, ни неба, ни солнца. Мне тесно и душно, мне не хватает воздуха...

Я задергиваю шторы и начинаю бесцельно ходить по комнате. Потом подхожу к зеркалу и рассматриваю свое лицо. Мне кажется, я перестала себя узнавать. "Вот лицо предательницы, — мысленно говорю я сама себе. — Вот так выглядит человек, который способен на подлость. Вот такие у него глаза, вот такие губы и нос. Посмотри, насколько этот человек отвратителен..."

В последнее мгновение меня что-то удерживает, и я опускаю руку.

***

Я читаю его письма с ужасом. Я уверена, что Сергей расплачивается за мой грех. С ним что-то происходит. Судьба словно нарочно кидает его на грань между жизнью и смертью. Его жизнь превратилась в настоящий ад. У меня дрожат руки, строчки плывут перед глазами. "Милая Олюшка и доченька Ксюша! Я жив и здоров, хотя сам до сих пор с трудом в это верю. В прошлый вторник наша колонна попала в засаду..."

Я дала прочитать письмо Ираиде из книжного отдела. Уж кто-кто, а она знает толк в стилистике. "Нормальное письмо, — заверяет Ираида. — У тебя, моя милая, слишком богатое воображение!"

Я успокаиваюсь и пытаюсь перечитать письмо, но сердце снова наполняется ужасом. Я закрываю глаза и как наяву вижу Сергея. Он лежит на броне боевой машины и постоянно что-то говорит или напевает — разобрать сквозь грохот боя невозможно. Он не может лечь удобно, его поза скомкана. Забыв сняв солнцезащитные очки, он прижимается щекой к прикладу автомата. По обе стороны дороги поднимаются к туманному небу обрывистые склоны, покрытые пятнами грязного снега. Там, за черными стволами деревьев, прячутся враги. Сергей не слышит звуков своих выстрелов, лишь чувствует, как содрогается внезапно оживший в его руках автомат, и горло обжигает знакомый запах пороховой гари. Броня под его грудью начинает дрожать, словно сама выделяет из себя чудовищную энергию, и Сергей щекой чувствует обжигающий жар огня пулемета. Он спокоен, он не испытывает ни ненависти, ни страха. Он лишь четко и ясно осознает, что нужен плотный огонь, что необходимо прикрыть машину от прицельного огня гранатометчиков. Иначе — конец... "Почему так поздно?! — думает он о пулеметчике Шарипове. — Где он был раньше?!" Сергей пытается определить время с начала обстрела, но не может: голова кажется чугунной, она невыносимо болит. Он вновь нажимает на спусковой крючок, еще сильнее вжимаясь в броню, но автомат в его руках неподвижен, лишь раздается металлический щелчок ударника. "Как некстати! — думает Сергей, бо-

ясь потерять ставшие бесценными секунды, отстегивает связанные изолентой магазины, переворачивает полным вверх и, нервничая, ударяет им об автомат — никак не присоединяется... И вдруг броня словно становится на дыбы. Упираясь ногами в спинку сиденья, Сергей интуитивно пытается схватиться за башенную скобу рукой, чтобы удержаться на броне, но промахивается и неловко ударяет пулеметчика локтем... Охваченная пламенем боевая машина на полной скорости выскакивает с дорожного полотна, сильно накренившись, съезжает в кювет. Пробороздив еще несколько метров по сырой земле и талому снегу, она замирает, словно убитый зверь...

Я поднимаю глаза. Где я? Сверкающие витрины, незнакомые люди, слышен чей-то оживленный разговор. Полная женщина, набрав кофточек, стоит в очереди в примерочную. Ираида с сонным лицом тыкает пальцем по клавишам кассового аппарата. Два подростка, надувая пузыри из жвачек, спорят, какая машина круче: "Ягуар" или "Роллс-ройс". Они склоняются над витриной, где в ряд выставлены игрушечные танки и фигурки вооруженных солдат. В их глазах — восторг и зависть.

Я не могу видеть этих глупых мальчишек и закрываю лицо ладонями. Седой старичок в смешных круглых очках внимательно смотрит на меня и тихо спрашивает: "Вам нехорошо?"

***

Звонила мама из Германии. Она еще очень слаба после операции, но чувствует себя намного лучше. "Доченька, — бормочет она в трубку. — Доченька..." Что-то хочет сказать, но не может. Раньше я ей говорила, что лечение в Германии не будет стоить ни копейки, что все оплачивает некий благотворительный фонд. Потом мне надоело лгать. На вопрос мамы о деньгах сердито отвечаю: "Где взяла, там уже нет!" Кажется, мама обо всем догадалась.

Мне ее ужасно жалко. Она чувствует себя виноватой передо мной и уже не рада, что излечилась. Я ей постоянно твержу: "Мама, ты для меня самый родной и близкий человек". И это правда.

***

Я не думаю о будущем, будто его нет и быть не может. Живу одним днем. Сегодня совсем тепло, весна. С крыш льются струйки воды. Асфальт нагревается под солнцем, и от него начинает подниматься пар. Ксюша прыгает на одной ножке по сухим островкам. Она весела, потому что мы идем в детское кафе, где закажем наши любимые блинчики с повидлом и клубничное мороженое. Ей хорошо, и мне хорошо. Я зависаю в этом зыбком и иллюзорном счастье.

***

...Сергей чувствовал себя мишенью, под которую кто-то уже подвел обрез мушки. Отчаянно борясь с этой невыносимой тягучестью времени, он опустил голову в черный проем люка. "Сергея! Братан! Подыхай!" — донесся оттуда крик наводчика. Сергей стиснул зубы, чтобы не застонать от обжигающей боли и, стараясь не вдыхать ядовитый смрад, всле-

пую схватил обмякшее тело бойца. Он потащил его вверх, и чем сильнее пламя обжигало его руки, тем злее он становился. Он рычал, будто это могло придать сил. Боевая машина начала заваливаться набок, словно тонущее судно, левая гусеница давила сырую глину, как масло. Рядом истошно кричал раненый Шарипов. Кто-то пытался его перевязать, но пулеметчик был в шоке, он ничего не видел, не слышал и отталкивал от себя всякого, кто к нему приближался. “Прягай!” — крикнул кто-то Сергею. Боевая машина на мгновение замерла. Рюкзаки, гильзы, банки с кашей — все, что лежало на броне, посыпалось и покатилося вниз. Еще один оглушительный взрыв! Гусеница зацепилась за придорожный валун, и это на мгновение удержало машину на скользком склоне. “Сейчас перевернется!” — снова донесся чей-то крик, едва различимый на фоне непрекращающейся стрельбы. Сергей собрал все силы, встал в полный рост и, вцепившись руками в крепкий воротник наводчика, вытащил его из охваченного пламенем люка. Не удержавшись на покатоной броне, оба повалились в рыхлый снег. Машина тотчас перевернулась и, сотрясая землю, упала на башню.

“Пригнись, чучело! — беззлобно крикнул Сергей молодому омовцу, впервые попавшему под обстрел. — Высовываешься, как опенок на полянке!” Пригнувшись, сам побежал к чадащей БМП. И тут словно дохнуло жаром из раскрытой дверцы печи. Автоматную трескотню прорезал какой-то дребезжащий, незнакомый ему звук — то ли шипение, то ли шорох. Он вынудил напрячься до предела в ожидании особой опасности. Бледно-красный шлейф за сотую долю секунды пронесся перед самыми глазами Сергея, а вслед за этим где-то за спиной гулко ахнул взрыв. “Прилично вяпались!” — подумал он, вытаскивая радиостанцию. “Медведь!” — перекрикивая грохот боя, стал вызывать он. — “Медведь”, это “Заря!” По нам с двух сторон лупят из гранатометов! Две машины выведены из строя. Не обижусь, если поможешь... Кстати, ты мне бутылку водки должан. Не забыл?..”

Сергей обернулся. Молодой омовец за его спиной судорожными движениями перезаряжал автомат. Сергей хлопнул его по плечу и улыбнулся: “Штаннишки сухие? Тогда прикрой меня со спины!”

Боец вскочил на ноги и с бурной радостью человека, узнавшего некую великую истину, кинулся к кустам. Он плюхнулся всем телом в лужу и там, лежа в грязи, стал отчаянно строчить длинными очередями...

***

Глеб стоит перед витриной и ковыряет спичкой в зубах. “А это чье производство?” — спрашивает он и кивает на роскошное платье, украшенное жемчугом и блестками. “Английское, — отвечает продавщица. — Но оно очень дорогое. Тут только фата три метра длиной”. “Сюда его!” — властно говорит Глеб и хлопает ладонью по прилавку.

Продавщица со сдержанным любопытством кидает на меня взгляд, словно хочет спросить: кому это так повезло с богатым женихом? А я стою, как Зо-

лушка перед волшебником, и заливаюсь краской. Продавщица встает на табурет, тянется к вешалке. Глеб, покусывая спичку, с интересом рассматривает ее ноги.

Мне протягивают платье. Оно просто роскошное. Я не могу представить себя в нем. Глеб пялится на меня, на его губах играет усмешка. “Не фонтан, конечно, — говорит он про платье с деланным недовольством. — Да ладно, сойдет”.

Я захожу в примерочную, вешаю платье на крючок и опускаюсь на табурет. Я люблюсь платьем. От него исходит какая-то светлая, солнечная аура. Я представляю себя в нем... Придерживая невесомую ткань, спускаюсь по ступенькам. Сергей стоит внизу и, не сдерживая восхищения, смотрит на меня. А за ним — загорелые лица его друзей. Они все в пятнистой форме, с орденами. Они восторженно кричат, и вверх летят пробки от шампанского. Сергей подхватывает меня на руки. На нас все смотрят. Иностраные туристы торопливо вытаскивают из чехлов фотоаппараты и камеры...

Шторка отдергивается. Я вижу гладкое, словно вылепленное из теста, лицо Глеба и его искривленный иронией рот. “В чем дело?” — бархатистым голосом спрашивает он. “Закрой, я не одега!” — грубо отвечаю я и задерживаю шторку.

С платьем что-то случилось, оно неуловимо изменилось. Я касаюсь пальцами фаты, рассматриваю жемчужные бусинки. Фата жесткая, будто спита из наждачной бумаги. От нее веет холодом.

“Мне оно не нравится!” — кричу я.

Глеб снова заглядывает ко мне. Я смотрю на его лицо и едва сдерживаюсь, чтобы не рассмеяться. “Ну, подруга!..” — произносит Глеб и не находит, что еще сказать.

***

Ложь омерзительна. Я сажусь писать письмо Сергею. Пишу первую строчку, затем вторую и тут ловлю себя на том, что внимательно просматриваю каждое слово, боясь нечаянно написать про то, как мы с Глебом сегодня покупали обручальные кольца.

Я рву письмо на мелкие кусочки, швыряю обрывки на пол и роняю голову на руки. Лгать невыносимо! Невыносимо! Но как написать правду? Из каких слов ее выковать, чтобы она не поранила его сердце? “Извини, любимый, я выхожу замуж за Глеба, но все равно люблю тебя”? Признание идиотки!

Мне бы такие нервы, как у Кати! Она, не терзаясь слишком, написала ему: “Я слабая женщина, я не могу тебя ждать”.

Но ведь я не слабая женщина!

***

Прихожу на работу и ничего не могу понять. За моим прилавком стоит незнакомая мадам. “А что вы здесь делаете?” — спрашиваю. А она отвечает: “Как что? Работаю!”

Я иду по залу. Девчонки, словно сговорившись, прячут глаза, молчат, не здороваются. Меня что, уволили за нарушение трудовой дисциплины?

Ситуация настолько странная, что мне стано-

вится смешно. Я захожу в кабинет к Манасяну. "Отари Арутюнович! — весело говорю я. — Что происходит?" Директор снимает очки, кладет на стол и с удивлением смотрит на меня. "Как что? — пожимает он плечами. — Ты же уволилась по собственному желанию!"

Я недоуменно хлопаю глазами и сажусь на стул. А директор рассказывает: "Приехал твой... как его... крутой парень..." "Глеб", — подсказываю я. "Ну да. Глеб, — кивает Манасян. — Врывается ко мне и заявляет, что ты не желаешь здесь больше работать, что твоей ноги в этом поганом магазине больше не будет..."

Он тоже переживает, на его лбу выступают капельки пота, полные губы дрожат. "День ждем тебя — нет. Два ждем — нет", — бормочет он. "Я была на больничном, — отвечаю я. — Вам должны были передать..."

Манасян пожимает плечами. Я поднимаюсь и молча выхожу. Иду по торговому залу, как по раскаленной плите. Никто из продавщиц не хочет встречаться со мной взглядом. Я понимаю: их ослепила зависть. Какая нелепость! Я несчастна, но никто этого не замечает. У всех перед глазами лишь марка автомобиля, на котором приезжал Глеб.

***

...ЗИЛ полыхал, как факел. Он стоял посреди дороги, преграждая путь колонне. Красные трассеры плели в воздухе гигантскую паутину. Командир группы, вжимаясь всем телом в снег, кричал бойцам, чтобы они оставили технику и отходили к кювету. Радиостанция, торчащая в его жилете, работала на прием, и в эфире сквозь треск помех звучал разъяренный голос начальника штаба: "Вот так из-за вас погибают люди!.. Вы ответите... Ищите с ним связь... Дайте возможность группе подойти..."

"Вертушки" густо осыпали склоны ракетами. После каждого захода редкий лес тонул в огне и грохоте. Бойцы обнимались с землей, накрывали головы бушлатами, рюкзаками или просто ладонями, пытаясь уберечься от осколков.

Вертолеты ушли, но колонна снова начала купаться в свинцовом душе. Сергей охрип от крика. Водитель бронетранспортера не слышал его и никак не мог понять, как столкнуть горящий ЗИЛ с дороги. Он таранил объятые пламенем борта, словно факир, играющий горячей булавой. Пулеметчик дрожал вместе со своим мощным оружием, стреляя не целясь, поливая весенний лес пулями. Во все стороны летели щепки и ветки; раненые деревья качались и стонали. Бородатый корректировщик лежал на рифленом передке боевой машины лицом к небу и, приставив приклад автомата к груди, строчил частыми очередями. Ответные пули цокали по броне. Черная фара на башне превратилась в дуршлаг.

Рядом горел бензин, полыхал кузов подбитого фургона. Под бетонной аркой стоял опустевший бронетранспортер с развороченными скатами, с распахнутыми люками, похожими на рыбы плавники...

***

Глеб раскрывает органайзер в черном кожаном переплете и водит кончиком карандаша по календарю. "Так, — бормочет он. — Двенадцатого у меня переговоры. Тринадцатого я занимаюсь растаможкой. Четырнадцатого, это суббота, у меня с ребятами бильярд и сауна, святой день. Пятнадцатое... Вот, пожалуй, пятнадцатого мы с тобой и распишемся. Столик в "Трех кабанов" я закажу. Гости, тамада, музыка — это все мелочь..." "Нет, — говорю я. — Пятнадцатого не получится".

Глеб вскидывает брови. "Вас ист лос? — произносит он. — В чем дело?" "Я хочу дождаться, когда маму выпишут", — объясняю я. "А чего ее дожидаться? — пожимает плечами Глеб. — Она почти выздоровела. Все у нее хорошо". "Я буду ждать, когда выпишут маму!" — упрямо повторяю я.

***

Никогда прежде я не ощущала в полной мере, что такое сгорать со стыда. Выходим мы вместе с Глебом из "Тименя", и я нос к носу сталкиваюсь с Димой. Я замираю на месте как вкопанная. Дима узнает меня, целует руку, что-то спрашивает, а у меня ноги подкашиваются и голова кружится.

Глеб с недовольным видом несет коробки к машине. Дима провожает его взглядом, затем смотрит на табличку магазина и переводит на меня недоуменный взгляд. "Тебя можно поздравить?" — тихо спрашивает он и меняется в лице. Я, как дура, пожимаю плечами.

Дима откашливается, зачем-то смотрит по сторонам. Глеб высовывается из машины и кричит: "Тебя долго ждать?!"

Дима пристально смотрит мне в глаза. Я не выдерживаю этого взгляда. "Сергей знает?" — спрашивает он. Я отрицательно качаю головой, и мне кажется, что земля проваливается подо мной. Боже, сколько эмоций появляется на лице Димы! Он не может поверить тому, что видит и слышит.

Глеб, действуя на нервы, начинает сигналить. "Твой жених? — спрашивает Дима. — Хороший парень".

Его слова рвут мое сердце на части. Я понимаю, что долго не выдержу и сейчас упаду. "У меня к тебе большая просьба, — с трудом произношу я. Язык не поворачивается, скулы сводит. — Пожалуйста, если можешь, напиши Сереже сам... Я пробовала, но... но не могу этого сделать..." "Хорошо", — отвечает Дима. Его лицо серое и злое. Он рассматривает мои глаза, словно хочет понять, где в человеке прячется измена. Затем поворачивается и молча уходит.

"Ты что, к водосточной трубе приросла?" — кричит Глеб.

Я смотрю Диме в спину. "Вот и все, — мысленно повторяю я. — Вот и все. Самое страшное позади. Остается только терпеть и ждать. Время все залечит..."

Я думаю так, а у самой сердце замирает. И тут я представила, что это не Дима, а Сергей от меня уходит. Мой любимый, родной, единственный. Мой вер-

ный, сильный и мужественный человек. Уходит навсегда, навеки...

Я срываюсь с места, словно на соревнованиях по спринтерскому бегу. Бегу, едва не падая, за Димой, что-то кричу. Он оборачивается. Я останавливаюсь, пытаюсь справиться с дыханием.

“Не надо, — бормочу я. — Я передумала. Я сама. Ты вообще ничего ему не пиши...”

Поворачиваюсь и медленно иду к машине. Глеб дает задний ход. BMW подруливает ко мне. Я продолжаю идти, не замечая ничего вокруг, а машина неотступно движется рядом.

***

К вечеру они вернулись на базу. Сергей скинул на пол жилет с пустыми магазинами и затолкал его ногой под койку. Есть не хотелось, и он пошел спросить, не было ли для него писем. Потом спустился к реке, намылил помазок и долго рассматривал свое почерневшее лицо в осколке зеркала.

Бойцы мылись, согревали чай на чадящих соляриках, вытаскивали из своих рюкзаков консервные банки, откуда-то появились бутылки с водкой, кто-то расставлял на газете и пересчитывал эмалированные кружки. Неподдалеку, на речном каменистом острове, энтузиасты подвесили на палках барашка, вспороли ему брюхо, вывалив синие внутренности, а потом стали сдирать шкуру, хватаясь за желтую шерсть. Было спокойно, устало-удовлетворенно и даже весело. И сыпались за импровизированным столом боевые истории одна невероятнее другой, и ржали, гоготали небритые дядьки в выцветших тельняшках, и кого-то толкали в речку прямо в одежде под лай развеселившихся овчарок... А потом еще раз наполнили кружки, замолчали, притихли, посуровели. И по очереди стали называть фамилии тех, кого сегодня не стало. Поднялись, не чокаясь выпили по глотку вонючей самопальной водки. Покурили молча, поглазели на темнеющие тихие горы, разобрали кружки и пошли по палаткам...

Сергей уснул сразу. Вторую неделю он не получал писем от любимой.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Это я поняла недавно: когда на душе очень тяжело и ситуация кажется безвыходной, надо расслабиться, перестать лгать и лицемерить, и тогда Бог подскажет, что делать.

Я держу в руке горящую свечу и не свожу взгляда с пламени. Воск плавится и напоминает слезы. Огонек изгибается, словно танцовщица в ослепительно желтом сари. Голоса хора отзываются эхом под высокими сводами. На меня смотрят лики святых, но я спокойна. Душа моя открыта, намерения чисты.

Я даже не замечаю Глеба. Он где-то рядом. Его желовесная фигура в темном костюме напоминает тень. Хор тянет высокие ноты. Я почти не разбираю слов, но испытываю легкий трепет, и пальцы невольно тянутся ко лбу. Глеб поворачивает голову и с

иронией смотрит на меня. Он принципиально не крестится. Венчание для него — всего лишь модный обряд. Он все время повторяет, что ненавидит лицемеров, которые ходят в церковь и корчат из себя кающихся грешников. Я с ним согласна, хотя его слова о лицемерии — тоже лицемерие. Глеб позер, он озабочен только тем, чтобы заострить мое внимание на своей уникальности, независимости и самостоятельности.

Священник стоит напротив нас и нараспев читает псалмы. Он кажется мне уставшим. Наверное, ему каждый день приходится венчать пары, подобные нам, и потому он не обращает внимания на беспрестанный писк мобильного телефона, который доносится из кармана шафера. Я стараюсь не смотреть на этого упитанного детину, с коротким “ёжиком” на голове. Он так сильно похож на пингвина, что я боюсь рассмеяться. Челюсть шафера беспрерывно движется. Он жует жвачку и тупо смотрит на иконостас.

Священник отрывает взгляд от Библии и подходит к нам. Глаза у него умные и пронзительные. Я чувствую, как свеча медленно проскальзывает через мой кулак. Сжимаю пальцы еще сильнее, но это мало помогает. Пламя свечи трещит и волнуется. Священник продолжает ритуал. Монотонным голосом, в котором нет ни любопытства, ни сомнения в ответе, он спрашивает у Глеба:

“Не давали ли вы кому-либо обещания жениться?”

Глеб улыбается и разводит руками:

“Естественно, нет!”

Священник поворачивается ко мне. Я смотрю на его бороду с проседью, на глаза, чуть прикрытые густыми бровями. Священник подносит к моему лицу серебряный крест.

“Не давали ли вы кому-либо обещания выйти замуж?”

“Давала”, — спокойно отвечаю я. Крест опускается. Священник смотрит на меня с недоумением. Глеб поворачивает ко мне лицо. Шафер перестает жевать и глупо моргает. Отлаженный сценарий дал сбой.

“Не понимаю, — произносит священник очень тихо. Он еще надеется на то, что я не поняла его вопроса, что недоразумение сейчас разрешится. — Вы собираетесь стать женой Глеба по своей воле?”

“Нет, не по своей”, — упрямо отвечаю я, ибо это правда.

“Ты что несешь? — сердито произносит Глеб и трогает меня за плечо. — Тебе плохо?”

“Да, плохо!”

Священник отходит от нас, закрывает Библию, кладет на нее крест. Хор замолкает. В церкви повисает гробовая тишина.

“Я не могу продолжать обряд венчания”, — говорит священник.

“Что значит не можете?! — возмущается Глеб. — Я заплачу! Не слушайте ее, она не понимает, что говорит! Сколько вам дать баксов? Сто? Двести?”

Все, скандал обеспечен.

“Это невозможно”, — спокойно отвечает священник.

Я с облегчением задуваю свечу и кладу ее на маленький столик, похожий на подставку для нотной тетради. Шафер начинает жевать с удвоенной силой. Кажется, он с трудом скрывает улыбку. Такого прикола он еще не видел.

Глеб хватается меня под руку и выводит из церкви. Я едва не наступаю на подол платья. На ступеньках у меня подворачивается каблук. Я снимаю туфли и иду босиком.

“Ты вела себя как идиотка!” — сквозь зубы произносит Глеб. Его лицо красное, злое.

“Мне больно! — отвечаю я. — Отпусти мою руку!”

“Тебе еще не так больно будет!” — угрожает Глеб.

Две старушки в белых платках с любопытством смотрят на нас. На асфальте пузурятся крупные капли дождя. Я вырываюсь и с удовольствием выбегаю под ливень. Босиком по лужам — это такое наслаждение!

Глеб на мгновение задерживается под козырьком, затем поднимает воротник пиджака, втягивает голову в плечи и бежит за мной. Он наступает на фату, которая волочится за мной как тряпка. Я срываю ее и закидываю в кусты. Останавливаюсь под деревом, чтобы перевести дух.

Глеб берет меня за плечи и прижимает спиной к шершавому стволу, Его лицо мокрое и растерянное. Он тяжело и часто дышит. Кажется, что он только что плакал навзрыд. Галстук съехал в сторону, на мочке уха дрожит мутная капля.

Мне вдруг становится его жалко. Я опускаю глаза.

“Зачем ты так? — тихо произносит Глеб. — Неужели не могла сказать, что ничего никому не обещала?”

“Семейную жизнь нельзя начинать со лжи, — отвечаю я. — Бог накажет нас за это. Прости меня...”

Он сжимает зубы. Его скулы напрягаются. Но возразить Глебу нечего.

Ухмыляясь, к нам подходит шафер. Он открывает шампанское, разбрызгивая пену вокруг себя, и с жадностью прижимается губами к горлышку.

***

“Ну, — произносит Катя, напряженно улыбаясь, и поднимает на меня пытливый взгляд. — Я тебя внимательно слушаю”.

Она берет тонкими пальцами чашечку с кофе и, обжигаясь, делает глоток. Потом еще один, еще... Она нервничает. Она не знает, зачем я пригласила ее в кафе и о чем собираюсь с ней говорить.

Но я вовсе не испытываю ее терпение. Я просто не знаю, с чего начать.

“Прости меня”, — говорю я и опускаю ладонь на холодную руку Кати.

Она с подозрением смотрит на меня. В ее взгляде настороженность. Она ждет от меня какого-то подвоха. Чтобы как-то скрыть свою нервозность, Катя торопливо достает из пачки сигарету и чиркает зажигалкой, пытаясь прикурить. Сигарета все время гаснет. Катя кидает ее в пепельницу.

“Я была не права, — с трудом произношу я и чувствую, как к горлу подкатывает комок. — Я отобрала

у тебя парня. Я думала, что смогу заменить тебя. Но получилось так, что... что...”

Нет, надо держаться. Нельзя давать слезам волю. Никто не поймет меня так, как Катя. Я должна спокойно и последовательно рассказать ей обо всем.

Катя смотрит на меня уже с удивлением. В ее взгляде гаснут последние искры недоверия.

“Что случилось?” — поторапливает она меня, от нетерпения теребя зажигалку. Я делаю глубокий вздох.

“Получилось так, что я не могу быть с Сергеем. Ты просила, чтобы я оставила его в покое. Так вот. Я его оставляю”.

Чтобы не разрыдаться, я решительно встаю и направляюсь к стойке. Я заказываю бокал коньяка и выпиваю его залпом. Я ведь десятки раз повторяла в уме эти слова. Но почему стоило их произнести вслух, чтобы почувствовать эту невыносимую боль? Она, наверное, сойдет с ума от радости, думаю я, глядя в пустой бокал. Она, наверное, сейчас встанет и быстро уйдет. Она побежит на почту, чтобы написать ему письмо. И в нем будут одни восклицательные знаки. Торжество справедливости...

Я оборачиваюсь. Катя продолжает сидеть. Она не сводит с меня глаз... Почему я раньше так холодно относилась к ней? Я была самоуверенной, я считала, что для счастья достаточно любить и быть сильной. Я презирала Катю. А теперь... теперь... У нее красивые глаза. У нее прекрасная фигура. Она искренняя. Такая девушка достойна Сергея.

Я возвращалось за стол. Достая сигарету, неумело закуриваю.

“Ты что?! — шепчет Катя, глядя на меня широко раскрытыми глазами. — Ты же убьешь его!”

“Почему? — мягко возражаю я. — У него опять будешь ты”.

Меня удивляет поведение. Кати. Вместо того чтобы прыгать от радости, она с состраданием смотрит на меня.

“Ты с ума сошла”, — шепчет Катя.

“А разве ты не просила меня забыть его? Разве не угрожала?”

Катя сдавливает мою руку и смотрит на меня с мольбой. Она хочет, чтобы я замолчала. Ей невыносимо слышать эти слова.

“Да, да, — шепчет она и покусывает губы. — Так было. Так было... Но теперь я понимаю... Ничего не вернешь. Мой поезд ушел. Он не любит меня, вот в чем вся беда. Засохшую розу не оживить...”

Она закрывает глаза. По щеке скатывается слеза. Кажется, у нее поплыла тушь.

Мы некоторое время молчим. И тут Катя снова хватается меня за руку.

“Но почему? — едва не срываясь на крик, спрашивает она. — Что случилось?! Как ты можешь отказать от него?!”

Я ждала этого вопроса. И начинаю подробно рассказывать о своей жизни. Про Глеба, про маму, про операцию стоимостью тридцать тысяч долларов. Катя слушает меня молча, ни на мгновение не сводя с меня глаз. С каким облегчением я рассказывала ей о своей боли! Как давно мне не хватало человека, ко-

торый бы мог выслушать меня, не перебивая.

Проходит несколько минут, и мы сидим обнявшись, активно теребя носовые платки.

“Какая же ты дура, — говорит Катя. — Я бы наплевала на этот долг. Он же тебе сказал — безвозмездно. То есть даром... Как в мультфильме!”

Но я отрицательно качаю головой. Она не знает Глеба. Он ничего не делает безвозмездно.

“Почему ты не написала Сергею об этом?” — допытывается Катя.

“А что я могла ему написать? — с возмущением говорю я. — Что на мне висит долг в тридцать тысяч долларов? Да он не задумываясь продал бы свою квартиру!”

“Нет, так нельзя! — волнуясь, говорит Катя. Она вскакивает со стула, но тотчас снова садится. — Послушай! А почему бы тебе не поехать к нему? Встреться, расскажешь обо всем. Спокойно обсудите проблему и найдете выход”.

“Как это — поехать к нему? — не понимаю я. — Куда поехать?”

“Куда-куда?! — передразнивает Катя. — В Чечню!”

Я смотрю на Катю и ничего не понимаю.

“А разве это возможно?”

“А почему бы нет?! — весело говорит Катя. — Добираешься поездом до Северной Осетии, а там до Чечни рукой подать. Военные или омововцы помогут его разыскать”.

Я смотрю на Катю, и на душе у меня становится светлее с каждым мгновением. Мне не хочется с ней расставаться.

***

Я встречаю маму в Шереметьево. Вижу ее. Она заметно похудела, но на лице появился здоровый румянец. Во взгляде что-то неуловимо изменилось. Мы долго держим друг друга в объятиях. Молчим. Говорить не хочется. Слова лишние.

Дома она подогу и внимательно рассматривает давно привычные вещи, словно видит их впервые. Я с удивлением наблюдаю за ней. Мама ходит по квартире, как по музею. Потом надолго останавливается у окна и смотрит на старый тополь, едва покрывшийся молодой клейкой листвой.

“Ты знаешь, — говорит она, — я не узнаю наш дом. Все другое...”

Я хочу возразить, но мама жестом останавливает меня.

“Это удивительное чувство, и ты, наверное, не сможешь меня понять... Какое счастье жить в ладу со своей совестью! Выслушай меня. Не спорь, прими мои слова как истину. Живи и каждое мгновение радуйся жизни. Радуйся этим листьям, дождю, солнцу, ветру, смеху дочери. Нет ничего важнее этого. Все остальное — наносное, временное... Как жаль, что я только теперь это поняла”.

Она не спрашивает о Глебе, словно начисто забыла о его существовании. И я волнуюсь, не зная, с чего начать, как подготовиться ей.

Мы пьем чай. Мама делает глоток, прислушиваясь к аромату бергамота. Потом отставляет чашку и

смотрит мне в глаза. Мне кажется, она читает мои мысли.

“По-моему, ты хочешь мне что-то сказать”.

Молчать дальше нет смысла.

“Я должна поехать в Чечню”, — на одном дыхании объявляю я и сжимаюсь в комок в ожидании ответной реакции.

Но мама остается невозмутимой, будто я сказала ей о поездке в дом отдыха.

“Правильно, — говорит она и смотрит в окно. — Все правильно”.

Я не верю своим ушам!

***

В купе, кроме меня, двое молчаливых мужчин, которые беспрестанно выходят курить, и немолодая женщина. Она полная, голова повязана платком, говорит с акцентом, и глаза ее грустные. Она называет меня дочкой, предлагает бутерброды с холодной бараниной, но в душу не лезет и не спрашивает, куда и зачем я еду.

Мы пощипываем курицу и смотрим в окно. Женщина негромко рассказывает о своей жизни. Мне кажется, она говорит не столько для меня, сколько для себя. Ее голос усталый, чуть хриплый. У нее дом в Нагорном. Крышу снесло реактивным снарядом, а граната вышибла оконные рамы. Муж погиб во время перестрелки между федералами и бандой. Она не знает, чья именно пуля оборвала его жизнь, но это для нее не имеет значения. Она проклинает войну и не может забыть мужа.

Я молчу и слушаю исповедь этой незнакомой женщины. Мне хочется рассказать ей о том, как я люблю Сергея, как складывающиеся обстоятельства не дают нам быть вместе. Мне кажется, она бы поняла меня, потому что говорит, в общем-то, о том же: о войне и любви.

***

Моздок. Пыльный перрон. Военные патрули. Шеренги солдат. Отрывисто звучат команды. Суета, бегодня. Я стою с разинутым ртом и смотрю по сторонам. Меня толкают. Я всем мешаю. Меня трогает за плечо моя попутчица.

“Тебе куда?”

“В Чечню”, — отвечаю.

Она не удивляется. Закидывает на плечо увесистую сумку и кивает головой, приглашая идти за собой.

Мы выходим на привокзальную площадь. Женщина о чем-то спрашивает у проходящих мимо мужчин. Ей коротко отвечают, машут руками куда-то в сторону. Я едва успеваю отскочить — грохоча колесами, по площади пронесется грузовик. В его кузове уже полно людей, но грузовик останавливается. Наверх летят мешки и сумки. Женщины и белобородые старики штурмуют кузов. Те, кто сидит наверху, протягивают им руки. Моя попутчица толкает меня в спину и кричит:

“Не спи!”

Я лезу в кузов, до конца не понимая, то ли делаю и чем все это для меня закончится. Какой-то стари-

чок в папахе, в пиджаке с орденскими планками по-двигается и кивает на скамейку. Я сажусь с ним рядом. Старик с любопытством рассматривает меня. Грузовик трогается с места. Пыль, ветер в лицо. По-ехали!

Я смотрю на улицы, на военные машины и вглядываюсь в лица людей в форме. Мне кажется, что Сергей где-то рядом, что здесь его все знают и стоит только назвать его имя, как любой солдат или офицер кивнет и скажет: "Да я его только что видел!"

***

Контрольно-пропускной пункт. У шлагбаума стоят военные в бронежилетах и касках. Они напоминают закованных в латы рыцарей. У каждого на плече автомат. Рядом — бронированная машина. Устремленная в небо антенна раскачивается, словно хлыст. Овчарка на поводке обнюхивает какие-то мешки и сумки. Над нашими головами с грохотом проносится вертолет. На мгновение накрыв нас тенью, он делает вираж и скрывается за горой. Я улавливаю запах гари.

Здесь война чувствуется особенно. Я очень волнуюсь. Молодой офицер с посеревшим от солнца и пыли лицом внимательно изучает мой паспорт.

"Куда направляемся?"

Это для меня самый трудный вопрос. Боясь показаться не вполне нормальной, я уверенным голосом отвечаю:

"К своему жениху. К Сергею Рябцеву".

Военный поднимает на меня насмешливый взгляд.

"К какому еще Сергею?"

Мне кажется это невероятным, но фамилия Сергея ему не знакома. Я пытаюсь что-то объяснить, но у военного нет времени слушать меня. Он передает мой паспорт своему помощнику и кивает на зеленый вагончик, металлический бок которого изрешечен пулями.

"Отойдите в сторонку!"

Шлагбаум поднимается, и грузовик, на котором я приехала, трогается с места. Моя попутчица машет мне рукой. На мои глаза наворачиваются слезы.

Хочется выть от досады. Неужели меня не пропустят? Я уже так близко от Сергея! Может, он где-то совсем рядом, в окопах, которые коричневым пунктиром тянутся вдоль дороги?

***

Я стою в вагончике, провонявшем сигаретами, и боюсь поднять глаза. Солдаты, сидящие на топчане, пьют чай из металлических кружек и откровенно пялятся на меня. Кто-то предлагает мне стул, но я не реагирую.

Наконец заходит тот молодой офицер, который отобрал у меня паспорт.

"Пожалуйста, объясните мне, куда вы хотите ехать?" — вежливо спрашивает он, подходит к столу и наливает в кружку из черного закопченного чайника.

Путаясь и заикаясь, я говорю про сержанта Сергея Рябцева, который служит где-то в Чечне, о том,

что я его невеста и мне обязательно надо его увидеть.

Солдаты дружно гогочут. Кажется, я краснею и едва сдерживаюсь, чтобы не расплакаться. Офицер жестом руки обрывает смех. Он берет мой паспорт, еще раз мельком смотрит на мою фотографию и протягивает документ мне.

"Вот что, невеста, — говорит он, и лицо его вдруг становится жестким. — Поезжай-ка ты в Москву. И чем быстрее, тем лучше".

"Как это — в Москву? — бормочу я. — Мне надо увидеть Сергея. Вы знаете его?"

"Если б Хаттаба, — отозвался кто-то из солдат. — А Сергеев у нас много..."

"Здесь идет война, милая! — говорит офицер. — Это же не Сочи и не Крым! Ты понимаешь, куда приехала?"

"Понимаю", — отвечаю я, а на глазах уже слезы.

"А раз понимаешь, — говорит офицер и ставит кружку на стол, — так давай побыстрее выметайся. Сейчас автобус в Моздок пойдет, я тебя посажу".

Я выхожу из вагончика, словно во сне. Все вокруг меня плывет. Я почти слепая. Едва волочу ноги по пыли. Нашла какой-то валун, села на него и разрыдалась.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Я чувствую себя несчастной и мысленно ругаю и себя, такую непутевую, и Катю за то, что толкнула меня на эту авантюру. Вот уже час сижу на камне рядом со шлагбаумом, глядя на грузовики, бронированные машины, КамАЗы, которые пылят мимо, и мои глаза все никак не просыхают.

Молодой офицер без усталости проверяет документы у всех, кто проходит контрольный пост. День катится к закату, и людей немного поубавилось. Он изредка поглядывает на меня. Наверное, я уже намозолила ему глаза своим присутствием.

Ко мне подходит солдат в тельняшке-безрукавке. У него смешно торчат уши. Он улыбается и становится еще смешнее. Я вытираю слезы.

"Хотите чаю? — спрашивает он и, не дождавшись ответа, опускается рядом на корточки. — А вы из самой Москвы, да? А какая там сейчас погода?"

Я отвечаю, и тяжесть с души постепенно сходит. Солдат закуривает и играет мускулами, чтобы понравиться мне. Я улыбаюсь. Мальчишка!

"Здесь война, понимаете, — голосом бывалого воина объясняет он. — Чрезвычайно опасно. Не исключены диверсии и ночные обстрелы. Бандформирования активизируют теракты... А этот ваш... ну, к кому вы едете, где служите?"

"В Чечне".

"Я понимаю, что не в Сочи. В каком подразделении?"

"В ОМОНе".

"В каком ОМОНе?"

Я пожимаю плечами.

"Кажется, подмосковном".

"Подмосковный хорошо воюет", — со знанием дела говорит он.

“Естественно!” — ревниво добавляю я.

Моего нового знакомого окликают, и он вразвалку идет к “Газели” проверять мешки с мукой.

Я чувствую пустоту в душе и бесконечную усталость. Небо постепенно окрашивается в розовый цвет. В низине за постом сгущается туман. Ко мне приближается крупная овчарка. Миролюбиво помахивая хвостом, она обнюхивает мои колени. Я вспоминаю, как сослуживец Сергея рассказывал: “А если наши псы к нам приткнутся, то вообще благодать! Знаете, как с овчарками в обнимку тепло?”

Я невольно тереблю собаку за загривок, смотрю в ее добрые, умные глаза.

“Ты не знаешь, где мой любимый?” — спрашиваю я.

Мне кажется, овчарка знает, только ответить не может.

***

Наверное, я задремала и потому вздрогнула, когда офицер тронул меня за плечо.

“Бог с тобой! — говорит он. — Быстро запрыгивай на эту БМП, полезай в люк и сиди там, как мышь!”

Я смотрю по сторонам, хлопаю глазами и не понимаю, о чем речь. А он уже берет меня под локоть и ведет к бронированной машине, от которой тянет жаром и горьким запахом выхлопов.

“Но имей в виду: я тебя на броню не сажал, ты сделала это по своей воле...”

“А куда он едет?” — кричу я, стараясь пересилить гул мотора, но офицер отмахивается от меня и растворяется в пылевом облаке.

С БМП мне уже протягивают руки.

“Быстрее!” — поторапливают солдаты.

Бронированная машина рычит на холостых оборотах. Я ставлю ногу на гусеницу и хватаюсь за руку в кожаной перчатке без пальцев. Меня легко затаскивают на броню. Не успеваю я взяться за крышку люка, как машина резко трогается с места. Гусеницы с лязгом подминают под себя грунтовую дорогу. Грохот стоит неимоверный. От едкого выхлопа у меня слезятся глаза.

Мы мчимся по степи. Я медленно прихожу в себя и начинаю оглядываться. Вокруг меня, опираясь на стволы автоматов, сидят парни в камуфляжных комбинезонах с почерневшими от копоти лицами и напряженно всматриваются вперед. Из карманов безрукавок торчат магазины, ребристые гранаты и какие-то трубки, похожие на петарды. Рослый детина в черном платке, повязанном на лысой голове, толкает меня в плечо и протягивает кусок поролона. Я сажусь на это импровизированное сиденье и опускаю ноги в черную утробу люка. Ощущения фантастические! Мне кажется, что БМП и сидящие на броне солдаты — единый могучий организм, а я — его частица.

“Из какой газеты?” — кричит мне в ухо голубоглазый солдат с белесыми ресницами.

Я только сейчас понимаю, что офицер с контрольного пункта выдал меня за журналистку. Приходится играть эту роль.

“Орден любви”, — отвечаю я.

Солдат пожимает плечами:

“Первый раз о такой слышу. А почему вы хотите написать именно про подмосковный ОМОН? Напишите про нас. Вчера ночью мы банду взяли. Пятнадцать человек...”

БМП съезжает в овраг. Воздух здесь сырой и холодный. Сворачиваем в лесок, а затем выезжаем на узкую грунтовку. Впереди мост. Перед ним теснятся боевые машины, бегают солдаты с носилками, что-то чадит.

Наша машина сбавляет ход. Мне открывается страшное зрелище. В кювете с развороченным днищем лежит грузовик. Стекла выбиты, кузов покорежен, клубится черный дым. Рядом, на обочине, окровавленные тела людей. У меня все холодеет внутри, и я с ужасом узнаю лица некоторых из них. Седобородый старик в пиджаке с орденскими планками смотрит в небо остекленевшими глазами. Недалеко от него, поджав к животу колени, словно пытаюсь согреться, скорчилась моя попутчица, с которой я познакомилась в поезде. На ее щеке чернеет глубокая рана.

Я не могу сдержать крика и закрываю лицо руками. БМП останавливается. Детина в платке спрыгивает на землю, подбегает к офицеру с ввалившимися от усталости глазами. Они недолго разговаривают. Офицер размахивает руками, показывает на лес.

“Подорвался на управляемом фугасе, — говорит детина, поднявшись на броню. — Ни одного живого...”

Я плачу и долго не могу успокоиться. БМП несет по пыльной дороге туда, откуда надвигается темнота.

“За что? За что?” — бормочу я и покусываю губы от бессильной злости.

***

Из пустых бочек выложен забор. Поверх него — мешки с песком. В стене из бетонных блоков чернеет амбразура. Оттуда прямо на меня смотрит черный глаз пулеметного ствола.

“Здесь твой ОМОН!” — кивает мне детина в платке и, прижав к губам микрофон, что-то неслышно говорит. Боевая машина ревет, выпускает облако дыма и трогается с места. Солдаты вскидывают вверх автоматы и машут мне руками.

Через минуту все стихает, и кажется, что я оглохла. Я стою с сумкой на плече и смотрю на виднеющиеся за бочками пропыленные крыши палаток. Неужели мы сейчас встретимся? Неужели я сейчас смогу прижать его лицо к своей груди?

От охватившего волнения не чувствую ног. Нет сил сделать хотя бы шаг.

“Не засыпайте, девушка!” — кричит кто-то из амбразур.

Я медленно прохожу через узкую проходную. Солдат в каске и бронезилете листает мой паспорт.

“Идемте, я отведу вас к командиру!” — говорит он.

Я иду за солдатом между палаток и смотрю по сторонам. Мелькают фигуры вооруженных людей. В каждом бойце мне видится Сергей. Чем он сейчас

занят? Отдыхает? Ужинает? Может, лежит на койке и читает?

Из палаток доносится смех. Кто-то бренчит на гитаре и негромко поет. Двое крепких парней, обмотав руки эластичными бинтами, боксируют. Парень в тельняшке сидит на скамейке и вдевает нитку в иголку. Он провожает меня таким взглядом, словно хорошо знает, кто я и кого здесь ищу.

Мы сворачиваем и подходим к фанерному вагончику. На ступеньках худощавый молодой мужчина протирает ветошью промасленные детали автомата. Он в шлепанцах и спортивных брюках. Обнаженный торс отликает бронзой. На шее висит серебряный крестик. Это и есть командир. Минуту он рассматривает меня, а затем его интерес ко мне угасает. Ударом ладони загоняет на место крышку и передергивает затвор. Несколько мгновений он любуется автоматом, сверкающим свежей смазкой.

“Что вам надо?” — не слишком любезно спрашивает он.

Я отвечаю, что приехала к сержанту Рябцеву. Командир нажимает на спусковой крючок и ставит автомат на предохранитель.

“Они уехали сегодня утром”, — равнодушно отвечает он мне и кладет автомат на колени.

“Как уехав?” — едва слышно говорю я.

“Как обычно. Колонной”.

“Куда?”

“На кудыкину гору”, — отвечает он и поднимается, словно хочет сказать, что разговор окончен.

Я стою как соляной столб. Кажется, что слез уже нет и чувства все умерли.

“Вы говорите правду? — без всякой надежды спрашиваю я. — С ним ничего не случилось? С ним в порядке?”

Не знаю, что там с моим лицом, но на командира оно, кажется, произвело впечатление. Он скривился, будто проглотил горькую пилюлю, открыл дверь и кивнул:

“Зайди!”

Мы оказываемся в маленьком помещении, пропахшем сигаретами и оружейной смазкой. Командир достает из коробки банку тушенки, вскрывает ее большим ножом, затем режет хлеб, луковичу, наливает в стакан немного водки.

“Поешь”.

Я машинально опускаюсь на стул, смотрю на свое отражение в осколке зеркала. Потом беру вилку и ковырью ею в банке. Аппетита нет, но я заставляю себя съесть несколько кусочков мяса.

Командир садится на топчан, застеленный синим солдатским одеялом, и смотрит на меня.

“Любовь? — спрашивает он и, не дожидаясь ответа, добавляет: — Все это химера, девочка. Ты любишь сказку. На войне любить невозможно. Это все равно что пытаться вырастить цветы на ядерном реакторе...”

Голос его усталый и чуть хриплый.

“Война — это табу для женщин. Ты должна была ждать его там, далеко, где помытые перроны, духовой оркестр и лживые корреспонденты телевиде-

ния... А здесь твоя любовь обречена. Тебя ожидает глубокое разочарование...”

“Выпейте со мной”, — перебиваю я командира и беру стакан.

Он встает, подходит ко мне, берет бутылку, но тотчас ставит ее на место.

“Ночуй здесь, — говорит он, подходя к двери. — Простыни относительно свежие. Можешь запереть дверь кочергой... В общем, ничего не бойся”.

Он вышел, а я еще долго сидела в оцепенении, глядя в осколок зеркала.

***

Сон был чуткий, поверхностный, и от тихого стука в окно я сразу проснулась, вскочила, приладила волосы. Рассвет едва набирал силу. Сквозь запотевшее стекло я увидела расплывчатую фигуру командира.

“Они у питерцев, — сказал командир, когда я вышла на крыльцо. — Только вернулись с реализации... Можно попытаться проскочить к ним, если, конечно, ты не передумала”.

“Я не передумала!” — решительно сказала я.

Командир посмотрел на меня долгим взглядом.

“Где бы мне такую жену найти, как ты?” — тихо произнес он.

“Там, где помытые перроны и духовой оркестр”, — ответила я.

Он посадил меня на заднее сиденье УАЗа. Водитель, устроившись за рулем, надел через голову бронежилет и приготовил к бою автомат. Рядом с ним сел плечистый парень, обвешанный гранатами, как новогодняя елка игрушками.

“Пулей!” — наказал им командир и погрозил пальцем.

“Сделаем, товарищ подполковник!” — заверил плечистый.

Мы поехали. Грунтовка юркнула в лес. Стало сумрачно. Меня знобило то ли от холода, то ли от волнения.

“А что такое реализация?” — спросила я у парней.

Они переглянулись и, кажется, усмехнулись. Ответа я не дождалась. УАЗ подскочил на ухабине, и я едва не стукнулась темечком о металлическую раму. Водитель вдруг подался вперед, почти прижавшись лбом к стеклу.

“А это еще кто?” — пробормотал он.

Я тоже посмотрела вперед. В предракетном сумраке двигались смутные тени. Машина продолжала мчаться вперед, и вскоре я увидела, как из лесу на дорогу выбежали люди с оружием в руках.

“Духи!” — крикнул плечистый, вскидывая автомат. — Гони!”

Он приоткрыл дверь и вместе с автоматом высунулся наружу. Водитель вдавил педаль газа до пола. Я даже не успела испугаться, как по ушам ударила звонкая автоматная дробь.

“Пригнись!” — крикнул мне водитель.

Я ружнула на сиденье и от страха накрыла голову сумкой. Машину кидало во все стороны, мотор ревел, как разъяренный бык, со всех сторон грохотали оглушительные выстрелы, мне на спину сыпались горячие гильзы.

Этот кошмар продолжался несколько томительных минут. Потом стрельба внезапно стихла. Я приподняла голову. Плечистый захлопнул дверь, но автомат все еще крепко сжимал в руках и смотрел назад через маленькое запыленное окошко.

“В рубашке родилась! — сказал он мне. — Считаю, со смертью поцеловалась”.

“Мне погибать нельзя. — ответила я ему. — Я обязательно должна Сергея Рябцева увидеть”.

***

Мы въезжаем в какую-то деревушку и вскоре останавливаемся у железных ворот. Водитель нетерпеливо сигналил. Ворота раскрываются, и УАЗ вкатывается во двор. Кажется, когда-то это была школа или училище, а теперь здесь размещается подразделение. Забыв обо мне, мои сопровождающие выскакивают из машины и бегут докладывать о происшествии в лесу.

Едва я выхожу из машины и закидываю сумку на плечо, как все вокруг приходит в движение. Одновременно заводятся три бронированные машины, стоящие во дворе. Застегивая на ходу амуницию, к ним бегут бойцы. Кладут автоматы, звучат отрывистые команды. И вот машины с бойцами на броне выезжают со двора. Проходит еще минута, и я остаюсь во дворе одна. Смотрю на окна: вдруг мелькнет родное лицо? Поднимаюсь по ступеням, открываю скрипучую дверь.

В холле за столом, заваленном какими-то журналами, сидит офицер и кричит в телефонную трубку. Он замечает меня и машет мне рукой, чтобы я остановилась.

“Только что выехали, говорю! Да, в полном составе!.. Нет, они первыми открыли огонь... УАЗ шел без прикрытия... Хорошо!” — Он опускает трубку и лезет в карман за платком, чтобы вытереть вспотевший лоб.

“С ума с ними сойдешь, — сетует он и наконец возвращается в реальность. — Вы к кому, такая красивая и молодая?”

“Мне нужен сержант Рябцев”, — произношу я и начинаю мысленно молить Бога, чтобы он заставил этого шумного офицера сказать мне радостную весть. Но офицер смотрит на меня с удивлением и произносит:

“Так он только что выехал с отрядом. Разве вы его не встретили во дворе?”

Я отрицательно качаю головой. В груди что-то нестерпимо жжет. Глаза закрывает пелена.

“И когда он вернется?” — едва слышно спрашиваю я.

“Не думаю, что они уехали надолго, — пожимая плечами, говорит офицер. — Банду ликвидируют — и обратно. А вы пройдите к ним в комнату. Там телевизор есть, можно музыку послушать”.

Я киваю и на ватных ногах иду по коридору. Потом оборачиваюсь.

“Скажите, а это очень опасно?”

“Когда как”, — уклончиво отвечает офицер и снова хватается за телефонную трубку.

***

Я иду вдоль ряда двухъярусных коек. Останавли-

ваюсь у ветхой тумбочки с оторванной дверцей. Не могу оторвать взгляд от фотографии, приклеенной полоской липкой ленты к боковине. На фотографии — я.

Осторожно сажусь на койку, провожу ладонью по одеялу, подушке. Потом прижимаюсь к ней щекой и закрываю глаза. Все... Конец пути.

Наверное, я спала. Меня будят гул моторов и голоса. Я вскакиваю и кидаюсь к выходу.

“Приехали!” — кивает офицер, сидящий за столом.

На улице — пыль, грохот. Лязгая железом, с брони спрыгивают бойцы. Я стою на ступеньках и кручу головой, боясь пропустить Сергея. Напряжение достигает предела. С брони осторожно опускают безжизненное тело. Бойцы, стоящие внизу, принимают его и кладут на носилки. Тело прикрывают простыней. Я до боли прикусывало губу, чтобы не упасть в обморок. Двое парней берутся за носилки. Они несут их куда-то к торцу здания, под навес из рубероида. Я уже не могу сдерживать крик и бегу за ними. Останавливаюсь перед носилками, падаю на колени и сдергиваю простыню.

Незнакомое, белое, как снег, лицо парня. Глаза полуприкрыты. Между губ запеклась кровь...

Я встаю, отступаю на шаг и бормочу:

“Простите... Простите меня, ради Бога...”

Ни слова не говоря, парни уходят под навес.

Я оборачиваюсь. И вижу Сергея.

***

Он сжимает меня так, что я не могу дышать. Слезы катятся по нашим щекам. Я неистово целую его.

“Ты? Откуда? — бормочет он. — Не могу поверить... Любимая моя... Любимая...”

Я пытаюсь что-то сказать, но в горле застревает ком. Не сразу замечая, что двор опустел и на нем нет никого, кроме нас.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Мы венчались в Алхан-Юрте, в чудом уцелевшей церкви, и батюшка под охраной ребят из отряда отслужил по полной программе.

Я решила дожидаться окончания командировки Сергея в Чечне и вернуться в Москву вместе с ним. На следующее утро после шумной свадьбы я отправила с оказией два письма: одно маме, а другое Глебу.

Ответ от Глеба пришел очень скоро. Его письмо на удивление было спокойным и немного грустным. Он поздравил меня и Сергея с самым счастливым для нас днем и пожелал никогда не расставаться и всегда любить друг друга. В конце он приписал, что никаких долгов у меня перед ним нет. “Я счастлив, что ты помогла мне совершить единственный в жизни благородный и бескорыстный поступок, которым я теперь буду гордиться”.

Сергей продолжает служить, а я учусь быть его женой. Это очень трудно, но я спокойна и счастлива и уже ничего не боюсь. Мы нетерпеливо считаем дни, когда сядем в поезд и возвратимся в Москву. Ведь там нас ждет наша дочь.

Михаил СУХАРЕВ:

"ДЛЯ ЧЕЧНИ Я СДЕЛАЛ

Это письмо мы получили из Грозного. В нем — стихи Михаила Сухарева, погибшего от рук чеченских сепаратистов в конце минувшего года, и небольшой рассказ о нем прапорщика наших войск Юлии Соловьевой.

"Кровавая и грозная волна террора гуляет в Чечне, унося с собой дорогих нам людей, — пишет Юлия Александровна. — К жестокости привыкаешь, а это страшно".

Михаил Петрович Сухарев родился в 1949 году на Украине в семье военнослужащего. Отслужил три года срочной, потом окончил Высшую школу МВД, работал в УВД города Киева. Затем трудился в Горьком и Москве, был советником Полномочного представителя главы Чеченской республики при Президенте Российской Федерации по вопросам обеспечения взаимодействия гражданской администрации ЧР с силовыми структурами. После встречи в феврале 1999 года с Б. Гантамировым стал еще и первым помощником главы администрации г. Грозного.

Читая его стихи, понимаешь, что в борьбе с терроризмом, захлестнувшим нашу страну, сгорел не только настоящий, но и весьма одаренный человек. Он любил поэзию с детства, но чеченский период стал в его творчестве особенно плодотворным. Видя вокруг руины и грязь, кровь и смерть, ему хотелось так писать, чтобы люди слышали и знали, что происходит в Грозном. И не случайно последние его слова, сказанные незадолго до гибели, заставляют задуматься каждого: "Победа в Чечне все равно будет за нами, и гибель любого из нас в тамошнем аду непременно хоть кого-то хоть чему-то да научит".

МЧС

Не моем в океанах мы сапог...
Но колья беда
людскую жизнь нарушит,
Мир распахнется весь
у наших ног.
Чтоб мы спасли скорее
чью-то души.

Работаем порою, как в аду.
Нас столько раз валила с ног
усталость.

Но профи мы,
и хоть невозможу,
Несем свой крест.
Надежда ведь осталась.
И пусть порою бьют по нам
в упор

Не только пули
и неблагодарность.
Болезненно мы вынесем укор,
Он все же ближе,
чем комплиментарность.
Пусть здесь и там,
словно взбесившись, рок
Крушит и жжет,
высвобождает атом.
Стихию мы свернем
в бараний рог.

У нас есть все:
от техники до мата.

Голодному доставим мы еды,
А слезы мы заботою осушим.
Чтоб люди не завьли от беды.
Что истерзала их тела и души.

А если выпадает нам покой,
То он для нас не больше
чем мгновенье.
Стихия наша — со стихией бой
Без устали,
без страха,
без сомненья.

Готовы мы с земли, с воды, с небес
Накрыть беду
своим мужицким строем.
Ведь мы спасатели.
Нам имя — МЧС.
А это значит:
Мы
Чего-то
Стоим!

МОЙ ОТВЕТ

Сколько раз я слышал:
— Слушай, Миша,
Извини за каверзный вопрос:
"Прохудилась, что ли,
твоя крыша,
Что за черт тебя в Чечню занес?"

Дорожу лицом, а не личиной,
Не меняю взгляды, как носки.
Лучше умереть в Чечне
мужицкой,
Чем в Москве спиваться от тоски.

А после того, как я увидел,
Как страдает от войны народ,
Чтоб отъездом я его обидел?!
Или я, по-вашему, урод?

Вы бы меня меньше вопрошали.
Все тут ясно,
что тут понимать?
Миром всем Чечню мы разрушали,
Миром всем ее и поднимать.

ПАМЯТИ ВЛАДИМИРА МОРОЗОВА

Мы обнимались от души,
Не ритуально.
"Стихи, просил ты, напиши
Нормально:
Про наш в Чечне тяжелый труд —
Ни дня без риска.
Как по канату, ходим тут —
Высоко, склизко.

Весь этот форменный бардак
Не зрели б очи...
Махнуть бы в Питер просто так
На белые ночи.

Где хоть немного отдохнешь
Душой и телом,
По-настоящему уснешь
Под небом белым”.

ВСЕ, ЧТО МОГ...

Что ж ты, Володя, учинил
Со мною в Грозном?!
Стихи я к Пасхе сочинил,
Да было поздно...

ПОМИНАЛЬНОЕ

Я прошу всех невинно павших
В безобразнейшей этой войне,
Автомат в руках не державших,
Помянуть от души вдвойне.

Под огромною Божьей крышей.
Где уже никому не мстят,
Души их, может, нас услышат
И быть может, за все простят.

“ВОЛЖАНКА”

Катится “волжанка” —
верный конь.
Среди громоздящихся развалин.
Ты колесами запал не тронь
Посреди асфальтовых опалин!

Пронеси, родная, пронеси.
Сколько верст с тобой
я отмерил!
Рано нам с тобой на небеси,
Мой стальной,
мой бело-серый мерин.

Дел ведь столько —
только и крутись,
Если совесть все-таки осталась.
Что, опять прокол?
Ну становись.
Это не беда, а только малость.

Вот когда фугас — тогда тоска!
Вот тогда уж не бывает хуже.
Это вам не пуля у виска,
Смертной от фугаса
вет стужей.

Без башки останусь
иль без ног.
Но тогда уж знайте, дорогие;
Для Чечни я сделал все, что мог,
Пусть теперь попробуют другие.

РЕКВИЕМ ПО МОРЯКАМ “КУРСКА”

Лишь недавно была ты
творенья венцом
И плыла в глубине
грациозно и ходко,
А теперь вот лежишь,
в ил уткнувшись лицом,
Пораженная роком
подводная лодка.

Изнутри слышен лишь
затихающий стук:
“Мы попали в беду,
нам ее не осилить!”

Ни заплаканных глаз,
ни протянутых рук —
Так прощаются лучшие дети
с Россией:

“Мы прощаем всех вас
у последней черты
Кроме тех, что державу
порвали на части.
Мы спешим вас простить,
мы со смертью на “ты”.
С нашей смертью пусть сгинут
и ваши напасти!
Нам объятия моря
ослабит невмочь,
Смерть стоит на часах
возле нашего стяга.
Видно, больше никто
нам не в силах помочь.
Мы достойно уйдем
к экипажу “Варяга”.
Нас не надо оплакивать
в каждых “Вестях”
И показывать лодку
с огромною раной.
Пусть нам памятью будет
Андреевский стяг.
Гордо реющий ныне
во всех океанах”.

Ни креста
над погибшей подлодкой,
ни вех,
Далеко до спасительной
солнечной суши.
Пузырьки поднимаются
стайкою вверх —
То, Россия, сынов твоих
светлые души.

Волны, жертву приняв,
от родных маяков
Наши с вами венки
к океану уносят.
И сегодня опять у своих моряков
Вся Россия со скорбью
прощения просит.

ГРОЗНЫЙ. 7 МАРТА 2007 ГОДА

Любовь к Отчизне —
двигающий стимул,
В победу вера
не дает тужить.
Мы пережили здесь
такую зиму —
Другим ее уже не пережить!

Мы верили —
не будет здесь, как прежде.
Когда царил повсюду беспредел.
Без денег, света, газа,
но с надеждой
Вершили мы великий передел.

Нам тяжело.
Но тяжелей не будет.
А лучшее зависит лишь от нас.
И верится,
что Грозный не забудет
Тех, кто его от приговора спас.

Родные, милые,
немножко потерпите,
И всем воздастся должное
сполна.
Да будет мир,
который вы вершите.
И счастьем станет
ваша жизнь полна!

...Весна пришла:
любимый город ожил.
Как оживает тяжелобольной.
Кто в Грозном эту зиму
с нами прожил.
Того уже не испугать войной.

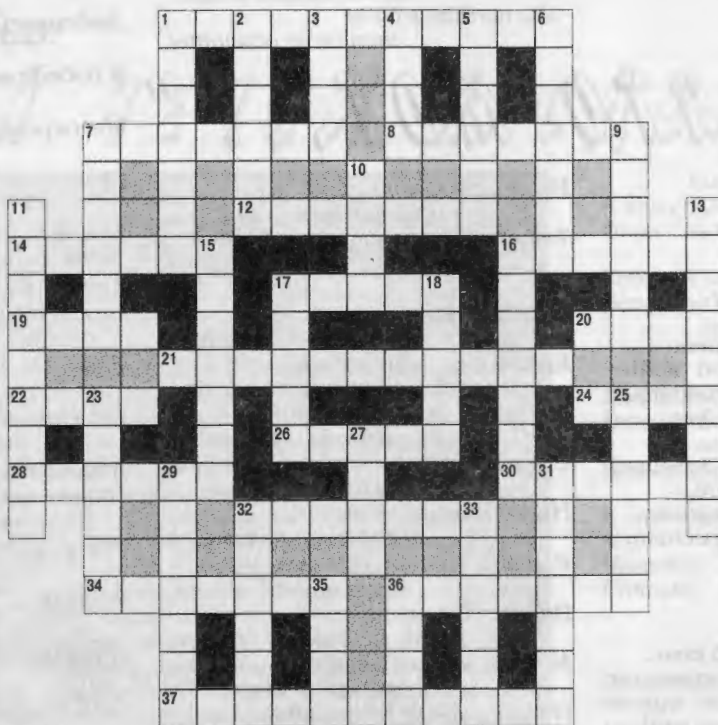
Публикация
Юлии СОЛОВЬЕВОЙ

ПО ГОРИЗОНТАЛИ:

1. Самолет, надводный корабль или подводная лодка, основным оружием которых являются ракеты. 7. Немецко-фашистский военный деятель, адмирал, руководитель разведки и контрразведки в 1935-1944 гг. 8. Машина для разрыхления сыпучих веществ. 12. Бронированное закрытое помещение на военном корабле для установки орудий, хранения боеприпасов и защиты людей от огня противника. 14. Высшее воинское звание в Российской армии. 16. Общее название устройств и средств, применяемых для уничтожения живой силы и техники противника. 17. Оружие для метания камней, металлических шаров и пр. 19. Электромагнитный прибор для включения в электрическую цепь приборов, машин. 20. Неглубокая пещера со сводчатым потолком и широким входом. 21. Движение самолета по наклонной к горизонту траектории. 22. Метка, предмет, явление, которым обозначается или выражается что-либо. 24. Поэт-импровизатор и певец у казахов и киргизов. 26. Плотная, многослойная хлопчатобумажная ткань. 28. Железная или автомобильная дорога в полосе боевых действий войск, проходящая параллельно линии фронта. 30. Верховный Главнокомандующий Вооруженными Силами СССР в годы Великой Отечественной войны. 32. Русский живописец, автор картины "Фашист пролетел". 34. Водовод для подачи воды к населенным пунктам и другим потребителям, расположенным выше источника. 36. Соглашение между государствами относительно их взаимных прав и обязанностей в политических, экономических, военных и других отношениях. 37. Должностное лицо в роте, ведающее оружием, одеждой, снаряжением и другим имуществом.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Один из первых образцов ручного огнестрельного оружия на Руси в XIV веке. 2. Общее жилое помещение для матросов и старшин на кораблях и судах. 3. Общее наименование канатно-веревочных изделий из волокнистых материалов или стальной проволоки. 4. Углубление в стене окопа для размещения оружия и продовольствия. 5. Орган сторожевого охранения (обычно в составе 2-3 солдат). 6. Ракетная ступень, используемая в американских ракетах-носителях "Атлас" и "Титан". 7. Чин младшего командного состава в русской армии в

XVII-XVIII вв. 9. Построение военнослужащих в шеренге по росту. 10. Предохранительное устройство в ручной гранате. 11. Отверстие в стене фортификационного сооружения для ведения огня из орудий и пулеметов. 13. Воинское звание младшего офицерского состава в армии России. 15. Созвездие северного полушария неба. 16. Многоместный конный экипаж для перевозки пассажиров. 17. Способ войсковой разведки. 18. Наиболее решительный момент в наступательных действиях войск. 23. Опросный лист для получения каких-либо сведений о том, кто его за-

полняет. 25. Диаметр канала ствола огнестрельного оружия. 27. Возможная опасность какой-либо неудачи при достижении желаемого результата. 29. Ежедневные записи одного лица или коллектива, ведущиеся синхронно событиям их жизни. 31. В окопах и траншеях земляная насыпь, защищающая от огня противника с флангов или с тыла. 32. Подземный ход. 33. Селение в Австрии, вблизи Вены, в районе которого в 1809 г. армия Наполеона разгромила австрийцев. 35. Боевой строй пехоты в виде четырехугольника для отражения атак кавалерии. 36. Определенное, точно отмеренное количество чего-либо.

Составил Евгений КУЛИКОВ

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 2, 2002

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 2. Дот. 5. Льяло. 6. Рубеж. 9. Самострел. 12. "Победа". 13. Офицер. 14. Приклад. 16. Батов. 17. Визир. 18. Санитар. 19. Охватов. 21. Никитин. 23. Адмирал. 25. Дахау. 26. Барма. 27. Кавалер. 30. "Родина". 32. "Иллиада". 33. Талалихин. 34. Радио. 35. Исаев. 36. Вит.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Пьеса. 2. "Дороги". 3. Тротил. 4. Жерло. 7. Рокада. 8. Демобилизация. 10. Милитаризация. 11. Ленино. 14. Патронник. 15. Детонатор. 18. "Сын". 20. Вал. 22. Исаков. 24. Армада. 28. Влахов. 29. Люизит. 31. "Атлас". 32. Инбер.

Для Семена Петровича ГУДЗЕНКО (1922 — 1953 гг.) нынешний год юбилейный — поэту исполнилось бы 80. Но его без малого полвека уже нет среди нас.

Он родился и вырос в Киеве. В 1939 году поступил в ИФЛИ — знаменитый институт философии, литературы, истории, из которого в первые же дни Великой Отечественной добровольцем ушел на фронт. Бойцом-пулеметчиком Отдельной мотострелковой бригады особого назначения НКВД СССР воевал под Москвой, участвовал в рейдах по тылам врага, в одном из которых был тяжело ранен. Потом, в послевоенном 46-м, напишет пророческие строки: "Мы не от старости умрем — от старых ран умрем", но тогда, на войне, рождалась его Поэзия — поэзия ничем не приукрашенной солдатской правды. Рождалась пронзительная интонация его стихов, выдвинувших молодого поэта в первый ряд мастеров слова не только фронтового поколения, но и вообще XX века.

ПЕРЕД АТАКОЙ

Когда на смерть идут — поют,
а перед этим

можно плакать.

Ведь самый страшный час в бою —
час ожидания атаки.

Снег минами изрыт вокруг
и почернел от пыли минной.

Разрыв.

И умирает друг.

И значит, смерть проходит мимо.

Сейчас настанет мой черед.

За мной одним

идет охота.

Будь проклят

сорок первый год

и вмерзшая в снега пехота.

Мне кажется, что я магнит,
что я притягиваю мины.

Разрыв.

И лейтенант хрипит.

И смерть опять проходит мимо.

Но мы уже не в силах ждать,

И нас ведет через траншеи
окоченевшая вражда,

штыком дырявящая шею.

Бой был коротким.

А потом

глушили водку ледяную,

и выковыривал ножом

из-под ногтей

я кровь чужую.

